

# ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (62) — 2012

Министерство образования и науки Российской Федерации  
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

---

***Редакционная коллегия:***

**О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;  
доктор исторических наук, профессор),

**С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),

**В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),

**В. Н. Аргунова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),

**И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;  
доктор психологических наук, профессор),

**З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;  
доктор исторических наук, профессор),

**Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),

**Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),

**Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;  
кандидат исторических наук, доцент)

***Адрес редакции:***

153025 Иваново, ул. Ермака, 39  
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79  
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna\_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru  
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,  
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2012  
© ФГБОУ ВПО «Ивановский  
государственный университет», 2012

# WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 1 (62) — 2012

Russian Ministry of Education and Sciences  
Ivanovo State University

---

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws  
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage  
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended  
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation  
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

---

***Editorial Board:***

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),  
**S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),  
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),  
Prof. **V. N. Argunova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),  
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),  
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhny Novgorod State Research University),  
Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),  
**N. A. Shvedova**, Dr. Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies  
of Russian Academy of Sciences),  
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University)

***Editorial Office Address:***  
153025 Ivanovo, Ermak str., 39  
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79  
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna\_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru  
The e-copy of the issue can be accessed at [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru),  
[www.ivanovo.ac.ru](http://www.ivanovo.ac.ru)

The issues may be sent by the preliminary request  
**Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513**



# Содержание

## СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

<b>Шаповская Л. Л.</b> Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса .....	3
<b>Шишелякина А. Л.</b> Добрачные стратегии татарок в условиях трансформации российского общества (На примере татарского сообщества Тюменской области) .....	17

## ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

<b>Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматанова Г. Л.</b> Исторические традиции женской благотворительности в России (На примере семей губернаторов Верхнего Поволжья) .....	26
<b>Соловьев А. А.</b> Чтение женщин-крестьянок Владимирской губернии в конце XIX— начале XX в. ....	38
<b>Такташева Ф. А.</b> Роль женщин в восстановлении народного хозяйства Сталинградской области (1943 — начало 1950-х гг.) .....	49
<b>Смеюха В. В.</b> Женские журналы СССР в 1945—1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация .....	55
<b>Штылева М. В.</b> Реализация политики гендерного равенства в странах Северной Европы .....	67

## ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<b>Вента Р.</b> Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX—XXI вв. ....	81
<b>Исакова И. А.</b> Транспортная реклама: гендерный аспект .....	89
<i>Аннотации</i> .....	97
<i>Авторы номера</i> .....	101



# Contents

## SOCIOLOGY OF FAMILY

- Shpakovskaya L. L.** Cohabitation: marriage strategies of urban middle class young representatives ..... 3
- Shishelyakina A. L.** Tatar premarital strategies in the context of transformation of Russian society (By the example of Tatar community in Tyumen' region) ..... 17

## WOMEN'S AND GENDER HISTORY

- Marasanova V. M., Albegova I. F., Shamatonova G. L.** Historical traditions of female charity in Russia (By the example of families of governors of the Top Volga region) ..... 26
- Soloviev A. A.** Reading of women-peasants of the Vladimir province at the end of the XIX — beginning of the XX century ..... 38
- Taktasheva F.A.** Women's role in reconstruction of national economy in Stalingrad region (1943 — beginning of the 1950-th) ..... 49
- Smeyukha V.V.** Women's magazines in USSR in 1945—1991: typology, problematic, figurative transformation ..... 55
- Shtyleva M. V.** Realization of the policy of gender equality in countries of Northern Europe 67

## GENDER SOCIOLOGY

- Venta R.** Image evolution of a Moslem woman in researches of XX—XXI c. .... 81
- Isakova I. A.** Transport advertizing: gender aspect ..... 89
- Summaries* ..... 99
- Authors of the issue* ..... 101



---

---

# СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

---

---

ББК 60.561.53

*Л. Л. Шпаковская*

## НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ СОЮЗЫ: БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРОДСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

Статья посвящена тому, чего в современном российском официальном дискурсе семейной и гендерной политики практически не существует, тому, что является маргинальным или ненормативным, но в последние годы стало достаточно обычным и приемлемым для повседневной жизни и обыденного сознания. Речь идет о «гражданском браке». Данное словосочетание заключено в кавычки, поскольку, как будет показано далее, оно не считается приемлемым для самоназвания и самоидентификации партнеров, состоящих в «гражданских» союзах, так же как оно не является конвенциональным и для авторов социальных и гендерных исследований. Тем не менее понятие «гражданский брак» остается единственным устойчивым выражением, позволяющим практически всем (исследователям, политикам, журналистам и др.) понимать, о чем идет речь.

В англоязычной литературе для обозначения интимных союзов данного типа используются такие термины, как «intimate relationships» (интимные отношения), «partnership» (партнерство), «couple» (пара), «cohabitation» (сожительство), «consensual union» (союз по согласию) (см.: [3, 9, 12, 26]). Применительно к российскому контексту социолог Елена Вовк предлагает использовать такие термины, как «близкие интимные отношения», «интимный союз», «пара» [3]. Демограф Сергей Захаров вводит термин «партнерство» как наиболее уместный в данном случае и объединяющий континуум отношений добровольных союзов (кроме брака) [9]. В исследовании «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (НИСП, 2004, 2007) также использовалась категория партнерства. При этом под партнерами подразумевались люди, которых связывают устойчивые интимные отношения, предполагающие наличие сексуальной близости [10, с. 90]. Вслед за российскими демографами для обозначения незарегистрированных союзов мы будем использовать термин «партнерство», принимая во внимание терминологическое разнообразие, сложившееся в связи с данной исследовательской проблематикой.



Итак, в статье анализируется гендерный уклад современных российских сожительств, в ней на основании эмпирического исследования реконструируется феноменология «гражданского брака», выделяются те смыслы, которые приписываются этому явлению обыденным сознанием, предлагается типология партнерских союзов, интерпретируются изменения в организации интимности, характерные для современного российского общества.

### **Постановка проблемы: интимные союзы в контексте трансформаций гендерного порядка**

Западные и российские исследователи обращают внимание на то, что распространение практики сожительства является свидетельством фундаментальных сдвигов в организации приватной сферы, подразумевающих изменение ролей мужчин и женщин не только в частной, но и в публичной жизни [3, 6, 8, 9, 13, 25, 26, 27]. Увеличение числа союзов такого типа может рассматриваться как индикатор трансформации гендерного порядка в направлении большей вариативности, плюрализации и демократизации гендерных отношений наряду с такими явлениями, как распространение «гостевых браков» (*living apart together*) и «отставленного родительства», рост числа детей, рожденных вне брака, и числа разводов. Применительно к западному контексту исследователи называют эти изменения «вторым демографическим переходом» [28], «трансформацией интимности» [5], «текучестью» семьи [22, 23]. Анализируя российскую ситуацию, Сергей Захаров обозначил данный процесс как «тихую революцию» середины 1990-х гг., подразумевая под этим термином целый ряд явлений в области репродукции: от повышения возраста вступления в брак и сокращения числа ранних браков до почти полного исчезновения незапланированных беременностей [10, с. 82—87].

Если в России еще 15—20 лет назад гражданские браки были достаточно маргинальным явлением, то в 2000-х практика сожительства стала вполне конвенциональной для представителей городского среднего класса. Перепись населения 2002 г. показала, что на момент ее проведения 11 % всех заявленных брачных союзов были незарегистрированными. По данным опроса ФОМ (2004), опыт сожительства когда-либо имели 22 % россиян [3]. Исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (НИСП, 2004) показало, что в возрасте до 25 лет половина россиян состояла в неформальных союзах. Исследование 2004 г. продемонстрировало большую распространенность таких союзов по сравнению с переписью 2002 г. [10, с. 87, 98, 102]. Таким образом, данные, касающиеся первой половины 2000-х гг., дают возможность говорить о расширении практики партнерства в российском обществе в этот период. Перечисленные выше тренды распространены во всех обществах западного типа. Например, в США пропорция браков, которым предшествовало совместное проживание партнеров без регистрации, увеличилась с 10 % для тех, кто вступил в брак в период с 1965 по 1974 г., до 50 % для вступивших в брак между 1990 и 1994 г. При этом в 2000 г. число проживающих совместно без регистрации брака пар составило около 9 % от всех союзов [19]. В Польше количество незарегистрированных гетеросексуальных союзов выросло с 1,3 % в 1988 г. до 4,5 % в 2006 г. [25].

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что происходящие в России изменения гендерных отношений в определенной степени соответствуют общемировым трендам. Анализируя содержательные изменения интимных союзов в западном обществе, Энтони Гидденс показывает, что брак и семья приобрели совершенно иные значения, чем 40 или 30 лет назад. Трансформация интимности связана с постепенной утратой браком значения формального института, непосредственно связанного с контролем над сексуальностью индивидов и деторождением, поддерживаемого традицией и правилами гендерного разделения труда (между мужем-кормильцем и женой-домохозяйкой). Он перестает быть единственной легитимной формой организации интимности [5]. Джейн Льюис отмечает, что брак приобретает смысл текучего (fluid) проекта, который трансформируется со временем, переходя от партнерства к браку, от бездетной двухкарьерной семьи к семье с детьми и традиционным разделением труда. При этом партнеры каждый раз должны заново договариваться о размерах и пропорциях своих финансовых и временных вкладов в семейную жизнь. В результате этих изменений брак все больше воспринимается как сфера риска, нежели защита от рисков, как это было традиционно [23]. В этом контексте партнерство предстает привлекательной формой организации приватной жизни, поскольку оно связано с взаимным выбором партнеров, представляет собой открытый проект, включающий «комплекс взаимодействий, который требует постоянных переговоров и работы над собой» [5, с. 36]. Далее на материалах эмпирического исследования будет рассмотрено, возможно ли обнаружить аналогичные содержательные изменения брака и партнерства в российском контексте и становится ли «гражданский брак» полноценной альтернативой браку официальному.

#### **Городской средний класс: работа, организация приватности и стиль жизни**

В настоящей статье проводится микросоциологический анализ смыслов и практик организации приватной жизни молодых людей. При ее написании были использованы собранные в рамках проекта «Новые формы организации отношений в гетеросексуальных парах молодого поколения»<sup>1</sup> интервью с молодыми людьми, жителями Санкт-Петербурга, проживающими в партнерских союзах (не менее 6 месяцев), т. е. ведущими совместное хозяйство без регистрации брачных отношений<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Материалы исследования включают 21 тематическое глубинное интервью, посвященное организации повседневной жизни, досуга, способам разделения домашнего труда, взаимоотношениям в паре. Респондентами выступали жители Санкт-Петербурга, проживающие в гетеросексуальном незарегистрированном союзе, в возрасте от 20 до 40 лет. Методика исследования предполагала интервьюирование обоих партнеров в паре. При этом каждый партнер был проинтервьюирован отдельно. Таким образом, всего было опрошено 10 гетеросексуальных пар, ведущих общее хозяйство и имеющих интимные отношения. Дополнительно в массив данных было включено интервью с респонденткой, партнер которой отказался принять участие в исследовании.

<sup>2</sup> В статье используются данные проекта гендерной программы ЕУСПб «Новые формы организации отношений в гетеросексуальных парах молодого поколения. Что

Респондентов, принявших участие в исследовании, можно отнести к молодой когорте городского среднего класса. Наши респонденты работают либо планируют после окончания вуза получить работу в отраслях так называемой новой экономики, к которой относят деятельность, связанную с производством информации, знаний, технологий [17]. Среди них есть IT-специалисты, экономисты, педагоги, инженеры, дизайнеры, переводчики, менеджеры. Доходы, стиль жизни и стиль потребления также характеризуют их как представителей среднего класса. Совокупный месячный доход пар, принявших участие в исследовании, составляет от 40 до 100 тысяч рублей (без учета премий, корпоративных бонусов, которые часто бывают доступны сотрудникам крупных компаний). Наиболее молодые респонденты (22—25 лет) находятся в начале своей профессиональной карьеры, заканчивают учебу, ищут свое «место в жизни», свою первую работу. Наиболее взрослые участники исследования (26—30 лет) могут быть названы профессионалами, уже достигшими определенных успехов в карьере. Все пары, принявшие участие в исследовании (в том числе и пары, имеющие детей), являлись двухкарьерными, т. е. оба партнера в них на момент проведения исследования работали или учились, что является типичным для гендерного контракта гражданского брака и определяет специфику разделения труда в паре.

Стиль жизни и потребительские практики участников исследования достаточно типичны для городского среднего класса<sup>3</sup>. Большинство пар проживают отдельно от родителей, снимают жилье или живут в квартире, принадлежащей одному из партнеров (как правило, жилье либо достается по наследству, либо приобретено родителями). Пары, проживающие совместно с родителями или другими родственниками, воспринимают такую жилищную ситуацию как временное явление и планируют в будущем предпринимать действия, направленные на приобретение отдельного жилья. Во многих парах один из партнеров имеет машину, в некоторых — оба партнера. Достаточно большую часть совместного времяпрепровождения (как по критерию объема времени, так по значимости для респондентов) занимает совместное потребление: поездки в супермаркеты и шоппинг-центры, посещение кафе, ресторанов, клубов, путешествия, ремонт и обустройство жилья, культурное потребление. Некоторые респонденты имеют вполне осознанную классовую идентичность, определенным образом позиционируя себя в пространстве вкусов и стилей жизни, обнаруживая четкие классовые границы в потреблении.

Таким образом, наше исследование ограничено изучением практик брачного и репродуктивного поведения, характерных для ограниченного социального слоя — городского среднего класса. Согласно исследованию Института социологии РАН, проведенному в 2006 г., к его представителям на основании таких критериев, как доход, образование, занятость и самоидентификация, можно отнести 14 % населения России [7]. Специфика выборки нашего исследова-

---

такое гражданский брак?», проведенного в 2009 г. и поддержанного Фондом Белля (руководители Е. Здравомыслова, А. Темкина, координатор Л. Шпаковская).

<sup>3</sup> О потребительских предпочтениях и стилях жизни городского среднего класса на материалах Санкт-Петербурга см. [4, 18].

дования накладывает два важных ограничения на его результаты. Во-первых, мы не можем экстраполировать результаты исследования относительно практик и смыслов партнерства на другие социальные слои и группы российского общества<sup>4</sup>. Во-вторых, только достаточно условно можно отделить типичные черты «гражданского брака» от эффектов социального слоя, т. е. практики и отношения, характерные для любых типов интимных союзов внутри данного слоя, от практик и отношений, являющихся типичными для «гражданского брака» как такового. Тем не менее мы полагаем, что некоторые практики и их интерпретации меняются или оформляются именно в отношениях партнерства. Можно ли выделенные нами смысловые рамки обнаружить в других социальных средах или «гражданские браки» в них могут приобретать совсем другие смыслы? Не являются ли рефлексивность, свобода и индивидуализм типичными чертами образованных горожан, а не институциональными особенностями «гражданского брака»? Эти вопросы практически неразрешимы в рамках данного исследования.

#### **«Свобода» и «отношения»: феноменология партнерства**

Категории «свобода» и «отношения» являются одними из ключевых, смыслообразующих понятий для понимания специфики организации партнерства. Можно выделить следующие сферы, в которых они проблематизируются и представляются как ценность/опасность: отношения внутри пары, родительство, отношения с представителями старшего поколения.

---

<sup>4</sup> Вопрос о том, насколько качественные данные, собранные в отношении этой группы — городского среднего класса, могут способствовать пониманию изменений в сфере брачного и репродуктивного поведения, характерных для всей России, является чрезвычайно спорным. С одной стороны, исследователи отмечают, что такие группы являются носителями инновативных практик [14], т. е. практик, которые после их освоения в данной среде постепенно распространяются на все общество. Данные группы, обладая высоким уровнем образования и доходов, быстрее воспринимают, заимствуют и осваивают новые технологии, потребительские образцы, формы финансового и трудового поведения. Иначе говоря, можно рассматривать средний класс как инициатора социальных инноваций в самых разных сферах деятельности [17]. Эти инновации могут также касаться и репродуктивно-брачного поведения [25]. С другой стороны, как отмечает французская исследовательница Элен Ивер-Жалю, изучавшая изменения самосознания российских женщин на протяжении XIX—XX веков, либеральные идеи относительно социальной роли женщин, свободные взгляды на брак и любовь не являются недавним изобретением. Они были характерны для определенной части российской интеллигенции, противопоставлявшей себя буржуазной морали, но никогда не имели широкого влияния. Примером могут служить идеи Александры Коллонтай о новой, свободной от уз буржуазного брака женщине, о любовных и супружеских отношениях, основанных на принципах индивидуальной свободы. Эта революционная мораль в 1930-е гг. практически полностью была поглощена советской идеологией «буржуазной» семьи, идеологией приоритета коллективных ценностей и ханжеского отношения к сексуальности, особенно вне брака, так и не распространившись на все общество [29]. Таким образом, вопрос о влиянии практик городского среднего класса и возможности их распространения в более широком социальном контексте остается открытым и неоднозначным.

**Отношения внутри пары.** Говоря о восприятии брака и позиционируя свой союз в контексте нормативных семейных моделей, респонденты вводят понятие «отношения». Отношения — это то, что характеризует интимный союз и его качество (хорошие/плохие отношения). Отношения несводимы к обязательствам и ролям, которые предстают как внешние институциональные требования и которым индивиды вынуждены подчиняться, и часто противоположны им. Отношения являются результатом постоянных переговоров, соглашений, сознательно выбранных ограничений на основе взаимной привязанности и любви. Отношения возникают в результате взаимной эмоциональной работы партнеров, работы по самоконтролю и самоограничению. «Гражданский брак» — это неписанный договор, который заключают партнеры, беря на себя обязательства по поддержанию «хороших отношений», и который может быть расторгнут в случае невыполнения обязательств. При этом потери (как финансовые, так и эмоциональные) при расторжении этого неписаного договора воспринимаются как значимо меньшие, чем при расторжении официального брака. Такое понимание отношений тесно связано с понятием свободы. Партнерство подразумевает возможность свободного расторжения отношений, дает свободу выбора наиболее оптимального партнера, служит гарантом качества отношений. В следующем отрывке из интервью категории «свобода» и «отношения» оказываются тесно связанными, свобода выступает гарантом отношений и является стимулом работы над ними: *«Мне кажется, что дает сожителю, такие **отношения**, такой гражданский брак? Главное, что он дает понимание, что каждый человек **свободен**. И я понимаю, что Никита **свободен встать и уйти** в любой момент, и поэтому я сдержу себя и не скажу много чего, что я могла бы себе позволить, если бы я была замужем»* (Ангелина, 23 года).

Хотя практика переговоров может встречаться в союзах любого типа, в том числе и в браке, в сожительстве она образует систему, являясь ключевым моментом совместной работы по поддержанию «хороших отношений». Можно сказать, что договор, переговоры, поиск решения в проблемной ситуации выступают оборотной стороной свободы. Свобода достигается через договорные отношения, которые предполагают большую степень равенства. Практики переговоров и обсуждений различных аспектов интимной повседневной жизни разительно отличаются от практик умолчания, характерных для закрытых старших поколений [16].

**Родительство.** Партнерство в большинстве случаев считается такой формой отношений, которая не подходит для рождения и воспитания детей. Большинство участников исследования убеждены в том, что родительство возможно только в зарегистрированном браке. Отношения брака воспринимаются как стабильные, постоянные, длительные, что отличает их по смыслу от сожительства. Именно эти свойства брака и делают его, по мнению респондентов, единственно приемлемой формой для реализации родительства.

Родительство приобретает рефлексивный характер. Некоторые респонденты не только имеют достаточно четкие представления о желаемом количестве детей и времени их рождения, но, что наиболее важно, эти планы оказываются вписанными в общий жизненный проект наряду с карьерой, представ-

лениями о необходимом уровне и стиле жизни. Ребенок не воспринимается как спонтанный «плод любви» или то, что появляется «само собой» [11], это событие, которое планируют, к которому готовятся, выбирая для него наиболее подходящее время и место.

Партнерство связано со стратегией отложенного родительства. Молодые представители среднего класса уделяют много времени карьере, досугу, путешествиям и культурному потреблению. Они воспринимают эти занятия как деятельность «для себя» и не всегда готовы отказаться от них для кого-то другого: *«Честно говоря, не знаю, мне как-то стремно. Просто для меня дети — это перестать жить для себя. То есть я такой эгоист»* (Света, 27 лет). Вместе с тем, от родительства они не отказываются. Их жизненный проект разделен на две части: период свободы, поиска, карьеры и партнерства, за которым следует период родительства, стабильности и брака. Это становится особенно актуальным для молодых женщин, которые стремятся избежать двойной нагрузки, отложить время выбора между семьей и карьерой в связи с рождением детей. В результате собственное положение женщины определяется как промежуточное: между «старыми» практиками раннего замужества и рождения детей, характерными для российской репродуктивной культуры, и «новыми» для российского общества практиками карьерно-ориентированных «космополитов», откладывающих рождение детей для построения карьеры. Светлана (27 лет) сравнивает себя с двумя категориями подруг — «за границей» и «здесь», представляющими «старые» и «новые» практики репродуктивного поведения: *«У меня есть две категории подруг: те, которые свалили за границу и там работают активно, учатся, вернее отучились, работают в общем, живут там. А другая категория — здесь уже пережилась и нарожала детей, либо собирается, либо в процессе. И, собственно, я где-то между. ...Прямо сейчас рожать тоже я не хочу. То есть просто этот момент оттягиваю, пожалуй».*

Баланс ролей решается Светланой в пользу работы, дающей возможность материального благополучия, независимость и авторитет внутри пары. Светлана не отказывается от рождения ребенка (или даже нескольких детей), а лишь откладывает это решение. Кристина, 23 лет, также высказывается за отложенное деторождение, полагая, что период «молодости и здоровья» позволяет искать, менять работу, заниматься карьерой, зарабатывать, в то время как появление ребенка накладывает ограничение на «свободу действий»: *«Пока мы молодые, пока здоровые, зарабатывать можем. Также некоторое преимущество, пока детей нет, определенная свобода действий есть в финансовом плане. Потому что там просто так уже не уйдешь с работы, не сменишь, я имею в виду, когда дети».*

Таким образом, «гражданский брак» оказывается такой формой организации повседневности, в которой партнеры, представители городского среднего класса, могут уделять время себе, своим отношениям, хобби, карьере. Он предоставляет своеобразную индульгенцию для того, чтобы спланировать время, когда придется подчиниться довлеющим репродуктивным нормам, дает возможность отставленного родительства, разрывая смысловую связь между отношениями близости, любовью, сексом и деторождением.

**Отношения с представителями старшего поколения.** Партнерство в большинстве случаев представлено в рассказах респондентов как пространство отношений двух свободных людей, проводящих совместно свободное время, занятых потреблением, обустройством быта и принимающих решения о распределении обязанностей. Оно не воспринимается как семья в полном смысле этого слова, обладая при этом определенной степенью легитимности в глазах общества. «Гражданский брак» позволяет, с одной стороны, легитимно отделиться от родителей, а с другой — манипулировать автономией, ресурсами, избегать ответственности и обязательств перед представителями старшего поколения, минимизировать общение и поддерживать дистанцию по отношению к ним. Например, партнеры могут принимать материальную помощь родителей, но отказываться исполнять их требования участия в совместных домашних работах, помощи «по хозяйству».

О наличии финансовой помощи со стороны родителей (периодической или регулярной) свидетельствуют наиболее молодые респонденты. Однако гораздо чаще взаимные материальные обязательства между представителями молодого и старшего поколения отсутствуют. Во многом это связано с тем, что и родители и дети имеют свои собственные ресурсы. Родители, как правило, еще продолжают работать, а молодые люди (по крайней мере, один из партнеров) уже начинают работать и получать собственные деньги. Взаимоотношения со старшими родственниками приобретают характер взаимопомощи в парах, уже имеющих детей. В этом случае уход за детьми и их воспитание осуществляются женщинами разных поколений, однако молодые матери предпочитают обращаться к родительской помощи только в случае необходимости. Так, респондентки с детьми выступают против излишнего вмешательства бабушек «в образовательный процесс» и предпочитают к ним обращаться, когда необходимо погулять или «посидеть» с ребенком.

Общение с представителями старшего поколения часто имеет ритуализированный характер посещения их молодыми парами по выходным, праздникам и дням рождения. Такая форма взаимодействия часто воспринимается респондентами как «приятная», доставляющая радость и взаимное удовлетворение. Однако во многих случаях такая коммуникация со старшими родственниками приобретает потенциально конфликтный характер. Родители требуют от детей внимания, заботы и выполнения эмоциональной работы, что порождает взаимную неудовлетворенность и является свидетельством межпоколенческого напряжения, связанного как с притязаниями родителей на большую эмоциональную вовлеченность, так и чувством вины со стороны детей в связи с неспособностью выполнить эту работу. «Я их часто расстраивал», «Это моя вина», — говорят респонденты, объясняя сложные отношения с родителями.

Таким образом, сожителство как «полулегитимная» семья позволяет достаточно гибко организовывать взаимодействие с представителями старшего поколения, достигать автономии, минимизировать контроль и в то же время в случае необходимости привлекать ресурсы и помощь родителей. Можно предположить, что автономизация от старших родственников представляет определенный этап жизненного цикла молодых людей, связанный с отделением от

родителей и построением собственного пространства частной жизни и семьи. Вместе с тем межпоколенческое напряжение, взаимные претензии, чувство вины могут рассматриваться как знак ослабления межпоколенных семейных связей, растущей индивидуализации, «культурного похолодания» и ослабления отношений заботы [21, р. 214].

### **Типология партнерств в среде городского среднего класса**

Феноменологический подход, которому мы следовали в эмпирическом исследовании, позволяет выделить не только общие черты, но и различия в интерпретациях сожительства у наших информантов. Несмотря на наличие общих ценностей, характерных для партнерств, эти союзы не гомогенны и представляют собой континуум отношений. Попытаемся выделить основные типы сожительства в среде городского среднего класса на основе тех смыслов «гражданских браков», которые можно реконструировать исходя из интервью с обоими партнерами.

**Партнерство — альтернатива официально зарегистрированному браку.** В этом случае партнерский союз может рассматриваться до некоторой степени как альтернатива браку зарегистрированному. Этот тип союзов в большей степени характерен для самых молодых респондентов в нашей выборке (21—25 лет) и пар, имеющих стаж совместного проживания до двух лет. Молодые люди начинают самостоятельную жизнь, они заканчивают учебу, устраиваются на работу, у них появляются первые самостоятельные ресурсы. Условием возникновения такого союза является наличие отдельного жилья. В процессе совместного проживания пары этого типа создают свое автономное пространство, оформляют его, делают ремонт, приобретают первые предметы мебели, интерьера, конструируя таким образом чувство общности («мы») и свою независимость.

Этот тип партнерства представляется его участникам как противоположность официально зарегистрированному браку. Партнеры отказываются называть свой союз браком, подчеркивая, что основным для них выступает качество отношений. При этом возможность прекратить отношения в случае неудовлетворенности, потерпев при этом незначительные моральные и материальные издержки, «не попасть в такую ситуацию, из которой потом будет трудно выбраться», является привлекательным свойством сожительства. Партнеры опасаются, а иногда выступают против заключения брака, полагая что формальное закрепление статусов и ролей приведет к изменению качества отношений.

**Партнерство — подготовка к браку.** В рамках союза этого типа молодые люди рассматривают партнерство как этап подготовки к зарегистрированному браку. В процессе совместного проживания тестируются отношения, определяются возможные роли, их границы, потенциальные конфликты и способы их решений. Успешная взаимная адаптация заканчивается принятием решения о браке. Партнеры (в этом единодушны и мужчины и женщины) используют совместное проживание для того, чтобы понять: «Сможем мы быть вместе или нет».

Сожительство как пробный брак характерно для респондентов более старшей возрастной когорты (26—32 года), имеющих стаж совместного про-



живания более двух лет. Партнеры задумываются о том, чтобы создать семью, начинают оценивать друг друга с точки зрения возможности стать супругами, т. е. вступить в длительные постоянные отношения, каковыми им представляются отношения брака. При этом смысловая граница между зарегистрированным браком и сожительством становится менее отчетливой по сравнению с первым типом. В тех случаях, когда соительство видится в качестве переходной фазы к зарегистрированному браку, партнеры говорят о том, что их отношения не отличаются от отношений супругов в зарегистрированном браке, полагая также, что никаких изменений не произойдет и после регистрации.

Автономизация от старшего поколения в этом случае не является актуальной стратегией; на первый план выступает идея поиска и «тестирования» потенциального партнера, с которым можно впоследствии заключить брак, «чтобы семья впоследствии не распалась», родить и воспитать совместных детей. Граница между браком и сожительством связана в данном случае с принятием решения о деторождении. Партнерство не рассматривается подходящей формой отношений для рождения и воспитания детей, а стремление обзавестись ребенком выступает одним из основных мотивов для регистрации.

**Партнерство — аналог брака.** Данный тип союзов характеризуется тем, что он практически неотличим по смыслу для его участников от официально зарегистрированного брака. В этом случае респонденты склонны без колебаний называть себя семьей, а друг друга мужем и женой. К таким союзам в первую очередь относятся пары, имеющие детей. В нашей выборке таких пар было две: Олег (31 год) и Юлия (27 лет), а также Софья (40 лет) и ее партнер (41 год). И в том и в другом случае ведение совместного хозяйства и совместное проживание началось с рождения ребенка. При этом о ребенке в данной ситуации говорят как о запланированном и желанном, однако его зачатие в силу различных обстоятельств произошло раньше предполагаемого срока. Совместные хлопоты по уходу и воспитанию младенца не оставляли времени и сил для регистрации брака. Одновременно партнеры осознавали, что фактически регистрация брака не предоставит им никаких преимуществ и существенно не изменит их статус. Респондентки-матери делали упор на «нормальность» своего союза в связи с получением официальных, альтернативных регистрации брака признаний его статуса, подчеркивая, что они не имели никаких сложностей при установлении родительского статуса отца, получали те же самые пособия и льготы, которые полагаются матерям, состоящим в зарегистрированном браке. Вместе с тем участники партнерств данного типа отмечали, что их союз является редким случаем, результатом случайного стечения обстоятельств и не должен «быть примером для других», тем самым воспроизводя нормативную связку брака и деторождения.

Отличительной чертой союзов такого типа выступает ярко выраженная поляризация гендерных ролей. Такая поляризация ролей возникает в связи с появлением у пары ребенка. Эту тенденцию перехода к более традиционной модели ведения домашнего хозяйства в связи с рождением детей отмечают и многие зарубежные исследователи (см., напр.: [20, p. 1459]). Если в двух представленных выше типах союзов респонденты подробно обсуждали сов-

местное проведение свободного времени, общение, поездки, хобби, потребление, при этом рассказы о ведении домашнего хозяйства и разделении ролей не проблематизировались, то в данном типе союзов респонденты были более склонны обсуждать вопросы разделения ролей и организации быта в связи с необходимостью ухода за ребенком, сетуя при этом на отсутствие свободного времени. В партнерских союзах типа «альтернатива браку» и «подготовка к браку» отношения в паре были представлены как эгалитарные, договорные и малоконфликтные. В парах с детьми роли являются поляризованными заданными правилами разделения домашнего труда между отцом и матерью и потенциально конфликтными.

Итак, в российском контексте партнерские союзы различаются с точки зрения того, как их участники относятся к официальному браку. Вопрос о принятии решения о рождении ребенка также является важным для проведения смысловой границы между сожительством и браком. При этом большую роль в самоопределении союза в отношении брака играет возраст партнеров и продолжительность совместного проживания. Молодые люди (20—25 лет) в большей степени склонны создавать партнерские союзы, которые являются альтернативой официально зарегистрированному браку, формой автономизации от старшего поколения, а также «пробным браком», который в случае неудачно сложившихся отношений может легко распасться, а его участники — вступить в новые пробные отношения. Однако чем старше становятся партнеры, тем с большей вероятностью они задумываются о создании семьи и рождении детей, стараясь соответствовать репродуктивным и статусно-маритальным нормам среднего класса. В этом случае партнерство начинает рассматриваться как «подготовка к браку». Только пары с детьми склонны считать себя семьей, хотя и не полностью «нормальной».

Иначе говоря, представители российского городского среднего класса весьма ограниченно готовы принять «гражданский брак» как самоценный, легитимный союз, несмотря на то что дорожат им как пространством доверительных свободных отношений, возможным на определенном жизненном этапе. Таким образом, партнерство можно описать как особую конфигурацию практик интимных союзов, которая, по мнению респондентов, включает большую степень свободы по сравнению с зарегистрированным браком. Оно выступает конвенциональной формой организации интимности для молодых людей, которые отделяются от родителей, но стремятся отодвинуть момент погружения во взрослую жизнь с ее ограничениями и требованиями заботы и ответственности за других.

\*\*\*

В заключение хотелось бы поместить результаты проведенного исследования в контекст текущих дискуссий о направлениях трансформаций гендерных отношений современных обществ западного типа, к которым в той или иной степени можно отнести и Россию. Современные социальные тео-

ретики [1, 2, 15, 24] отмечают изменения экономического порядка<sup>5</sup>, ставшие причиной нестабильности, неопределенности и ненадежности социальных структур. Эти изменения привели к коренным трансформациям интимной сферы в свете индивидуализации, распада человеческих связей, «похолодания» отношений. С одной стороны, индивиды все менее склонны вступать в долгосрочные отношения и обязательства «пока смерть не разлучит нас», предпочитая их временным, преходящим и соответствующим актуальным потребностям отношениям «пока сохраняется удовлетворенность». С другой стороны, современные индивиды склонны медлить, оттягивать момент наступления некоторых значимых событий в своей жизни, которые могут угрожать их мобильному и текучему положению [1, с. 176]. Наши респонденты, будучи профессионалами, занятыми в экономике крупного мегаполиса, оказываются подобны «странникам», которые склонны выбирать наиболее приемлемые для себя условия работы, организации повседневной жизни, интимных отношений. Брачное и репродуктивное поведение является частью единого жизненного рефлексивного проекта. Например, вопрос деторождения и распределения ответственности за детей связан с выбором профессиональной карьеры партнеров, места жительства, обусловлен достижением определенного уровня благосостояния, потребительских стандартов, материальных и жилищных условий существования пары. Респонденты, представители городского образованного среднего класса, видят ценность в свободе, возможности переговоров, гендерном равенстве, достигая их в отношениях партнерства.

Специфика разделения гендерных ролей в паре, а также смысловое наполнение сожителства позволяет говорить о процессе «трансформации интимности» в рамках союзов данного типа в среде городского среднего класса. Оставаясь на периферии семейной, гендерной политики и официального дискурса, партнерства вырабатывают собственные стратегии. Они предполагают ориентацию на себя и свои собственные ресурсы, стремление к автономии и свободе, относительное равенство материальных, временных, эмоциональных вкладов участников. Такие союзы заключаются ради самих себя, ради хороших отношений партнеров и взаимной удовлетворенности, и в этом смысле они являются прибежищем «чистых отношений».

В начале статьи нами был поставлен вопрос о том, становится ли партнерство в российском обществе полноценной альтернативой официальному браку. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что «гражданский брак» предшествует, дополняет, но никак не заменяет официально зарегистрированный брак. Молодые люди, представители городского среднего класса, рассматривают свой жизненный проект как разделенный на два этапа: период мобильности, автономизации, выбора, партнерства

---

<sup>5</sup> Зигмунд Бауман относит к наиболее значимым изменениям экономического порядка глобализацию экономики, гибкость и быструю изменчивость различных ее секторов, высокую мобильность рабочей силы, исчезновение долгосрочных трудовых контрактов, оплату труда в зависимости не от квалификации и стажа, а от способности приносить прибыль в данных экономических условиях [1].

(«жизнь для себя») и следующий за ним период стабильности, оседлости, выполнения институциональных требований брака и родительства, в значительно большей степени предполагающий «жизнь для других». Оба этих этапа воспринимаются ими как привлекательные с различных точек зрения. Таким образом, традиционный брак не исчезает и не подвергается коренной трансформации, оставаясь привлекательной ролевой моделью и приобретая новые смыслы в контексте рефлексивного биографического проекта молодых горожан, представителей среднего класса.

#### *Библиографический список*

1. Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008. 238 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
3. Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? // Социальная реальность. 2005. № 1. URL: [http://bd.fom.ru/report/cat/journ\\_socrea/number\\_1\\_05/gur050103](http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103) (дата обращения: 25.11.2011).
4. Гладарев Б., Цинман Ж. Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности : коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2009. С. 189—221.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М. ; СПб. : Питер, 2004. 208 с.
6. Голод С. И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние // Социол. исслед. 2008. № 12. С. 82—90.
7. Городской средний класс в современной России : аналитический доклад / ИС РАН. 2006. URL: [http://www.isras.ru/analytical\\_report\\_MiddleClass.html](http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass.html) (дата обращения: 24.06.2011).
8. Данилова С. С. Одинокое материнство в общественном мнении // Социол. исслед. 2009. № 5. С. 138—141.
9. Захаров С. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. № 237/238. 6—19 марта. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (дата обращения: 24.06.2011).
10. Захаров С. Трансформация брачно-парнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе : по материалам одного исследования : сб. аналит. ст. / под ред. Т. Малеевой, О. Синявской. М. : НИСП, 2007. Вып. 1. С. 75—126.
11. Кессели К., Роткирх А. Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских женщин // Новый быт в современной России. С. 427—455.
12. Клецин А. А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание // Рубеж : альм. социальных исследований. 1994. № 5. С. 166—179.
13. Кузьмина К. А. Трансформация моделей семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен // Журн. исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 2. С. 201—216.
14. Радаев В. Обычные и инновативные практики в деятельности российского среднего класса // Мир России. 2003. № 4. С. 89—119.

15. *Rutner M.* Гендер и социальная структура: значение приватной сферы в исследованиях социального неравенства // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре. Европейская перспектива. СПб. : Алетейя, 2008. С. 123—136.
16. *Роткирх А.* Советские культуры сексуальности // В поисках сексуальности : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 128—171.
17. *Шкаратан О., Инясевский А., Любимова Т.* Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Демоскоп Weekly. 2009. № 381/382. 15—30 июня. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0381/analit05.php> (дата обращения: 22.06.2011).
18. *Шпаковская Л.* «Мой дом — моя крепость». Обустройство жилья нового среднего класса // Новый быт в современной России. С. 222—261.
19. *Dush C. M., Cohan C. L., Amato P. R.* The relationship between cohabitation and marital quality and stability: change across cohorts? // J. of Marriage and Family. 2003. Vol. 65, № 3. P. 539—549.
20. *Henz U.* Gender roles and values of children: children couples in East and West Germany // Demographic Research. 2008. Vol. 19, art. 39. P. 1451—1500.
21. *Hochschild A.* The Commercialization of Intimate Life : Notes from Home and Work. Berkeley ; London : University of California Press, 2003. 313 p.
22. *Knijn T., Smit A.* Work and family life: three paradigms and ambivalent policies // Social Politics : International Studies in Gender, State and Society. 2009. Vol. 16, № 4. Winter. P. 484—518.
23. *Lewis J.* Work-Family Balance, Gender and Policy. Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar, 2009. 255 p.
24. *Luhmann N.* Love as Passion : the Codification of Intimacy. London : Polity Press, 1986. 264 p.
25. *Matysiak A.* Is Poland really «immune» to spread of cohabitation? // Demographic Research. 2009. Vol. 21, art. 8. P. 215—234.
26. *Seltzer A. J.* Families formed outside of marriage // J. of Marriage and Family. 2000. Vol. 62, № 4. P. 1247—1268.
27. *Teachman J.* Premarital sex, premarital cohabitation, and the risk of subsequent marital dissolution among women // Ibid. 2003. Vol. 65, № 2. P. 444—455.
28. *Van de Kaa D. J.* Options and sequences: europe's demographic patterns // J. of Australian Population Association. 1997. Vol. 14, № 1. May. P. 1—29.
29. *Yvert-Jalu H.* Femmes et famill en Russie d'hier et d'aujourd'hui. Paris : edition du Sextant, 2008. 327 p.

ББК 60.545

*А. Л. Шишелякина*

## **ДОБРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ ТАТАРОК В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (На примере татарского сообщества Тюменской области)**

Институт семьи занимает важное место в структуре общества, поскольку выполняет различные функции и удовлетворяет ряд потребностей (физиологических, экзистенциальных, социальных и пр.) индивидов. К исследованию института семьи применяются различные методологические подходы. Среди них важное место занимает гендерный подход, который позволяет поставить вопросы о социальном неравенстве, сконструированном по признаку пола.

В российской науке авторы, исследуя семейные отношения с позиции гендерного подхода, чаще всего обращают внимание на неравномерное распределение обязанностей между супругами, проблемы неработающих женщин, отцовства, а также вопросы сексуальности, супружеского насилия и пр. [6, 11, 15, 19, 22, 23]. Вместе с тем российское общество этнически неоднородно. Этнические сообщества часто закрыты, поэтому и устройство семейных и гендерных отношений в них своеобразно. В этой связи важно изучать семейные отношения, практики или институт семьи в целом с позиции гендерного подхода в этнических группах.

В данном исследовании с позиции гендерного подхода анализируются добрачные стратегии<sup>1</sup> женщин, принадлежащих к татарскому сообществу Тюменской области. Татарское сообщество Тюменской области представляет собой значительное аборигенное этническое меньшинство, что определяет его своеобразие и делает уникальным для исследования.

Задачи исследования заключаются в выявлении и типологизации добрачных стратегий татарок, а также факторов, влияющих на эти стратегии.

Наряду с гендерным подходом в исследовании используются системная концепция трансформаций Т. И. Заславской и структурно-генетический структурализм П. Бурдые. Концепция трансформаций Т. И. Заславской применяется для обозначения процессов, на фоне которых осуществляются стратегии женщин, принадлежащих к определенному этническому сообществу. Теория П. Бурдые — для описания стратегий, определяемых как множество действий, направленных на достижение явно или неявно осознаваемых целей.

---

© Шишелякина А. Л., 2012

<sup>1</sup> Важно отметить, что добрачные стратегии рассматриваются нами как ведущие к созданию семьи.

Добрачные стратегии понимаются нами как действия, направленные на создание семьи<sup>2</sup>. Важно иметь в виду, что в добрачных стратегиях женщины производят и воспроизводят гендерные нормы и правила, усвоенные ими через социальные структуры. А отклонение от этих норм и правил или следование им — показатель не только вариативности этих стратегий, но и их трансформации.

Хронологические рамки исследования представлены позднесоветским — постсоветским периодом. Именно этот период рассматривается нами как время глубоких социальных (социетальных) трансформаций. Нижняя хронологическая рамка связана с началом перестроечного периода, либерализацией как общественно-политической жизни, так и частной. Верхняя временная рамка соотносится с современностью. Причем процесс социетальной трансформации на современном этапе исторического развития видится незавершенным.

Источниками исследования являются наблюдения и полуструктурированные интервью (всего было проинтервьюировано 40 человек).

При формировании выборки для интервью учитывался ряд факторов. Во-первых, возраст. Поскольку хронологические рамки исследования — позднесоветский — постсоветский период, то отбирались респондентки, чьи добрачные стратегии совпали с этим временем, т. е. женщины от 1970 г. р.<sup>3</sup> до 1993—1995 г. р.<sup>4</sup> На момент проведения исследования<sup>5</sup> возраст респонденток — от 18 до 40 лет. Во-вторых, территориальный фактор. Для исследования выбирались респондентки, проживающие в городах Тюменской области (Тюмени, Тобольске, Ялуторовске), поскольку в городской среде социальные трансформации проходят наиболее глубоко.

На фоне общественно-политических и социально-экономических преобразований российского общества в течение последних десятилетий претерпевает изменения и татарское сообщество Тюменской области<sup>6</sup>.

Основные направления трансформации татарского сообщества Тюменской области связаны, прежде всего, с усилившейся за последние десятилетия урбанизацией, что приводит к тому, что татары из сельских жителей становятся горожанами первого, реже второго поколения; к переходу от расширенной семьи к нуклеарной; к росту численности интеллигенции и повышению уровня и качества получаемого образования [18, с. 52, 49]. Кроме того, в 80-е гг. XX в. формируется татарское национальное движение, проявившееся в возникнове-

---

<sup>2</sup> Согласно исследованию, для большинства опрошенных респонденток момент создания семьи совпадает с замужеством.

<sup>3</sup> Создание семьи, согласно законодательству, возможно с 18 лет (в исключительных случаях с 16), поэтому женщины, родившиеся в 1970 г., к началу перестройки уже могли начать реализовывать добрачные стратегии.

<sup>4</sup> То есть женщины до 18 лет.

<sup>5</sup> Исследование проводилось в 2010—2011 гг.

<sup>6</sup> Татарское сообщество Тюменской области представляет собой совокупность индивидов и/или групп, состоящих из этнической элиты, этнически активированных и неактивированных членов сообщества, а также конфессиональной элиты, деятельность которой в большей или меньшей степени связана с поддержанием этнизации сообщества, конфессионально активированных членов сообщества и даже тех, кто историко-культурно соотносит себя с исламом.

нии первых татарских национальных организаций, создании татарских СМИ, постановке «национальных вопросов» и т. д. [2, с. 191]. И наконец, с начала 1990-х гг. татарское сообщество Тюменской области переживает «исламский ренессанс», связанный с организацией мусульманских общин, появлением первых мечетей, созданием системы религиозного образования и пр. [1, с. 25—26].

В вышеописанном контексте реализуются добрачные стратегии татарок Тюменской области.

Следует отметить, что добрачные стратегии как стратегии создания семьи в жизненных траекториях опрошенных женщин занимают важное, а иной раз центральное место. «...Понимала, что в определенном возрасте нужно создавать семью» (интервью с Ш. Л., Тобольск, 10.08.2010 г.)<sup>7</sup> — тезис, разделяемый преобладающим большинством женщин. Вместе с тем для половины проинтервьюированных женщин, наряду со стратегией создания семьи, важны еще и личностная, и профессиональная реализация. Часто эти стратегии реализуются либо параллельно, либо последовательно.

Для женщин татарского сообщества Тюменской области характерны следующие типы добрачных стратегий<sup>8</sup>.

**Традиционные добрачные стратегии** свойственны женщинам в возрасте 21—26 лет<sup>9</sup> с высшим образованием, активированным этнически и религиозно. Важно отметить, что самоидентификация этих женщин — «этнические мусульманки», т. е. они соотносят себя одновременно как с этнической группой, так и с религиозной, а именно с традиционным исламом<sup>10</sup>.

Поскольку для этой группы женщин наиболее важны этнические и религиозные характеристики, то именно они оказываются ведущими при выборе будущего супруга: «Муж должен быть татарин и мусульманином, но не радикальным»<sup>11</sup> (интервью с Н., Тобольск, 05.02.2011 г.). Когда во время интервью задавался вопрос: «Почему для вас это важно?» — женщины отмечали, что если муж — татарин и мусульманин, то в семейной жизни культурные различия минимальны и дети не испытывают трудностей с определением своей этнической и религиозной идентичности.

Важно отметить, что эти установки поддерживаются и контролируются институтом родства: «Отец сказал, если будет муж русский — все, дочери у меня

---

<sup>7</sup> Все интервью цитируются по архиву автора статьи.

<sup>8</sup> В силу сложности происходящих процессов типологизация добрачных стратегий женщин задана по двум шкалам: от традиционализма к модернизации и от клерикализации к секуляризации. Эти шкалы взаимосвязаны. Важно отметить, что намечается тенденция движения стратегий от традиционных к религиозным. Как предполагается, такая ситуация возникает в случае уменьшения значимости этнической идентичности и увеличения религиозной.

<sup>9</sup> Эта женщины проходили период первичной социализации в конце 1990-х — начале 2000-х гг., а добрачные стратегии реализовывали в 2005—2009 гг.

<sup>10</sup> Традиционный ислам в Тюменской области представляет собой сплав религиозных обычаев, связанных с обрядовой практикой суфизма, национальных традиций местного населения и непосредственно Корана и Сунны. Религиозная идентификация у носителей традиционного ислама происходит в основном через исполнение исторически сложившихся на территории области религиозных обычаев [5, с. 136].

<sup>11</sup> Имелось в виду — не салафитом.



нет» (интервью с Г. С., Тюмень, 10.07.2010 г.). Часто родственники выступают посредниками в поиске супруга. *«Его мама, переживая, что ее сын ни с кем не встречается, в разговоре с сыном... сказала, что есть вот такая девочка, и дала мой телефон домашний. Моя нынешняя свекровь положила ему этот телефон, он месяц провалялся, потом он решил позвонить. Мы с ним поговорили, договорились и вот встретились и поженились»* (интервью с З., Тюмень, 01.12.2010 г.).

Наряду с традиционными стратегиями поиска супруга через родственников, часто используются новые формы знакомства, но по содержанию они остаются также традиционными. Роль родственников выполняют другие социальные среды, и в этом случае выбор будущего мужа — также не столько личный выбор женщины, сколько выбор под влиянием друзей, знакомых или другого окружения. К примеру, площадками для взаимодействия молодых людей являются различные мероприятия, проводящиеся в татарском сообществе, например татарские дискотеки, организуемые Союзом татарской молодежи Тюменской области<sup>12</sup>.

Также важно отметить, что традиционализм стратегий характеризуется тем, что женщины в добрачных отношениях следуют определенным паттернам культуры, например обряду чтения никаха<sup>13</sup>, который легитимирует сексуальный дебют. Многие женщины в период отношений до никаха позволяют себе испытывать романтические чувства, но при этом не допускают интимной близости. *«...До никаха мы, конечно, не спали, для меня это такой тяжкий грех, как прелюбодеяние...»* (интервью с А. Г., Тюмень, 23.07.2010 г.). Чем выше уровень религиозности респонденток, тем меньше период отношений до никаха — иногда время с момента знакомства до никаха не превышает 2 недель. Это связано с тем, что с точки зрения религиозных представлений даже испытывать сексуальное желание, влечение к партнеру греховно, поэтому молодые люди стремятся сократить период отношений до никаха.

Кроме того, никах в сознании большинства женщин описываемой группы считается тем рубежом, когда мужчина становится для них мужем. Вместе с тем для респонденток важно, чтобы отношения были зарегистрированы еще и согласно светским нормам. *«Мы встречались год, потом был никах, и потом через 2 месяца мы поженились. Надеялись, что свадьба будет позже, но мама настояла, вдруг ты забеременеешь, и предложила официально узаконить наши отношения...»* (интервью с А. Г., Тюмень, 23.07.2010 г.). Государственная регистрация брака, по представлениям женщин, дает определенные юридические гарантии. Между никахом и регистрацией может пройти некоторый период времени.

**Модернизирующие стратегии** в большей степени характерны для женщин 33—37 лет<sup>14</sup>, с высшим образованием. Эта группа женщин этнически и религиозно не активирована. Важно отметить, что, осуществляя добрачные стратегии, они ориентируются не только на создание семьи, но и на профессиональную реализацию.

---

<sup>12</sup> Татарская молодежь хотела свою дискотеку и сделала. URL: <http://www.ktto.ru/ru/node/914> (дата обращения: 08.08.2011).

<sup>13</sup> Никах — религиозная форма заключения брака в исламе.

<sup>14</sup> Мировоззрение этих женщин формировалось в позднеперестроечный период — в начале 1990-х гг. Добрачные стратегии осуществлялись в середине 1990-х гг.

При выборе супруга женщины описываемой группы либо учитывают этнические характеристики, либо допускают для себя возможность этнически смешанного брака: *«Лично для себя я допускала возможность смешанных браков и даже была уверена, что у меня будет смешанный брак...»* (интервью с К., Тюмень, 01.12.2010 г.).

Поскольку для женщин с модернизирующими стратегиями важно выбирать будущего супруга по каким-либо качествам, а не по этническим и религиозным характеристикам, то они чувствуют давление со стороны родственников. Во время интервью, когда поднималась данная тематика, женщины использовали обороты: *«Родители пытались меня выдать замуж по национальному признаку...»*, *«Папа сказал...»* и т. п. Причем, по сообщениям информанток, родители лояльнее относятся к возможному браку с узбеками, таджиками, чем с русскими. Вероятно, это связано с тем, что их этносы историко-культурно связаны с исламом.

Как правило, знакомство респонденток со своими будущими мужьями происходит на учебе или работе. *«Познакомились в центре “С.”, он по работе пришел, естественно, по своей, и я уже в “П.” работала, т. е. просто на работе, на производстве познакомились»* (интервью с Ч. П., Тюмень, 14.02.2011 г.).

Добрачные отношения этой группы женщин, как правило, продолжительные, длящиеся от полугода до года. Они включают период ухаживаний, влюбленность, интимные отношения, хотя, по сообщениям респонденток, они скрывают от родственников, что имели сексуальную близость до никаха. Например, женщины отмечали, что не могли остаться ночевать у мужчины.

Модернизм стратегий характеризуется тем, что женщины в добрачных отношениях следуют культурным шаблонам формально, например, никах читается, но этот обряд ничего не меняет в отношениях с мужчиной, он не является рубежом в отношениях, а выполняется «для родственников». *«Вопрос: “А зачем никах нужен?” Ответ: “Ну как зачем? Надо, потому что все так делают. Ну, я не вижу, что он как-то укрепит отношения, просто так надо, все так делают”»* (интервью с В. Г., Тюмень, 10.12.2010 г.).

Более важное значение имеет государственная регистрация брака.

**Религиозные стратегии** типичны для женщин в возрасте 18—22 лет<sup>15</sup>, со средним образованием (общим или специальным), ведущих религиозный образ жизни. Уровень их этнической идентичности низкий, а религиозной — высокий. Важно отметить, что их религиозность соотносится с таким течением в исламе, как умеренный салафизм<sup>16</sup>, что для татарского сообщества Тюменской области является религиозной новацией. В отношении женщин умерен-

---

<sup>15</sup> Мировоззрение этих женщин формировалось в начале 2000-х гг. Добрачные стратегии осуществляются в течение последних двух лет.

<sup>16</sup> Салафизм привнесен на территорию Тюменской области населением Средней Азии, Кавказа, местным населением, получившим образование в арабских странах. Салафизм характеризуется использованием в качестве источника по фикху (исламскому праву) трудов салафитских авторов, борьбой с нововведениями в исламе [5, с. 135].

ный салафизм проявляется в первую очередь в обязанности ношения хиджабов и закреплении практики многоженства.

Ислам понимается этой группой женщин как наднациональная религия, в этой связи при выборе будущего мужа не возникает проблем с этничностью. Она не имеет никакого значения, важна религиозная характеристика: «*В общем, мне разницы нет, араб не араб, главное, чтобы был мусульманином*» (интервью с Д., Тюмень, 17.01.2011 г.). А вот межконфессиональные браки считаются недопустимыми.

Как правило, в группе женщин с религиозными добрачными стратегиями поиск будущего мужа помогает осуществить мусульманская умма<sup>17</sup>, а не родственники, как в предыдущих стратегиях: «*У моей подружки есть еще одна подружка (мусульманка. — А. Ш.). Мы пару раз съездили к ним в гости... и она мне говорит: “Выходи замуж за моего мужа, нам надо вторую жену” <...> Я говорю: “Нет, второй женой не пойду” <...> Я пришла домой, она говорит: “Я твой номер телефона дала моему мужу, ты с ним поговори” <...> Утром включила телефон, стала собираться на работу, и он мне звонит...»* (интервью с И., Тюмень, 02.11.2010 г.).

Местом знакомства часто является территория возле мечети (в мечети это невозможно, поскольку пространство там сегрегировано на мужскую и женскую части и заходить на половину противоположного пола недопустимо).

В целом у этой группы женщин добрачные стратегии почти отсутствуют. Они очень сжаты во времени: «*В мусульманской среде достаточно несколько раз встретиться, чтобы понять, подходит ли тебе человек*» (интервью с Д., Тюмень, 29.09.2010 г.). Многие женщины выходят замуж, встретившись с будущим мужем несколько раз. За эти несколько встреч, как отмечали женщины, они могли понять, подходит ли им человек в качестве будущего мужа, кем он работает, сколько зарабатывает и сможет ли обеспечить свою семью: «*Он должен обеспечить женщину, поэтому я могла свободно задать вопрос на сватовстве: “Какая заработная плата?”, чтобы знать, на что рассчитывать»* (интервью с Д., Тюмень, 29.09.2010 г.).

После того как мужчина и женщина решили, что подходят друг другу, им читают никах. Важно отметить, что для этих женщин не важна государственная регистрация брака, поскольку брак, легитимированный религией, важнее.

**Клерикализирующие стратегии** характерны для женщин разных возрастов<sup>18</sup>, со средним и высшим образованием. Этническая идентичность этих женщин не активирована.

Обозначенные стратегии интересны тем, что респондентки начинали осуществлять свои добрачные стратегии как светские женщины. Однако в связи с неудачами в отношениях с мужчинами они пришли в ислам, что помогло им осуществить свои семейные планы: «*Я очень долго искала мужа. Долго искала татарина. Не могла выйти. А те, которые были, мне не нравились. Из*

---

<sup>17</sup> Умма — мусульманская община.

<sup>18</sup> Первичная социализация этих женщин проходила в конце перестроечного периода — начале 1990-х гг., их добрачные стратегии совпали с периодом институционализации ислама на территории Тюменской области — второй половиной 1990-х гг.

*Татарии привозить? Разрываться мне сложно. Мне было 29 лет, когда вышла замуж. Мама начала мне говорить про венец безбрачия, сказала: “Молитву поучись читать”. Я пошла в медресе. Мне понравилось, нашла людей своего круга» (интервью с Д., Тюмень, 29.09.2010 г.).*

После того как женщины описываемой группы обратились к религии, их стратегии трансформировались в сторону религиозных или традиционных и осуществляются согласно этой схеме. На выбор той или иной стратегии оказывают влияние разные факторы, но наиболее значимым представляется степень этнической идентичности: как правило, если она высокая, выбираются традиционные стратегии, если нет — религиозные.

*Эмансипирующие стратегии* характерны как для молодых женщин, так и женщин средних лет с высшим образованием, дистанцирующих себя от этнической и конфессиональной группы, т. е. в первую очередь от родственников.

Важно отметить, что добрачные стратегии этих женщин многовариантны. Они либо не хотят создавать семью, поскольку встречают противоречия между собственными представлениями и представлениями родителей и родственников, либо создают семью согласно собственным представлениям, но разрывают отношения с родительской семьей и родственниками, либо вступают в отношения с женатыми мужчинами, что тоже зачастую приводит к разрыву с родительской семьей и родственниками: *«Это было по окончании института, мне было 21—22 года. До этого вопрос (о замужестве. — А. Ш.), в общем-то, вообще не стоял, я с мужчинами и не встречалась, когда училась в институте. После окончания родители активно стали настаивать на этом. Но там еще были какие-то дальние родственники, мы их знаем, соответственно породниться как бы вот... В тот период это был бунт, это было давление. Меня сестра поддержала, мы этому делу противостояли» (интервью с З. М., Тюмень, 12.11.2010 г.).*

Эта группа женщин стигматизируется татарским обществом, поскольку не соответствует культурным паттернам. Часто и сами женщины, оценивая свои добрачные стратегии, ощущают стыд перед родителями, поскольку не оправдали их надежд.

\*\*\*

Итак, российское общество переживает процесс трансформации не только на макро-, но и на микроуровне. С начала перестроечного периода до настоящего времени добрачные стратегии женщин татарского сообщества Тюменской области претерпели изменения.

В результате исследования выделяются два периода в формировании добрачных стратегий: первый — с начала перестройки до начала 1990-х гг. и второй — со второй половины 1990-х до начала 2000-х гг. Эти этапы характеризуются разной общественно-политической обстановкой как в российском обществе в целом, так и в татарском сообществе в частности.

Между периодизацией и факторами, влияющими на выбор добрачных стратегий, выявилась корреляция. Так, религиозный фактор, в общем, не оказал влияния на добрачные стратегии тех женщин, чья первичная социализация прошла в период перестройки — начале 1990-х гг., эти женщины чаще других выбирают модернизирующие добрачные стратегии. А на женщин, чье мировоз-

зрение формировалось во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг., этот фактор оказал значительное влияние, они чаще выбирают традиционные или религиозные добрачные стратегии. Это связано с тем, что в начале 1990-х гг. в российском обществе стала институализироваться религия. Важно отметить, что религиозный фактор в целом неоднородно повлиял на женщин татарского сообщества. Для одних религия стала играть роль маркера этничности, возрождая сохранившиеся в советское время национальные традиции. Такие женщины чаще выбирают традиционные добрачные стратегии. Для других ислам воспринимается как наднациональная религия и влияет на образ жизни, трансформируя его из светского в религиозный. Так, женщины-мусульманки начинают все чаще носить хиджаб и паранджу, укрепляется институт вторых жен, т. е. выбираются религиозные стратегии.

В конце 1980-х гг. начался этап национального татарского возрождения, что должно было отразиться на добрачных стратегиях женщин. Однако, согласно исследованию, на женщин, чье мировоззрение сформировалось в период перестройки — в начале 1990-х гг., этнический фактор не оказал значительного влияния (эти женщины, как отмечалось выше, выбирают модернизирующие добрачные стратегии), но повлиял на женщин, чье мировоззрение сформировалось во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. Вместе с тем представляется, что этнический фактор оказал воздействие опосредованно, через религиозный, который играет роль маркера этничности.

Также выявился еще один фактор, влияющий на добрачные стратегии женщин, — это уровень образования. Для женщин с высшим образованием характерны традиционные, модернизирующие или эмансипирующие стратегии, в то время как для женщин со средним образованием — клерикализирующие или религиозные.

Таким образом, на выбор добрачных стратегий влияет ряд факторов: условия социализации, уровень религиозности и этничности и образование.

### *Библиографический список*

1. *Бобров И. В., Ключева В. П.* Социетальные характеристики исламского сообщества Тюменской области // Исламская цивилизация в Сибири: история, традиции, современность : материалы науч. конф. / под ред. З. А.Тычинских, Г. Т. Бакиевой. Тобольск : [б. и.], 2006. С. 24—34.
2. *Бобров И. В., Шишелякина А. Л.* Этнополитическое пространство Тюменской области // Инвестиции. Налоги. Капитал. 2011. № 1/3. С. 186—196.
3. *Бурдые П.* Мужское господство / пер. с фр. Ю. В. Марковой // Социальное пространство: поля и практики. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. С. 286—364.
4. *Воронцова М. Г.* Участвуют ли отцы в обеспечении детей? // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 145—148.
5. Государственно-конфессиональные отношения и религиозные объединения в Тюменской области : справ. / под ред. В. П. Ключевой. Тюмень : Тюмень, 2009. 304 с.
6. *Гурко Т. А.* Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин // Социол. исслед. 2002. № 11. С. 88—91.
7. *Гурко Т. А.* Трансформация брачно-семейных отношений // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. Л. Ядова. М. : Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 272—283.

8. *Заславская Т. И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации : учеб. пособие. М. : Дело, 2004. 400 с.
9. *Исупова О. Г.* Социальный смысл материнства в современной России : («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 98—107.
10. *Кон И. С.* Кризис отцовства и вертикаль власти. URL: <http://genderpage.ru/content/kon.htm> (дата обращения: 01.08.2011).
11. *Кон И. С.* Отцовство как компонент мужской идентичности : материал к размышлению. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (дата обращения: 01.08.2011).
12. *Кон И. С.* Отцовство как социокультурный институт. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Zametki/OtsovstvoSocioInstitute.htm> (дата обращения: 01.08.2011).
13. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. / Н. Римашевская и др. М. : Academia, 1999. 226 с.
14. *Рождественская Е. Ю.* Визуализация детства в городском пространстве // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2009. № 5. С. 108—119.
15. *Рождественская Е. Ю.* От отца к папе: либеральный тренд? // Социол. журн. 2010. № 3. С. 75—89.
16. *Синельников А. Б.* Трансформация семьи и развитие общества : учеб. пособие. М. : КДУ, 2008. 320 с.
17. Социология гендерных отношений : учеб. пособие / под ред. З. Х. Саралиевой. М. : РОССПЭН, 2004. 270 с.
18. Татары Тюменской области: история и современность. Тюмень : Вектор Бук, 2011. 310 с.
19. *Темкина А. А.* Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия // Гендерные тетради / под ред. А. Клецина. СПб. : Филиал Ин-та социологии, 1999. Вып. 2. С. 20—54.
20. *Темкина А. А.* Добрачная девственность: культурный код гендерного порядка в современной Армении : (На примере Еревана) // Laboratorium : журн. соц. исслед. 2010. № 1. С. 129—159.
21. *Шматко Н. А.* «Габитус» в структуре социологической теории // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 2, № 2. С. 60—70.
22. Families before and after Perestroika. Russian and U. S. Perspectives / J. W. Maddock, M. J. Hogan, A. I. Antonov, M. S. Matskovsky (eds). Ney York, 1993. 240 p.
23. *Zdravomyslova E., Temkina A.* «Happy marriage» of gender studies and biographical research in contemporary russian social science // Geschlechterkonstruktionen in Ost und West. Biografische Perspektiven / I. Miethe, C. Kajatin, J. Pohl (Hrsg.). Muenster : LIT-Verlag, 2004. P. 75—95.

---

---

# ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

---

---

ББК 63.3(2)5-76

*В. М. Марасанова, И. Ф. Албегова, Г. Л. Шаматонова*

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЖЕНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ (На примере семей губернаторов Верхнего Поволжья)

Благотворительность и вообще все развитие социальной сферы в Российской империи относительно недавно начали привлекать внимание исследователей [2—4, 12, 13, 17, 26—28, 35, 39]. Однако вклад женщин в благотворительность лишь в незначительной степени освещен в литературе. Естественно, материальное состояние и возможность реализовать себя в обществе отличались у женщин, происходящих из разных сословий. Женщины из высших слоев общества могли активно включиться в социально значимую деятельность за счет благотворительности или поддержки разного рода культурных начинаний. Одной из традиций прошлого стало то, что большое внимание благотворительности уделяли семьи российских губернаторов. Супруги и дочери многих «начальников губерний» смогли внести действительно заметный вклад в дело улучшения материального состояния богоугодных и учебных заведений своего региона.

Предметом проводимого исследования стала благотворительная деятельность женщин из семей российских губернаторов в последней четверти XVIII (от губернской реформы Екатерины II) — начале XX века (до конца существования Российской империи). Источниками изучения данной проблемы послужили законодательные и делопроизводственные материалы (фонды наместнических и губернских правлений, канцелярий губернаторов), периодическая и непериодическая печать (главным образом «Губернские ведомости»), справочники («Памятные книжки», «Справочные книжки», «Адрес-календари» и т. д.), источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма). Задачами проводимого исследования явились выявление наработанных российской практикой моделей и методов социальной помощи населению и оценка значимости данного опыта в современных условиях. Особое внимание было уделено материалам Верхнего Поволжья (в границах Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний) как типичного региона Центральной России.

Исследователи признают, что в XVIII столетии в Российской империи произошел своеобразный переход, когда традиционная для православной страны частная благотворительность начала все более активно дополняться благотворительностью под покровительством и попечительством государственной власти.

---

© Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л., 2012

По условиям губернской реформы 1775 г. школами, больницами, богадельнями, приютами, смирительными домами и тюрьмами ведал приказ общественного призрения. Это первое в истории нашей страны государственное учреждение, специально занимавшееся социальными проблемами. Работой приказа общественного призрения руководил губернатор. В состав этого учреждения входили заседатели от губернских сословных судов; при необходимости приказы общественного призрения имели право приглашать на свои заседания губернского предводителя дворянства и городского голову [33, т. 20, № 14392].

Тем не менее в отличие от других губернских учреждений (губернского правления, казенной палаты, управы благочиния) приказ общественного призрения не получил твердых штатов и, следовательно, необходимых для выполнения своих задач финансовых средств. Первоначально он действовал главным образом за счет добровольных пожертвований и штрафов, большая часть которых направлялась на содержание тюрем. В результате при отсутствии систематического государственного финансирования учреждениям социальной направленности было просто необходимо как можно шире привлекать частные пожертвования. Приказы общественного призрения действовали до середины XIX столетия. В 1831 г. по их линии действовали 418 заведений, в которых находилось 19 189 призреваемых, а в 1855 г. — 856 заведений и 34 080 призреваемых; на их содержание ежегодно отпускалось 2,7 млн рублей. Приказы общественного призрения создавали по своей линии учебные заведения и заведения для «страждущих». Их капиталы на 1837 г. составляли 135,2 млн рублей [25, с. 86].

Главами местной власти, согласно российскому законодательству, являлись наместники<sup>1</sup> и губернаторы. Они должны были решать все самые злободневные проблемы своего региона, а ресурсов приказов общественного призрения для этого явно не хватало. Поэтому при возникновении сложных непредвиденных ситуаций приходилось обращаться за помощью в столицу — в высшие и центральные государственные учреждения или непосредственно к верховной власти. Например, когда в 1785 г. в Ярославском наместничестве начался голод, по просьбе первого наместника А. П. Мельгунова Екатерина II выделила 20 тыс. рублей в помощь населению. В том же году — 13 марта 1785 г. — императрица подписала указ на имя А. П. Мельгунова «О заведении запасных хлебных магазинов в городах Устюг и Устьсысольск» (под властью наместника в тот период находились Ярославская, Архангельская и Вологодская губернии) [33, т. 22, № 16161]. Предпринятые меры несколько снизили остроту продовольственной проблемы в неурожайные годы.

Несомненно, местные власти проводили в жизнь решения власти верховной, сосредоточенной в Российской империи в лице императора. Как уже отмечалось выше, со времени правления Екатерины II в стране начала постепенно

---

<sup>1</sup> Иначе — генерал-губернаторы; под властью каждого наместника в период правления Екатерины II находилось 2—3 губернии. Эта должность была упразднена при вступлении на престол императора Павла I в 1796 г.; в дальнейшем должность генерал-губернатора, за редким исключением, существовала только в столицах и в национальных районах империи.



формироваться система социальной поддержки населения, и эта деятельность была отражена в целом ряде указов и распоряжений императрицы и Правительствующего сената. В частности, 23 апреля 1786 г. Екатерина II отдала указ о том, чтобы «в каждой губернии по сношению нашего генерал-губернатора с епархиальными Архиереями, выбрать по одному мужскому и женскому монастырю, кои с лучшею удобностию могут употреблены быть к содержанию бедных, увечных и призрения требующих нижних чинов и тому подобных людей, кои и отдать в ведение Приказов Общественного Призрения; прочие же, равно и приписанные к монастырям пустыни... обратить в приходские церкви, стараясь, где удобно, поместить при них малые народные школы и богадельни» [7, л. 38]. А во время посещения Твери в 1787 г. Екатерина II пожаловала 17 268 рублей на строительство нового здания семинарии [16, с. 23].

Усиление местного аппарата управления в результате проведения губернской реформы содействовало постепенному улучшению ситуации в сфере общественного призрения, в том числе в отношении наиболее социально уязвимых категорий жителей, проживающих в богадельнях. Так, 24 мая 1787 г. наместник А. П. Мельгунов передал приказу общественного призрения 14 каменных зданий, а также перевел жителей Власьевской и Варваринской богаделен в более удобные, сухие помещения. Аналогичные мероприятия проводились и в других российских губерниях. К примеру, во Владимирской губернии в последние годы XVIII в. начал строиться инвалидский дом для отставных офицеров и нижних чинов. Он торжественно открылся 22 июля 1802 г. В 1777 г. по указанию местных властей открылись две богадельни в Твери, а также сиротский дом и больница на сорок мест. Тверская губернская больница действовала при приказе общественного призрения [19—21; 16, с. 17; 36, с. 58].

Наместники (генерал-губернаторы) и губернаторы становились попечителями благотворительных заведений, а члены их семей, вице-губернаторы и другие главные губернские чиновники — почетными членами попечительских советов. К примеру, все супруги и старшие дочери ярославских губернаторов были почетными членами Ярославского дома призрения ближнего, открытого 10 марта 1786 г. (в честь 100-летнего юбилея в 1886 г. ему было присвоено имя «Екатерининский», в настоящее время это один из корпусов Ярославского госуниверситета им. П. Г. Демидова). На момент открытия в доме призрения ближнего поселились 18 мальчиков и 21 девочка, а к концу года в нем уже жили 56 мальчиков и 24 девочки. Для строительства дома призрения ближнего в Ярославле было собрано 30 800 рублей ассигнациями, особенно крупную сумму внес купец И. Я. Кучумов. Он умер в ночь с 30 на 31 декабря 1784 г., и его вдова, исполняя волю мужа, передала в «вечный капитал» строящегося дома призрения ближнего пятую часть всего имущества — 20 322 рублей [11, с. 146—147].

Первой попечительницей Ярославского дома призрения ближнего стала дочь наместника Мельгунова Екатерина Алексеевна. В доме призрения постоянно устраивались концерты и спектакли для «благородных особ», жертвовавших значительные суммы на нужды заведения. Например, во время спектакля, устроенного 17 мая 1853 г., было собрано 517 рублей 75 копеек. 29 августа 1853 г. на собрании, устроенном в честь юбилея дома призрения ближнего, губернатор А. П. Бутурлин внес в его кассу 50 рублей, а архиепископ Евгений

(Казанцев) — 15 рублей. 22 апреля 1886 г. в Екатерининском доме призрения ближнего устроили «домашний вечер с танцами», на котором присутствовал губернатор В. Д. Левшин с семьей. К этому времени капитал Екатерининского дома, сформированный за счет частных пожертвований, составлял внушительную сумму — 267 тыс. рублей [9].

Супруги ярославских губернаторов первой половины XIX века Софья Борисовна Полторацкая и Анна Давыдовна Баратынская за постоянную благотворительность были удостоены ордена Святой великомученицы Екатерины меньшего креста. Баратынские были бездетными, но всегда с большим вниманием относились к местным благотворительным и образовательным учреждениям. И. А. Баратынский стал председателем совета Ярославского дома призрения ближнего, а Анна Давыдовна — попечительницей этого заведения.

Супруга ярославского губернатора Ольга Павловна Бутурлина (урожденная Сухтелен) стала одной из учредительниц созданного в 1859 г. в Ярославле Общества для вспомоществования беднейшим православным монастырям и церквям, действовавшего под Высочайшим покровительством императрицы Александры Федоровны [41]. Семья Бутурлиных была не только очень родолюбивая, но и весьма состоятельная. Родовое имение Бутурлиных находилось в Бронницком уезде Московской губернии и называлось «Мариинка»; там был устроен известный конный завод. Не случайно губернатор и его супруга всегда жертвовали значительные денежные суммы на благотворительность. Когда в 1846 г. был учрежден Ольгинский детский приют в Ярославле, семья губернатора пожаловала ему 35 рублей [41, 1853, 15 авг., офиц. ч.]. О. П. Бутурлина стала почетным членом этого заведения. Во время посещения Углича в августе 1853 г. А. П. Бутурлин и его супруга пожертвовали 22 850 порций еды для детей [там же]. Бутурлины неоднократно помогали созданному в 1858 г. Николаевскому детскому приюту [41, 1864, 23—30 апр., неофиц. ч.].

Находясь на посту губернатора в Ярославле, князь А. В. Оболенский жертвовал крупные денежные суммы благотворительным заведениям и приютам, помогал устраивать торжественные праздничные обеды для воспитанников Ярославского дома призрения ближнего и Ольгинского приюта. Прибыв в Ярославль 25 июля 1860 г., через день А. В. Оболенский руководил приемом в залах дома призрения в присутствии «военных и должностных лиц городского общества». Вскоре губернатор, как и его предшественники, стал попечителем дома призрения ближнего. 23 октября 1860 г. был отслужен молебен в честь 14-летия Ольгинского детского приюта. А. В. Оболенский с супругой и другие состоятельные ярославцы провели добровольную подписку на нужды этого заведения, а затем для воспитанников был устроен праздничный обед [41, 1860, 30 июля, 29 окт., неофиц. ч.]. Подобную практику семья Оболенских продолжила и в дальнейшем, когда князь А. В. Оболенский был переведен на пост губернатора в Москву.

Попечительницами Владимирского Александринского детского приюта становились супруги всех губернаторов, управлявших Владимирской губернией. В 1848 г., когда попечительницей этого приюта являлась супруга владимирского губернатора Н. А. Донаурова, в нем насчитывалось 60 воспитанников [29, с. 27]. Супруга владимирского губернатора О. А. Цеймерн также была

председательницей общества попечения о доме трудолюбия и оказания временной помощи беднейшим жителям Владимирской губернии, а также председательницей общества попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. Супруга костромского губернатора Е. В. Каменская была попечительницей Мариинского детского приюта [30, с. 25].

Архивные материалы и губернская периодическая печать показывают постоянные пожертвования на благотворительность, поступавшие от губернского начальства. Так, в 1868 г. ярославский губернатор И. С. Унковский пожертвовал в пользу пострадавших от неурожая хлеба 50 рублей, а вице-губернатор М. С. Каханов — 25 рублей. Одновременно губернатор внес 11 рублей 20 копеек на счет Ярославского общества вспомоществования бедным [41, 1868, 15 февр., 7 марта, офиц. ч.]. Губернатор И. С. Унковский стал председателем Ярославского общества вспомоществования бедным, открытого 24 октября 1861 г., а его супруга Анна Николаевна Унковская (урожденная Коровкина) — попечительницей этого общества. Они ежегодно вносили по 10 рублей на счет общества и делали пожертвования в пользу пострадавших от неурожая. В состав общества вошли 111 состоятельных дам. Общество занималось помощью престарелым в приюте, воспитанием сирот и бедных детей, а также выдавало пособия нуждающимся. Если в 1862 г. в приюте было 23 человека, то в 1875 г. — уже 50; ежегодные расходы приюта составляли 1,5 тыс. рублей [41, 1876, 22 апр., офиц. ч.]. Супруга Унковского стала попечительницей приютов Ярославской губернии. Кроме того, губернатор руководил сбором пожертвований в пользу славян Балканского полуострова, а также являлся председателем Ярославского тюремного комитета. Вдова адмирала А. Н. Унковская в 1900—1905 гг. являлась начальницей Ярославского женского училища духовного ведомства [14, с. 80; 15, с. 11; 33, с. 168; 31, с. 240].

В конце марта 1858 г. газета «Тверские губернские ведомости» сообщала о замене традиционных для губернского начальства пасхальных визитов сбором средств для Тверского детского приюта [38]. В 1859 г. визиты на Пасху опять были заменены подпиской в пользу детского приюта и было решено вносить «не менее одного рубля серебром». Алфавитный список лиц, сделавших взносы, рассылался всем жертвователям и печатался в «Тверских губернских ведомостях». Замена визитов на Рождество и Пасху помощью нуждающимся стала весьма популярной в Верхнем Поволжье.

В Ярославской губернии традиция заменять визиты на Пасху и Рождество раздачей денег бедным жителям города появилась во второй половине XIX в. при губернаторе В. Д. Левшине. Отмена рождественских визитов только в 1884 г. позволила внести 321 рубль в кассу Екатерининского дома призрения ближнего в Ярославле [41, 1884, 6 апр., неофиц. ч.]. В своих воспоминаниях ярославский старожил С. В. Дмитриев писал о том, что замена визитов «праздничными встречами и обоюдными христианскими поздравлениями в праздники Пасхи и Рождества Христова в зале Городской думы» приносила пользу бедным жителям Ярославля. В зале городской думы собирался весь город: «от губернатора и архиерея до средних чиновников и служащих частных фирм... На столе лежал подписной лист с надписью “в пользу бедных жителей Ярославля”. Каждый проходящий должен был подписать какую угодно сумму»

[10, с. 154]. Собранными суммами ведал избранный городской думой комитет под председательством городского головы.

Тверской губернатор А. Н. Сомов более двадцати лет состоял членом общества «Доброхотная копейка» в Твери и семь лет был его председателем. По инициативе губернатора в 1884 г. при обществе началась работа столовой для бедных и было организовано ремесленное училище. Здесь же открылась ночлежка, на которую А. Н. Сомов пожертвовал 7347 рублей. Он постоянно делал денежные взносы в пользу «Доброхотной копейки». Одной из активных участниц общества «Доброхотная копейка» в Твери стала супруга тверского губернского предводителя дворянства княгиня С. В. Мещерская. Она устроила «приют для бедных престарелых женщин и бесприютных сирот» и организовывала любительские спектакли для сбора средств [24, с. 5]. В 1888 г. А. Н. Сомов назначил из своих средств четыре стипендии по 600 рублей для бедных воспитанниц Мариинской женской гимназии. Стипендия имени А. Н. Сомова была учреждена в 1880 г. в учительской школе Максимовича. Такие именные стипендии вводились во многих учебных заведениях. Уже будучи сенатором, в 1895 г. А. Н. Сомов пожертвовал весьма внушительную сумму — 100 тыс. рублей — в пользу малосостоятельных дворян губернии. В пользу общества «Доброхотная копейка» вечера и другие мероприятия продолжали устраиваться и в начале XX столетия [8]. Преемник А. Н. Сомова на посту губернатора — П. Д. Ахлестышев — содействовал открытию в 1893 г. в Твери Дома трудолюбия, где люди, не имеющие средств к существованию, могли бы получить работу. Против тех, кто продолжал просить подавание, направлялась полиция. Таким образом, нищие могли выбирать только между Домом трудолюбия и тюрьмой [37, с. 28, 34]. Через губернатора П. Д. Ахлестышева собирались пожертвования в пользу населения, пострадавшего от неурожая. Например, с 1 января по 20 февраля 1892 г. ему поступило на эти цели 7116 рублей 94 копейки [38, 1892, 22 февр., офиц. ч.]. Тверской губернатор Н. Д. Голицын стал пожизненным членом местного попечительства о детских приютах [34, т. 2, с. 72].

Ярославский губернатор А. Я. Фриде устраивал беседы с крестьянами о вреде пьянства и лично помогал неимущим [41, 1896, 2 авг., неофиц. ч.]. В 1892 г. в Ярославле был создан Дом трудолюбия для взрослых и детей, где каждый мог получить бесплатный обед и 5—10 копеек в день за работу. Подобный Дом трудолюбия с 1895 г. действовал во Владимире. В 1893 г. под руководством попечительницы супруги губернатора М. Ю. Фриде открылась Ярославская Федоровская община сестер милосердия [41, 1893, 10 дек., неофиц. ч.]. Супруга губернатора стала инициатором многих благотворительных начинаний. Под ее покровительством 21 января 1896 г. состоялся танцевальный вечер в пользу исправительного приюта малолетних преступников, который позволил собрать 737 рублей 59 копеек [31, с. 3]. В 1893 г. архиепископ Ионафан направил губернатору А. Я. Фриде 100 рублей для бедных, нуждающихся в топливе. По призыву губернатора жители Ярославля собрали 803 рублей для этих целей [41, 1893, 29 янв., неофиц. ч.]. По распоряжению М. Ю. Фриде все экспонировавшиеся на 3-й областной выставке в конце августа — сентябре 1893 г. лакомства передавались приютам и училищам Ярославля [41, 1893, 12 окт., неофиц. ч.]. Губернаторы подавали пример остальным чи-

новникам и их супругам, которые тоже становились членами благотворительных организаций, например местных правлений обществ Красного Креста и Спасания на водах, Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, губернских попечительств о детских приютах и других [34, т. 1, с. 311].

В 1896 г. ярославским губернатором стал Б. В. Штюрмер. Первым делом новый губернатор побывал в административных учреждениях Ярославля, посетил Ярославскую губернскую ученую архивную комиссию (ЯГУАК) и Демидовский лицей. Затем он отправился в Мариинскую женскую гимназию, а также встретился с воспитанниками Ольгинского и Николаевского детского приютов. 6 октября 1896 г. Штюрмер был приглашен на открытие часовни при Ярославской Большой мануфактуре в память избавления в 1892 г. от эпидемии холеры. В начале октября губернатор осмотрел губернскую земскую больницу [41, 1896, 5 окт., неофиц. ч.]. Первые визиты нового губернатора задали направления деятельности, которые волновали его больше всего. Это были управление губернией, связь с духовенством, забота о развитии образования и здравоохранения края. Супруга губернатора Елизавета Владимировна Штюрмер была избрана в члены совета Екатерининского дома призрения ближнего и стала его попечительницей; она также была попечительницей Ярославской Федоровской общины сестер милосердия при богоугодных заведениях губернского земства. В январе 1900 г. императрица Александра Федоровна пожаловала Е. В. Штюрмер знак отличия Красного Креста второй степени за ее активную деятельность в Федоровской общине.

Ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков как председатель Ярославского управления Российского общества Красного Креста руководил борьбой с эпидемиями холеры и оказанием помощи населению, пострадавшему от неурожая. Его жена Людмила Павловна Римская-Корсакова активно работала в Дамском комитете Красного Креста, устраивала благотворительные вечера и концерты [41, 1907, 12 янв., неофиц. ч.; 31 янв., офиц. ч.]. А. А. Римский-Корсаков стал инициатором создания училища в с. Вятском, он присутствовал на съезде учителей народных школ Мышкинского уезда и на открытии училища в с. Великом 30 ноября 1908 г. 6 февраля 1909 г. на средства семьи Римских-Корсаковых в Ярославле открылась детская больница в честь наследника престола цесаревича Алексея («Алексеевская»). После отъезда из Ярославля Римские-Корсаковы подарили ЯГУАК «икону св. Дмитрия на доске с летописью, очень хорошего письма и сохранности (реставрация)». За предоставление детской больнице капитала в 25 тыс. рублей и всю свою подвижническую деятельность Л. П. Римская-Корсакова стала одной из 14 почетных граждан Ярославля в дореволюционный период (в их числе 10 мужчин и 4 женщины) [41, 1908, 5 дек., неофиц. ч.; 1910, 16 февр., неофиц. ч.; 40, с. 29, 36].

Таким образом, на примере семьи Римских-Корсаковых, как и других семей российских губернаторов, можно видеть многочисленные примеры благотворительных дел и постоянную поддержку учебных, общественных и научных организаций. При этом нельзя забывать о том, что А. А. Римский-Корсаков руководил губернией в сложный период 1905—1909 гг., когда властям пришлось приложить немало усилий для подавления первой российской революции и скорейшего искоренения ее памяти. Поэтому внимание к учебным заведениям

и открытию новых церквей было одной из важнейших внутривластных задач местных властей.

К 300-летию династии Романовых в Ярославле при активной поддержке губернатора Д. Н. Татищева и его супруги Веры Анатольевны открыли «Романовский» воспитательный дом для детей всех сословий. В мае 1913 г. его осмотрел последний русский император Николай II и одобрил деятельность местных властей.

Благотворительность играла особое значение в военные периоды. Важнейшим событием в российской истории стала Отечественная война 1812 года. Война стала серьезным испытанием для местных органов власти, столкнувшихся с угрозой оккупации и необходимостью эвакуации, а также с проблемами размещения раненых, беженцев и т. д. Под руководством губернаторов создавались «комитеты военной силы», способствовавшие сбору средств, мобилизации сил на борьбу с врагом и формированию местных ополчений. Повсеместно велась работа по обеспечению народного ополчения и заготовке фуража и продовольствия для армии. На эти нужды в Тверской губернии собрали более 100 тыс. четвертей муки, овса и круп. В рапорте тверского губернатора Л. С. Кологривова на имя императора Александра I отмечалось: «Тринадцати городов от купцов уполномоченные и город Тверь, следуя столь благонамеренному поприщу к славе Отечества своего, на содержание ополчения противу всеобщего врага вооружаемого 244 350 рублей и на закупку в особенности круп жертвуют деньгами 63 750 рублей. Пожертвования дворян с их душ составят 75 728 четвертей 6 четвериков муки и таковое же количество овса» [23, с. 17].

Формированием народного ополчения в Тверской, Новгородской и Ярославской губерниях руководил принц Г. П. Ольденбургский. Его супруга великая княгиня Екатерина Павловна (сестра императора Александра I) на собственные средства вооружила батальон из крестьян удельного ведомства и добровольцев, который участвовал во многих сражениях под командованием подполковника А. П. Оболенского. На ее средства в августе 1812 г. в Твери был сформирован кавалерийский полк [23, с. 5; 36, с. 97; 1, с. 1—24].

Когда началась Крымская война 1853—1856 гг., губернаторы вновь возглавили сбор средств и пожертвований на военные нужды. «Ярославские губернские ведомости» публиковали письма на имя губернатора А. П. Бутурлина с пожертвованиями от жителей губернии. Так, например, «Тверские губернские ведомости» писали о том, что «клинский третьей гильдии купец Петр Матвеев, проживающий в г. Корчеве, представил г. Московскому Военному Генерал-Губернатору 300 рублей серебром, пожертвованных помещицей Тверской губернии Лидией Николаевной Истоминой в пользу русских воинов». За это ему была объявлена «Высочайшая благодарность» императора, который повелел «деньги обратить в Инвалидный капитал» [38, 1855, 29 янв., офиц. ч.].

12 апреля 1877 г. началась война России с Турцией, и опять под контролем местных властей проходил сбор средств на вооружение и поддержку семей воинов. 15 июня 1877 г. был образован Ярославский дамский комитет Общества попечения о раненых и больных воинах во главе с Марией Николаевной Шмит, супругой губернатора. Этот комитет располагался в доме губернатора и занимался сбором пожертвований и шитьем белья для армии. Помещение для

мастерской тоже было выделено в доме губернатора. 18 августа 1877 г. под попечительством Дамского комитета был открыт офицерский лазарет на 25 человек при частном доме г. Горанской. На его оборудование и обеспечение раненых офицеров всем необходимым в течение года собрали 14 тыс. рублей [41, 1877, 16 июня, неофиц. ч.].

В Ярославль начали пребывать первые поезда с ранеными. На санитарном поезде, прибывшем в губернский город 21 августа 1877 г., были доставлены 180 человек. Торжественную встречу организовала и провела супруга губернатора М. Н. Шмит, при этом присутствовали губернатор Н. К. Шмит, архиепископ Ионафан (Руднев), представители губернских учреждений и духовенства. Среди военных были «нежинцы, болховцы, зарайцы, мелькали гусарские мундиры, казацкие кафтаны, типичные лица болгар» [41, 1877, 25 авг., неофиц. ч.]. Газеты того времени доносили до российской провинции известия о героизме русской армии и зверствах турок в Болгарии. В Ярославле на средства жителей 30 сентября 1877 г. открылся приют для болгарских сирот, в который поместили 11 девочек разного возраста. Под контролем губернатора Н. К. Шмита шел сбор пожертвований на приобретение морских судов и крейсеров. Подавая пример всем должностным лицам губернии, губернатор Н. К. Шмит и его супруга вступили в Ярославское губернское попечительство для помощи нуждающимся семьям воинов; осенью 1877 г. были созданы подобные попечительства и в уездах. С благотворительными целями проводились вечера и концерты. Например, 6 ноября 1877 г. в зале дома призрения ближнего прошел фортепианный концерт в пользу Общества Красного Креста, на котором выступил дирижер Н. Г. Рубинштейн, член Московского Императорского музыкального общества. Чистый сбор оставил 760 рублей 56 копеек [41, 1877, 5 дек., офиц. ч.]. Списки лиц, сделавших пожертвования, и перечень всех благотворительных акций печатала газета «Ярославские губернские ведомости».

С началом русско-японской войны 1904—1905 гг. ярославский губернатор А. П. Рогович стал председателем местного отделения Российского общества Красного Креста и с 1904 г. руководил сбором пожертвований на военные нужды. Губернатор принимал взносы на усиление российского флота, на содержание коек при Красном Кресте. В губернии проводилась сдача белья для армии, в 1904 г. в больницах разместили 50 раненых [41, 1904, 19 марта, 18 июня, неофиц. ч.]. Сборы средств на военные нужды проводились во всех губерниях. Например, супруга костромского губернатора М. Н. Князева собрала 4020 рублей 82 копейки на «лотерею-аллегри в пользу семей убитых на войне и умерших от ран воинов — уроженцев Костромской губернии» [18].

В Первую мировую войну Россия вступила 19 июля 1914 г. (по старому стилю). 20 июля Николай II подписал «Манифест о приведении армии и флота в военное положение». Начало войны население в целом встретило с подъемом патриотических чувств. Во всех городах Российской империи открывались комитеты Красного Креста. По призыву ярославского губернатора графа Д. Н. Татищева было создано Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Губернатор контролировал сбор и расходование пожертвований на военные нужды. Под его руководством в период войны собрали 70 тыс. рублей для помощи раненым и семьям военнослужащих. По-

сле отъезда семьи Татищевых из Ярославля в 1915 г. в Екатерининском доме призрения ближнего были учреждены стипендии имени Дмитрия Николаевича и Веры Анатольевны Татищевых в память об их роли в жизни Ярославской губернии. В связи с отъездом из Ярославля с соизволения императрицы Александры Федоровны дочь бывшего губернатора фрейлина Е. Д. Татищева была уволена от должности попечительницы приюта-яслей. Как видим, благотворительностью в семье Татищевых занимались и родители, и дочь [41, 1914, 19 дек., офиц. ч.].

28 июля 1914 г. под руководством супруги губернатора С. А. Стремоуховой в Костроме был создан Дамский комитет, который собирал пожертвования для военных нужд и открыл лазарет на 150 коек [6, с. 44]. Схема действий гражданского населения и местных властей в военный период была отработана как в годы войн XIX столетия, так и во время недавней русско-японской войны 1904—1905 гг.

Однако очень быстро по всей стране тяготы военного времени начали перевешивать всплеск патриотизма. Благотворительность в годы Первой мировой войны не могла успеть за нарастанием кризисных явлений в обществе, когда необходимость и в постоянной, и в экстренной помощи ощущали весьма значительные группы населения. Благотворительность снижала остроту социальных проблем, но, естественно, не могла разрешить системный кризис власти, назревший в эти годы.

\*\*\*

Таким образом, для женщин из семей российских губернаторов благотворительные начинания и поддержка учебных заведений были не просто желательным, но и, по сути дела, обязательным занятием. На протяжении рассматриваемого периода большинство благотворительных учреждений в Российской империи являлись частными и внимание к ним губернских властей позволяло собирать значительные средства, т. е. более эффективно решать острые социальные проблемы и оказывать помощь социально уязвимым категориям населения.

В дореволюционной благотворительности весьма удачно сочетались как систематическая деятельность благотворительных обществ, так и разовые пожертвования и акции. Для сбора средств использовались различные методы — замена визитов на Пасху и Рождество раздачей денег бедным; устройство бесплатных столовых и обедов; проведение концертов, театральных спектаклей, лотерей, сборы от которых шли на помощь нуждающимся, и другие. Семьи губернаторов всегда помогали пострадавшим при неурожаях, пожарах и наводнениях. Все эти методы не утратили своей актуальности в современных условиях, а следовательно, их изучение имеет как научное, так и практическое значение.

Традиционная для православной страны благотворительность, как правило, осуществлялась анонимно. В то же время сообщения об акциях и пожертвованиях представителей местных властей на нужды населения в XIX — начале XX в. регулярно появлялись на страницах губернской печати, и прежде всего в газете «Губернские ведомости». Эти сообщения, несомненно, имели не только инфор-



мационную значимость. С одной стороны, они подавали пример состоятельным россиянам, призывая их активнее включаться в благотворительную деятельность. С другой стороны, систематические публикации о «человеколюбивых деяниях» губернских начальников и членов их семей были призваны содействовать формированию положительного имиджа власти в глазах местного сообщества. Данная задача была особенно важной в начале XX столетия, когда государственная машина впервые должна была действовать в условиях войн, революций и невиданного ранее нарастания оппозиционных настроений в обществе. Благотворительность губернаторских семей являлась одним из показателей способности власти сотрудничать с разными социальными группами, их умения разрешать любые конфликты, содействовать социально-экономическому и культурному прогрессу. Должность в аппарате управления занимал супруг, но вся семья разделяла с ним не только почет, материальный достаток и социальный статус, но и определенную долю работы и ответственности. Благотворительность содействовала стабильности политической системы и, следовательно, повышению эффективности работы всех звеньев государственного аппарата, что сохраняет свою актуальность и для современной России.

### *Библиографический список*

1. 1812 год в Тверской губернии : материалы по истории Отечественной войны 1812 г. ; с предисл. А. Н. Вершинского. Старица : Типография И. П. Крылова, 1912. 24 с.
2. *Бадя Л. В.* Благотворительность и меценатство в России : краткий исторический очерк. М., 1993. 201 с.
3. Благотворительность в России : исторические и социально-экономические исследования / под ред. О. Л. Лейкинда, А. В. Орловой, Г. Н. Ульяновой. СПб. : Лики России, 2003. 640 с.
4. Благотворительность и милосердие : рубеж XIX—XX вв. / авт.-сост. В. Н. Занозина, Е. А. Адаменко. СПб. : Лики России, 1998. 248 с.
5. Благотворительность как нравственный ресурс гражданского общества России : сб. ст. / под ред. Е. А. Вороновой. СПб., 2007. 282 с.
6. *Волков Г. Ю.* Помощь костромичей фронту (в период Первой мировой войны) // Вестн. Костром. гос. пед. ун-та. 1997. № 2. С. 43—45.
7. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 575.
8. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1064. Оп. 2. Д. 73.
9. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 122.
10. *Дмитриев С. В.* Воспоминания / вступ. ст. и коммент. Я. Е. Смирнова. Ярославль : Александр Рутман, 1999. 392 с.
11. *Ермолин Е. А., Севастьянова А. А.* Воспламененные к Отечеству любовью : (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 190 с.
12. *Зеленова Е. А.* Трансформация благотворительной деятельности в системе социальной политики России : (вопросы теории и практики). М. : Проспект, 2009. 344 с.
13. *Кабанова Л. В.* Ярославские благотворители: культура и предпринимательство, XVII—XIX вв. Ярославль : МУБиНТ, 2000. 48 с.
14. Календарь Ярославской губернии на 1872 год. Ярославль, б. г. 113 с.
15. Календарь Ярославской губернии на 1873 год. Ярославль, б. г. 158 с.
16. *Колосов В.* Тверь в царствование Екатерины II. Тверь, 1896.

17. Кононова Т. Б. Особенности развития благотворительности в России. М. : Изд-во МГСУ, 2002. 112 с.
18. Костромские губернские ведомости. 1905. 5 февр. (офиц. ч.).
19. Лествицын В. Дела наместника А. П. Мельгунова в пользу церкви в 1783—1787 гг. // Ярославские епархиальные ведомости. 1884. № 7, неофиц. ч.
20. Лествицын В. Церкви и богадельни при А. П. Мельгунове // Там же. 1880. № 36, неофиц. ч.
21. Лествицын В. Ярославские богадельни 1777 года // Ярославские губернские ведомости. 1883. № 60, неофиц. ч.
22. Марасанова В. М., Федюк Г. П. Ярославские губернаторы, 1777—1917 : ист.-биогр. очерки / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1998. 420 с.
23. Материалы для истории дворян Тверской губернии: Тверское Дворянское Ополчение в Отечественную войну и пожертвования дворян Тверской губернии в 1812-м году : издание Тверского Дворянства к столетнему юбилею / под ред. А. С. Паскина; сост. В. Р. Апухтин. Тверь : Типография губернского земства, 1912. 114 с.
24. Мещерский А. Предисловие // Воспоминания княгини Софьи Васильевны Мещерской : с портретом и биографией княгини / издание Тверской ученой архивной комиссии. Тверь : Типо-литография Н. М. Родионова, 1902. С. I—VIII.
25. Министерство внутренних дел : исторический очерк. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1902. 232 с.
26. Молчанов В. Ф. Благотворительность и меценатство в России : основные тенденции и характерные особенности (X — начало XX в.). // Многоликая история. М., 1997. С.189—201.
27. Нецверетский П. И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М. : Союз, 1993. 203 с.
28. Павлова О. К. Отечественная история. Российское предпринимательство и благотворительность : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. 386 с.
29. Памятная книжка Владимирской губернии на 1848 год. Владимир : Губернская типография, б. г. 111 с.
30. Памятная книжка Костромской губернии на 1851 год. Кострома, 1851. 106 с.
31. Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. Ярославль : Типография Ярославского губернского правления, 1898.
32. Памятная книжка Ярославской губернии на 1905 год. Ярославль, 1905.
33. Полное собрание законов Российской империи : собр. 1. СПб. : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.
34. Современники : альбом биографий Н. И. Афанасьева : в 2 т. Б. м., 1909—1910. Т. 1. 352 с. ; Т. 2. 492 с.
35. Соколов А. Р. Российская благотворительность в XVIII —XIX вв. : (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отеч. история. 2003. № 6. С. 147—158.
36. Тверская область : энцикл. справ. / гл. ред. М. А. Ильин. Тверь : Тверское обл. кн.-журн. изд-во, 1994. 328 с.
37. Тверские губернаторы : к 200-летию образования Тверской губернии / сост. Г. М. Дмитриева, Н. В. Середа. Тверь, 1996. 80 с.
38. Тверские губернские ведомости. 1858. 29 марта (неофиц. ч.).
39. Ширяева С. В., Ширяев Ю. Е. Институт призрения бедных в дореволюционной России : историко-правовое исследование. М. : АЭБ МВД России, 2008. 119 с.
40. Ярославна. История успеха ярославских женщин : 1000-летию Ярославля посвящается / ред.-сост. И. В. Пухтий. М. : Внешторгиздат, 2005. 288 с.
41. Ярославские губернские ведомости. 1860. 23 янв. (неофиц. ч.).

ББК 74.03(2)5

*А. А. Соловьев*

## **ЧТЕНИЕ ЖЕНЩИН-КРЕСТЬЯНОК ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

Одно из распространенных заблуждений, бытующих в массовом сознании до сих пор, это то, что в конце XIX — начале XX в. в Российской империи крестьяне (а тем более крестьянки) были почти поголовно неграмотными.

Главными источниками наших знаний о читательских интересах женщин-крестьянок выступили сохранившиеся земские опросы сельского населения, а также материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, собранные в конце XIX в., отчеты сельских библиотек и неопубликованные архивные материалы.

Эпоха либеральных реформ Александра II (1860—1870-е гг.) была отмечена отмиранием сложившихся традиций отношения к книге, когда чтение считалось пустой тратой времени и баловством, присущим только привилегированным сословиям. В 1890-е гг. значительно увеличилось число читателей, главным образом за счет крестьян, среди которых книга постепенно перестала быть какой-то диковинной вещью.

Немалую роль в приобщении крестьян к чтению сыграло открытие школ. Появились училища разных типов: церковно-приходские, министерские и другие. Однако самой жизнеспособной оказалась земская школа, которая постепенно охватила значительную часть сельского населения и существенно повлияла на рост уровня грамотности в деревне. Так, численность учащихся в сельских школах страны выросла с 717,8 тыс. человек (1861 г.) до 3 млн 239,3 тыс. (1897 г.), т. е. более чем в 4 раза [1, с. 69].

В результате грамотных крестьян по Российской империи вместо 5—6 % (1860-е гг.) к концу XIX в. было уже 17,4 % [13, с. 36]. Для того чтобы определить, каким образом выглядела Владимирская губерния по уровню грамотности населения в 1897 г., обратимся к рисунку. Из него видно, что в конце XIX в. во Владимирской губернии средний уровень грамотности составлял 27 %. Это был второй показатель среди губерний Верхнего Поволжья (лучше только в Ярославской губернии — 36,2 %) и одиннадцатый — среди губерний Европейской России.

Безусловно, грамотных женщин на селе было гораздо меньше, чем мужчин. Статистики из Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева свидетельствовали, что в конце XIX — начале XX в. во Владимирской губернии «из общего числа прихожан грамотны одна треть мужчин и одна девятая женщин» [2, с. 162].



Грамотность населения Европейской России в 1897 г.\*

Однако важен не только рост уровня грамотности крестьянства, но и постепенное, пусть и медленное, изменение отношения к книге в этой среде. Опросы сельских жителей в конце XIX в. подтверждали, что грамотные крестьяне относятся к чтению с любовью и охотой. В особом почете у них книги религиозного содержания. «За их покупку даже безграмотные бабы не ругают», — говорили земские статистики [2, с. 165]. При этом отношение селян к книгам было своеобразное — всё прочитанное в них они считали непреложной истиной.

Следует признать, что в деревнях читал далеко не каждый грамотный, тем более женщина. В приводимых сведениях к числу знающих грамоту, согласно принятым в дореволюционной практике критериям, отнесены малограмотные (т. е. те, кто не окончил полный курс начальной школы и научился лишь читать, но не умел писать), а для них сам процесс чтения часто представлял немалую трудность. Причины того, что крестьянские дети, не доучившись, покидали школу, были разнообразны: 1) необходимость участвовать в домашних работах (помощь в поле, уход за скотом, присмотр за детьми); 2) отсутствие подходящей одежды и обуви; 3) необходимость пополнять семейный бюджет (работа на фабриках или участие в промысловых занятиях); 4) болезнь самих детей или их родителей; 5) обычная лень.

\* Сост. по: [14, с. 308].

Нужно учитывать, что обучение в России не являлось обязательным, поэтому родители посылали детей в школу только ради конкретных результатов. Для крестьян посещение школы детьми было настоящей жертвой, т. к. детский труд играл важную роль в домашнем хозяйстве. То, что родители соглашались, тем не менее, отправить детей в школу, означало, что в их глазах начальное образование и грамотность имели ценность. Однако часто крестьянские дети (особенно девочки) так и не попадали в школу. Даже в 1912 г. во Владимирской губернии вне школы оставалось около 50 тыс. детей в возрасте от 9 до 12 лет [16]. Например, в с. Ляхи Меленковского уезда, по свидетельству местных крестьян, на рубеже XIX и XX вв. «школу оканчивали ежегодно 14—16 учеников. Девочек среди них было пять-семь человек» [2, с. 162].

В конце XIX в. многие крестьяне, даже окончившие начальную школу и научившиеся читать, в дальнейшем из-за недостатка книг практически не пользовались этим умением и постепенно забывали грамоту. Ситуация изменилась после открытия сети бесплатных земских читален и создания библиотек для внеклассного чтения при земских и церковно-приходских школах. В 1914 г. во Владимирской губернии существовало 1295 начальных школ всех типов. В 75,5 % из них работали библиотеки для внеклассного чтения [18, с. 120—121]. Поэтому и с рецидивом безграмотности в среде крестьянства в определенной степени удавалось справляться. Данная тенденция касалась и мужчин, и женщин.

Опрос 810 земских учителей в 1910 г. показал, что только 38 человек наблюдали случаи, когда крестьяне, умеющие читать и писать, совершенно забывали грамоту. 15 учителей отмечали, что чаще забывалось письмо, умение же разбирать печатное удерживалось. Некоторые учителя, хотя их среди опрошенных было всего 9 человек, указывали даже на обратное явление на селе. Крестьяне, вышедшие из школы до ее окончания или научившиеся читать и писать дома, не только не забывали грамоты, но приобретали больший навык в письме и особенно в чтении. Замечается это даже относительно женщин, которые, будучи занятыми домашней работой, скорее теряют школьные навыки [7, с. 47].

В целом же книголюбие среди женщин было меньше и грамоту они забывали, безусловно, чаще. Обратимся к опросам тех же земских учителей. Так, один из них, преподававший в Барско-Городищенском училище (Суздальский уезд), сообщал: «Женщины жалуются на то, что забывают писать и почти не разбирают печатного текста». Однако тот же учитель отмечал, что «встречается и обратное явление: навык не пропадает, жизненная же обстановка и обстоятельства заставляют женщину так или иначе укреплять навыки, полученные в школе» [там же].

Таким образом, крестьянки, окончившие начальную школу в конце XIX — начале XX в., как правило, пользовались навыками чтения и письма, пусть и в разной степени, всю свою жизнь, а некоторые из них занимались и самообразованием, прежде всего читая доступные в их деревне или селе книги и периодические издания. Например, в 1910 г. 2,6 % опрошенных земских учителей из Вязниковского, Суздальского и Шуйского уездов отмечали в анкете, что окончившие школу не только не разучивались читать, но старались пополнить свои знания чтением книг дома. Этому особенно способствовали народные библиотеки [7, с. 48].

В то же время существовала достаточно большая категория крестьянок в возрасте 35—40 лет и старше, которые, даже будучи грамотными, редко вы-

краивали минутку для чтения, постепенно забывая буквы и разучиваясь писать. Земские учителя в 1910 г. отмечали, что наблюдались рецидивы безграмотности: «В большинстве случаев — это женщины и пожилые люди, обремененные семейными и хозяйственными работами и заботами... Им уже по 40—50 лет и больше. Некоторые с трудом разбирают буквы, другие совсем не умеют писать. Писать могут только свои имя и фамилию» [там же].

До середины 1890-х гг. крестьяне при наличии свободного пятакка могли лишь купить лубочную книгу у офени-коробейника, а недавние выпускники школ иногда имели возможность обратиться к литературе, находившейся в школьных библиотеках, в которых основную часть фонда составляли учебники.

Во владимирских деревнях, как правило, не было прямой зависимости между материальной обеспеченностью семей и покупкой ими книг. Крестьяне Меленковского уезда свидетельствовали: «Любовь к книгам не зависит от того, какими средствами человек располагает (люди богатые часто книг не имеют). Среди бедных встречаются люди, кто последнюю копейку на книгу не пожалеет». Однако наблюдалось и обратное явление. Так, сельские статистики из Шуйского уезда в конце XIX в. указывали на такую тенденцию: «В зажиточных семьях к покупке книг относятся снисходительно, в семьях со средним достатком этому препятствуют, особенно женщины, которые любовь к книгам считают блажью. В бедных семьях бывает много греха из-за покупки книг; за книгу ценою в пятак бабы житья не дадут (“хочешь читать — проси у людей, али Псалтирь читай”). Меньше ругани бывает из-за пропитого рубля, чем из-за копеечных книг, ибо пьянство считается злом неизбежным, с которым и бороться бесполезно, книги же — блажь» [2, с. 165—166].

Однако подобное отношение к книгам в начале XX в. встречалось всё реже, а женщин-книголюбцев с каждым годом становилось больше. Особенно много любителей почитать было среди девочек и девушек до 18—20 лет. Книжная культура в конце XIX — начале XX в. всё прочнее входила в жизнь российского крестьянина. Ее двигателями были начальные школы, церковь, офени-коробейники, отходники, привозившие в деревню печатную продукцию самого разного характера.

До середины 1890-х гг. главным распространителем книги в сельской местности был офеня (коробейник, ходибщик) со своей лубочной литературой. Офеня являлся не только торговцем, он был для деревни носителем и проводником городской культуры. Селяне обычно бывали рады бродячим продавцам, т. к. от них можно было узнать новости и слухи.

Лубочную книгу как особый комплекс печатной продукции характеризовали следующие признаки: 1) низкая цена (1—5 коп.); 2) небольшой объем; 3) доступность информации, нередко переходящая в примитив; 4) устойчивость сюжетов; 5) откровенная назидательность; 6) специфика оформления.

Самой ранней по времени возникновения разновидностью лубка являлись религиозные книги (Евангелие, Псалтырь, Часослов, Апостол, «Жития», «Почтения» и т. д.). Безусловно, духовно-нравственная литература занимала важное место в репертуаре читательских пристрастий крестьян (особенно старшего поколения). Религиозные книги были наиболее популярными и среди грамотного женского населения. По данным сельских статистиков вырисовывалась

следующая картина читательских предпочтений: «Мужики старше 40 лет и бабы предпочитают душеспасительные книги. Очень уважают крестьяне Новый Завет: “Где ни откроешь, всё гоже. О душе забыли, а Библия напоминает”... У многих крестьян есть в доме Библия, Часослов, Псалтырь, Жития Святых... Книги божественного содержания народ любит. Ни базар, ни офени ничего иного, кроме перечисленных выше книг, не предлагают» [2, с. 164—166].

Важной составляющей лубка являлись авантюрные рыцарские повести и романы в примитивном изложении, проникшие в Россию в XVIII в. Одной из самых известных повестей была «Сказка о Еруслане Лазаревиче». Но в 1890-е гг. популярность подобных произведений во владимирских деревнях и селах заметно снизилась. Хотя крестьяне и в начале XX в. еще продолжали говорить о том, что романы и рассказы лубочного характера особенно нравятся молодежи, т. к. они «страсть заняты». «Рассказы, что пострашнее или пошнее, а также фантастического характера любит только молодежь, — указывали земские статистики, — уже к 30 годам своей жизни крестьянин такие пустяки читать не станет» [2, с. 167].

Интересным для крестьян источником лубочной литературы выступала русская народная сказка (сказки А. Н. Афанасьева на долгие годы обогатили этот вид лубочной книги), а также фольклор в виде песен. Сказками среди владимирских крестьян, естественно, интересовались прежде всего дети. Грамотные матери часто читали сказки для них вслух. Иногда неграмотные крестьянки пожилого возраста рассказывали сказки своим внукам по памяти. В целом же взрослые крестьяне к сказкам относились равнодушно. Из сельских опросов, проведенных в Шуйском уезде, следует: «Взрослые сказок не любят и говорят, что это одно баловство. Считается, что дети зря обувь носят, если в школе задают на дом учить сказки. Сами дети сказки любят, особенно “Снегурочку” и “Спящую красавицу”, но о сказках Пушкина, Жуковского и Толстого не имеют понятия». Похожие ответы крестьян были получены в Суздальском и Меленковском уездах: «Взрослые к сказкам относятся брезгливо, дети — с любовью. Они знакомы со сказкой Пушкина “О попе и его работнике Балде”, но Жуковский даже детям неизвестен» [2, с. 166—167].

Песенники были популярны у молодежи, в том числе у девушек-крестьянок в возрасте до 20 лет. Вот что отмечали в конце XIX — начале XX в. сельские статистики: «Песенник у крестьян можно встретить часто. Хороводные песни знают по традиции, но в последнее время увлекаются песнями, услышанными в городе. Песенники в ходу у молодежи, причем своим песням стали предпочитать публикуемые в песенниках» [2, с. 169].

Русский исторический роман тоже был широко представлен в лубке. Наибольшей популярностью пользовались романы в сокращенном виде. Иногда среди лубков можно было встретить произведения известных авторов: И. Крылова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, В. Жуковского. Публикации книг классиков чаще всего мешало авторское право, т. к. лубочные издатели не хотели тратиться на покупку прав у наследников. Однако и здесь находились обходные пути — переделка произведений.

Несмотря на примитивность подобной литературы, ее популярность долгое время оставалась огромной. В 1894 г. суммарный годовой тираж лубочных

книг составлял 10 млн экземпляров, в конце 1890-х гг. — уже 15 млн [3, с. 6]. Лубочная литература многими крестьянами легко воспринималась на слух, в процессе коллективных чтений в кругу семьи, соседей или отходнической артели. На селе существовала традиция коллективного чтения по воскресным и праздничным дням, а зимой и в будни. Вот как об этом писал один из сельских статистиков Шуйского уезда: «Грамотеи читают повсюду, и вслух и про себя, собирая любителей послушать. Зимой в местную сторожку или школу собираются любители чтения, по 20 человек и более, где местный грамотей читает подобранные священником статьи из книг и газет, обязательно с религиозным или нравственным назиданием... Неграмотные слушают чтение с большим интересом, жалея о том, что не могут ничего сами в книжке прочесть и другим разъяснить». Как правило, 10—15 % среди подобных слушателей составляли любознательные женщины-крестьянки [2, с. 163—164].

В 1890-е гг. правительство активизировало выпуск так называемой литературы для народа, в число которой попали и произведения русских классиков. Однако в сельской местности Владимирской губернии подобные сочинения на рубеже XIX—XX вв. встречались еще очень редко. Из опросов крестьян следовало, что они почти не знали писателей-классиков. «Правда, есть крестьяне, знакомые с книгами Льва Толстого... Известен лишь один дотошный читатель-крестьянин (из Шуйского уезда), который сказал: “Смерть, люблю Гоголя”. Но и он при этом прочел лишь “Ревизора”, “Сорочинскую ярмарку” и “Майскую ночь”, не более того ... Островский неизвестен, как и сама драматическая форма». Взрослые женщины-крестьянки практически не интересовались классическими произведениями. Девушки также чтению сочинений классиков русской литературы предпочитали иные забавы, «считая, что лучше песни петь с девками, если есть свободное время». Девочки — ученицы начальных школ из произведений писателей-классиков в лучшем случае знали несколько сказок А. С. Пушкина и басен И. А. Крылова [2, с. 167].

Владимирские крестьяне почти не читали стихи, предпочитая им прозу. «Их плохо разумеют, — сообщали сельские статистики, — даже при хорошем чтении. Читать стихи народ не любит и не умеет. Исключение в данном случае составляют стихи духовного содержания, которые печатаются в журналах “Кормчий” и “Паломник”. Недооцененными среди владимирских крестьян оказались и поэтические сочинения А. С. Пушкина. Так, крестьяне Суздальского уезда недоумевали: “Ставят в Москве памятник Пушкину, неужто за это одно, что он стихи сочинял? Какая в том заслуга?”» [там же].

В конце 1890-х гг. крестьяне (прежде всего мужчины) всё чаще стали обращаться к книгам по истории. Из опросов крестьян следовало: «Историей интересуются. Более всего — Отечественной войной 1812 г., турецкой войной 1877 г., удачными походами Суворова, Мининым и Пожарским, Скобелевым, Ермаком Тимофеевичем. Однако запросов на знание истории нет, равно как и интереса к другим народам мира» [2, с. 168].

Книг по естествознанию, сельскому хозяйству, медицине, гигиене, географии, астрономии, юриспруденции, общественным наукам селяне либо совсем не читали, либо читали, но в примитивной форме. Хотя интерес к подобной литературе у них был. Так, из опросов крестьян следовало, что «книг по



медицине нет, но разделы “Сельского вестника”, посвященные медицине, читают с охотой и учат баб своих... Путешествиями интересуются, если речь идет о святых местах и монастырях» [2, с. 169].

Ярмарки играли важную роль в экономике и культуре пореформенной России и были еще одним местом приобретения книг для селян. Наряду с другими товарами на ярмарки из Петербурга и особенно из Москвы (после пожара Апраксина двора в Петербурге, где располагались издательства, выпускавшие лубочную литературу) привозились значительные партии книгопечатной продукции, которая раскупалась посетителями. Среди них были и крестьяне, располагавшие деньгами.

Москва занимала монопольное положение в продаже народных изданий. Недаром лубок называли «московским товаром». В Москве, на Никольской улице, находились фирмы лубочных издателей: П. Н. Шарапова, Е. А. Губанова, Г. Т. Бриллиантова, И. А. Морозова, А. И. Манухина, С. И. Леухина («Манухины—Леухины» стали символом низкопробного издателя). Позднее здесь же основал свое книжное дело И. Д. Сытин. Он вспоминал: «Никольский рынок сам творил и сам издавал, сам искал и находил свои, особые пути к полуграмотному деревенскому читателю» [17, с. 85].

На ярмарках даже в конце XIX в. крестьяне Владимирской губернии весьма охотно покупали лубочную литературу. В то же время в крестьянских избах все реже и реже можно было встретить различные книги-предсказания («оракулы»), брошюры, толковавшие сновидения («сонники»), и календари. Вот о чем сообщали земские статистики: «На “Оракулы” и подобные книги “честь сошла”... Им значения не придается... В единственный имеющийся в одной деревне Шуйского уезда “Сонник” заглядывают девушки “ради смеха”» [2, с. 169]. Зато календари продолжали играть большую роль в жизни сельского населения даже в начале XX в. Крестьяне, как мужчины, так и женщины, охотно обращались к ним как к своеобразным справочникам. Подтверждение этому находим в следующих строках, записанных со слов сельских жителей Шуйского и Суздальского уездов: «Календари покупают, но большей частью для справок по церковному делу. Календарь есть почти у каждого грамотного крестьянина. Предпочтительны дешевые календари, но с полными святыми и большим количеством картинок» [там же].

Также важным каналом проникновения книги в деревню были поездки крестьян в город, главным образом для работы (отхожие промыслы). Возвращаясь домой, отходники обычно привозили в семьи «гостинцы», в том числе и печатные издания. Часто крестьяне обменивались книгами, газетами и журналами между собой, давая почитать друг другу. Следует признать, что сельские жители плохо ориентировались в выборе книжного товара. Как правило, селяне в первую очередь старались приобретать книги толстые и по самой низкой цене, естественно, обращая внимания на яркие, красочные картинки на обложках и привлекающие названия. Сельские статистики подтверждали: «Значительным распространением пользуются только книги дешевые, что, впрочем, и следовало ожидать, зная скудость мужицкого бюджета, покупаются брошюры, преимущественно, в 2, 3—10 коп., про Бову, Тараса Черномора и т. п. и Жития Святых» [4, с. 94].

Еще одним каналом проникновения печатного слова на село была выписка периодических изданий. Его, безусловно, нельзя назвать основным. Слишком немногие крестьяне могли себе позволить выписывать газету или журнал. Если это происходило, то часто в результате складчины. Периодика начала проникать в деревню с 1880-х гг., но массовое чтение и слушание чтения газет и журналов в крестьянской среде получило распространение только на рубеже XIX и XX вв.

При выписке периодических изданий главным мотивом для крестьян была их цена, а также рекомендация односельчан. Одной из самых доступных по стоимости для сельских жителей являлась газета «Сельский вестник». «В большом почете находится газета “Сельский вестник”, — утверждали корреспонденты, проводившие опросы в деревнях. — Читают и такие издания, как “Свет”, “Биржевые ведомости”, “Сын Отечества”. Следят при этом за войнами, голодовками, урожаями и особенно за страшными событиями, что случаются в других местах (пожары, воровство, убийства). Пробуждается интерес к вопросам о нуждах народа, к поведению деревенской молодежи» [2, с. 168]. Передовые статьи, фельетоны, как правило, оставались непрочитанными. Любили крестьяне просто рассматривать картинки различных юмористических журналов: «Осколки», «Будильник», «Шут» и т. п. Большое распространение на селе периодические издания (особенно газеты) получили во время русско-японской и Первой мировой войн. Однако женщины-крестьянки мало интересовались газетами и журналами. Основными читателями периодики на селе были мужчины.

Кризис офенского промысла в конце XIX в. был связан с ускоренным строительством железных дорог, по которым необходимый товар (в том числе и книжный) распространялся гораздо быстрее, дешевле, регулярнее и в больших количествах. Поэтому число книжных лавок в провинции в эти годы резко возросло. Такие торговые точки появились даже в деревнях и селах. Однако их насчитывалось крайне мало. Так, во Владимирской губернии в 1911 г. сельских книготорговых заведений было зарегистрировано всего 10, в Покровском уезде имелось 7 таких точек, в Александровском — 2, в Ковровском — 1 [5].

Конечно, не будь в сельской местности распространен офенский лубочный промысел, такое количество стационарных книготорговых заведений не смогло бы удовлетворить запросы крестьян в чтении. Вместе с тем отметим, что книжные лавки и магазины возникали, как правило, в крупных промышленных селах (Орехове, Лежневе и т. п.), которые скорее напоминали фабричные поселки, имевшие некоторые черты городских поселений.

Нужно также подчеркнуть роль земских книжных складов в деле распространения книгопечатной продукции на селе. Во Владимирской губернии первый земский склад был создан только в 1902 г. К 1914 г. он имел свои отделения во всех уездных городах [8, с. 199]. Но не следует преувеличивать возможности подобных складов в приобщении крестьян к печатным изданиям. Хотя, безусловно, они помогали комплектовать сельские земские библиотеки, снабжали учебниками начальные школы, отпускали книги офеням. В конце XIX в. появился особый тип «земских офеней», которые брали товар на этих складах. Среди них числились как профессиональные торговцы, так и учителя, врачи, чиновники, священники.

Распространением книг на селе пытались заниматься и уездные комитеты попечительств о народной трезвости. Однако их деятельность была вялой. Например, во Владимирской губернии комитеты смогли открыть всего 6 книжных складов (в Меленковском уезде — 2, Переславском — 2, Судогодском — 1 и Суздальском — 1). Из них только два находились в сельской местности, т. е. ближе к читателю-крестьянину. К 1915 г. в губернии остался один такой склад, принадлежавший Переславскому уездному комитету. Из него в этом году удалось продать всего 9 книг [12, с. 106].

Точно определить, сколько тратила на печатные издания среднестатистическая крестьянская семья Владимирской губернии, весьма сложно. Как правило, покупка книг и периодики на селе была делом нечастым и случалась далеко не каждый год. Из земских опросов 1890-х гг. в Суздальском и Шуйском уездах следует, что «если крестьянин потратил на книги 30—50 коп. в год, то это много... Самые большие любители чтения имеют книг на 20 руб., но таких пять-десять человек на весь приход. В год любитель тратит на книги от 50 коп. до 1 руб. В обычном случае книг в доме на 1—3 руб., а затраты на книги составляют 20 коп. в год... Есть такие семьи, в которых книги светского содержания годами не только не покупаются, но и не берутся в библиотеке» [2, с. 170]. Для сравнения, на рубеже XIX—XX вв. существовали следующие цены: буханка ржаного хлеба стоила 4 коп., литр молока — 14 коп., килограмм сливочного масла — 1 руб. 20 коп., десяток яиц — 25 коп. Литр подсолнечного масла можно было купить за 40 коп., килограмм говядины — за 45 коп., килограммовый свежий лещ обошелся бы в 24 коп., а кочан капусты весом 1 кг — в 10 коп. На покупку выходной рубахи следовало бы потратить 3 руб., сапог — 5 руб., а гармони — 7 руб. 50 коп. [6, с. 114—115].

С появлением народных земских библиотек на селе гораздо проще стало определить число постоянных читателей среди женщин-крестьянок. Например, отчеты по 21 народной библиотеке Владимирской губернии за 1899 г. зарегистрировали среди подписчиков 932 женщин, что составляло 14 % от общего количества посетителей данных просветительных заведений. Большинство из них были ученицами местных начальных школ и молодыми девушками в возрасте от 15 до 20 лет. При этом в среднем на одну библиотеку приходилось 270 читателей-мужчин и только 44 женщины [10, с. 19—21].

По обследованию 58 народных библиотек в деревнях и селах Владимирской губернии в 1903 г. женщины в среде читателей составляли уже 17 % (2260 человек). Несмотря на то что в количественном отношении они значительно уступали подписчикам-мужчинам, среднестатистическая женщина прочитывала за год 11,4 книги, а мужчина — только 9,3. Наибольшими книгоочаями являлись работницы сельских фабрик. Они в год в среднем читали по 19 книг. В возрастном отношении основной контингент читательниц на селе составляли девочки и девушки 10—20 лет (75,5 %). После 20 лет спрос на книги у женщин уменьшался вдвое, а к 40 годам часто совсем угасал [11, с. 39—41].

Таким образом, бесспорным нужно признать тот факт, что владимирские крестьяне в конце XIX — начале XX в. читали немало. Необходимость в обще-

нии с книгой на селе была очевидной. Прежде всего это касается молодежи, которая имела возможность получить начальное образование в земских, церковно-приходских и других школах. Так, учительница из Вязниковского уезда в 1901 г. подтверждала, говоря о своих воспитанниках, что «у каждого из учащихся имеется десять, а иногда и более книг, приобретенных на свои средства у коробейников» [15, с. 75]. Типичным крестьянином-книгочеем выступал молодой человек, как правило до 25 лет, и девушка до 20 лет. Большой процент среди читателей составляли дети и подростки. Активных читателей среди женщин было гораздо меньше. Чаще всего девушки читали до замужества, а затем с головой погружались в рутину семейных дел по воспитанию детей и по хозяйству, часто забывая азы грамоты.

Не следует думать, что старшее поколение крестьян совсем не читало. Просто если молодежь отдавала предпочтение песням, сказкам, историческим и приключенческим повестям, то взрослые — духовно-нравственной литературе. Интересно отношение к религиозным книгам пожилых крестьян (в том числе женщин), которые говорили о подобных изданиях: «Хоть сто раз прочитай, а всё слушать хочется» [2, с. 166]. В целом же по России к 1917 г. в чтении крестьян наметился постепенный переход от изданий религиозных к светским, от житийной литературы к романам и повестям.

Не нужно полагать, что крестьяне читали каждый день и в любое время года. Безусловно, это не так. «Глубокая осень и зима, — говорил один из земских корреспондентов, — вот сезон чтения в деревне. В это время чтение — прямое спасение от гнетущего однообразия впечатлений, от тяжелой картины грязных улиц и часто от бестолкового безделья. Словом, досужего времени для деревенских читателей немного» [19, с. 47]. Отчеты сельских библиотек свидетельствуют, что независимо от пола и возраста более 70 % посещений крестьянами этих заведений приходится на период с октября по март. С апреля (т. е. времени начала полевых сельскохозяйственных работ) количество читателей-крестьян (как мужчин, так и женщин) резко сокращалось, причем в разы [11, с. 44].

Из всех способов распространения книги на селе, о которых шла речь выше, наибольшее значение вплоть до конца XIX в., безусловно, имел офенский промысел. Именно через офеней сельские жители познакомились с лубочной книгой — самой понятной для них по содержанию и доступной по цене. Можно сказать, что коробейник свел крестьян с книгой. Лубочные произведения отвечали духовным запросам селян, были посвящены волновавшим их проблемам. Если раньше весь мир крестьян замыкался в пределах общины, то теперь они осознали себя жителями определенной страны — России. Кроме того, лубочные рассказы сообщали полезные сведения по таким темам, как здоровье, работа, отношения в семье. Они приводили примеры старательности, упорства, энергичности, сообразительности и инициативности, без которых невозможно было достичь успеха, а также показывали ценность школьного образования. Через дешевые лубочные издания грамотные сельские жители получали хотя бы элементарные представления об устройстве природного мира, что приносило им авторитет и уважение среди товарищей. Поэтому следует согла-

ситься с неким книгоношей, который записал в своем «Дневнике»: «В скором времени я отправлюсь разносить свет... Конечно, свет, да свет! Даже в этих Бовах, Ерусланах и милордах и в них есть свет» [9, с. 7].

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. в деревнях и селах Владимирской губернии все еще сохранялась значительная диспропорция в культуре чтения среди различных гендерных и возрастных групп крестьянского населения. Можно говорить о том, что в это время количество книголюбцев среди женщин-крестьянок было недостаточным, что свидетельствовало об общей незавершенности модернизации Российской империи. Крестьянки, к сожалению, оставались одной из наиболее «отсталых» читательских групп на селе, прежде всего в силу их традиционного мировоззрения. Однако рост числа женщин среди учащейся молодежи способствовал тому, что всё больше и больше крестьянок стали интенсивно читать с целью самообразования и просвещения, постепенно ломая в деревне укоренившиеся столетиями стереотипы.

### *Библиографический список*

1. *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР : (историко-статистические очерки). М. : Статистика, 1964. 195 с.
2. Быт великорусских крестьян-землепашцев : описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева : (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб. : Изд-во Европ. Дома, 1993. 472 с.
3. *Вахтерев В. П.* Внешкольное образование народа. М. : Изд-во И. Д. Сытина, 1896. 380 с.
4. Внешкольное образование крестьянского населения Владимирской губернии по сообщению корреспондентов оценочно-экономического отделения Владимирской губернской земской управы // Вестник Владимирского губернского земства. 1899. № 6. С. 93—111.
5. Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 4. Д. 3326. Л. 35.
6. Записки по курсу кулинарной школы. М. : Изд-во Всесоюз. заоч. политехн. ин-та, 1989. 150 с.
7. Исследования относительно рецидива безграмотности и прочности усвоения знаний, даваемых школой // Положение народного образования во Владимирской губернии, 1910 г. Владимир, 1911. Вып. 1. С. 47—52.
8. История книжной торговли / под ред. А. А. Говорова. М. : Книга, 1982. 288 с.
9. Книга и читатель, 1900—1917 : воспоминания и дневники современников / сост. А. И. Рейтблат. М. : РГБ, 1999. 205 с.
10. Народные бесплатные библиотеки-читальни во Владимирской губернии и порядок открытия их при материальной помощи губернского земства. Владимир, 1900. 51 с.
11. Народные бесплатные библиотеки и библиотеки-читальни во Владимирской губернии за 1903 г. // Вестник Владимирского губернского земства. 1905. № 7. С. 25—48.
12. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1915 г. Владимир, 1916. 132 с.
13. *Рашин А. Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и XX вв. // Исторические записки. 1951. Вып. 37. С. 34—37.

14. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.) : стат. очерки. М. : Госстатиздат, 1956. 356 с.
15. Свод ответов учителей о выразительном чтении в школах Владимирской губернии // Вестник Владимирского губернского земства. 1901. № 22/23. С. 73—76.
16. Старый Владимирец. 1912. 25 апр.
17. Сытин И. Д. Жизнь для книги. М. : Книга, 1985. 416 с.
18. Текущая статистика по начальным школам Владимирской губернии за 1913—1914 учебный год. Владимир, 1915. Вып. 1. 132 с.
19. Чтение в деревне // Вестник Владимирского губернского земства. 1901. № 9/10. С. 46—48.

ББК 63.3(2)63

**Ф. А. Такташева**

## **РОЛЬ ЖЕНЩИН В ВОССТАНОВЛЕНИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1943 — начало 1950-х гг.)**

Великая Отечественная война способствовала увеличению доли женщин в общественно-политическом и социально-экономическом развитии как страны в целом, так и Сталинградской области в частности [9]. Во многом это было связано с особенностями демографической ситуации, сложившейся по окончании боевых действий. Кроме того, острая нехватка организаторских и рабочих кадров привела к массовой мобилизации женщин на производство и в сельское хозяйство для обеспечения фронта всем необходимым в годы войны и скорейшего возрождения экономики в период первой послевоенной пятилетки.

Быстрое возрождение народного хозяйства после войны, и в первую очередь тяжелой промышленности, способствовало увеличению численности населения Сталинграда за счет мобилизации рабочих из других районов страны.

Великая Отечественная война временно остановила рост населения. Была нарушена демографическая динамика. Война изменила ход естественного развития народонаселения — резко сократилась рождаемость и повысилась смертность (см. табл. 1).

Данные таблицы свидетельствуют, что за годы войны уровень рождаемости сократился практически в 5 раз. В 1943 и 1944 гг. отмечался отрицательный естественный прирост населения, что было связано с превышением количества умерших над количеством родившихся в эти годы. И уже после окончания войны происходит постепенный рост числа рождений и сокращение уровня смертности.

Анализ половозрастной структуры населения исследуемого периода выявляет главную особенность — диспропорцию в соотношении полов.

## Женская и гендерная история

Таблица 1

### Естественное движение населения Сталинградской области в 1941—1952 гг., чел.<sup>1</sup>

Год	Рождаемость			Смертность			Естественный прирост
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	
1941	27 571	42 122	69 693	21 220	23 523	44 743	24 950
1943	3844	12 817	16 661	5452	14 983	20 435	– 3774
1944	4324	7126	11 450	6265	13 336	19 601	– 8151
1945	4419	10 046	14 256	3542	8702	12 244	2012
1948	3266	13 887	17153	1666	6191	7857	9296
1949	4029	15 761	19790	1609	5931	7540	12 250
1950	3698	13185	16883	1598	5348	6946	9937
1952	4615	14 803	19 418	1714	5530	7244	12 174

В этом отношении показательны данные о численности избирателей по выборам в Верховный Совет СССР (табл. 2).

Таблица 2

### Половозрастная структура населения Сталинградской области (по данным выборов в Верховный Совет СССР) на 12.03.1950 г., чел.<sup>2</sup>

Возраст	Сельская местность		Города и рабочие поселки		Сталинград		Всего			
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	%	Ж	%
18—20	15 090	16 425	4017	4719	11 324	10 040	30 431	49,4	31 184	50,6
21—30	31 854	69 111	9445	17 980	27 761	45 605	69 060	34,3	132 696	65,7
31—40	38 616	78 201	11 455	18 790	23 569	35 929	73 640	35,7	132 920	64,3
41—50	39 080	75 552	10 577	18 258	19 668	30 486	69 325	36	124 296	64
51—55	13 088	23 553	3349	6215	5549	9239	21 986	36	39 007	64
56—60	10 428	20 635	2735	4421	3595	6778	16 758	34,5	31 834	65,5
Старше 60	26 781	61 714	5193	11 836	5252	13 677	37 226	30	87 227	70
<b>Итого</b>	<b>174 937</b>	<b>345 191</b>	<b>46 771</b>	<b>82 219</b>	<b>96 718</b>	<b>151 754</b>	<b>318 426</b>	<b>35,5</b>	<b>579 164</b>	<b>64,5</b>

Несмотря на то что в таблице представлены данные 1950 г., видно, что война привела к заметному повышению в населении области доли женщин и уменьшению доли мужчин.

Это было вызвано тем, что среди погибших и умерших от ран в возрасте до 50 лет мужчин было в 4 с лишним раза больше, чем женщин. Численный перевес

<sup>1</sup> Сост. по: [1—6, 12].

<sup>2</sup> Сост. по: [16].

женщин был особенно заметен в возрастных группах от 30 лет. Прямое влияние Великой Отечественной войны на воспроизводство населения в послевоенные годы выразилось в большой убыли мужчин в активных возрастных группах. В 1939 г. половая структура отличалась незначительным превышением женского населения — лишь на 3 %. Великая Отечественная война усугубила ситуацию. Практически во всех трудоспособных возрастах разница в пользу женщин увеличилась на 30 %. Примерно в два раза количество женщин превышало количество мужчин как в городах, так и в селах Сталинградской области.

В итоге после окончания войны было нарушено соотношение полов в пользу женщин в возрастных группах 30—40 лет, где они составили 2/3 численности населения.

На протяжении послевоенной пятилетки женщины продолжали значительно превосходить мужское население в численности. При этом в городах диспропорция полов была выражена несколько слабее, чем в сельской местности. В городах мужчины составляли 45,2 %, а в селах — 38 %. Соотношение полов в сельской местности было нарушено более значительно, чем в городе, поскольку мужчины часто мигрировали туда на работу в промышленность, строительство, а также на учебу.

Опустошение и разграбление Сталинградской области немецко-фашистскими захватчиками, огромные потери среди мирного населения, а также ускоренные темпы послевоенного восстановления экономики области при недостатке рабочих рук способствовали привлечению в народное хозяйство значительного количества женщин.

Сразу после окончания Сталинградской битвы началось быстрое восстановление хозяйства области [8]. Были введены в строй Сталинградский тракторный завод, металлургический завод «Красный Октябрь», завод «Баррикады» — крупнейшие предприятия Нижневолжского региона. 1950-е годы стали временем крупнейших промышленных строек в области. В их числе Михайловская ТЭЦ, большая группа предприятий в городах Волжском, Волгограде, Камышине. Начало 1950-х гг. также ознаменовано строительством Волжской ГЭС, Волгоградской ТЭЦ-2, Камышинской ТЭЦ.

Кроме промышленности, экономике области требовалось восстановление и сельскохозяйственного производства, ведь около 80 % территорий составляли сельскохозяйственные угодья, используемые под земледелие и животноводство [13, с. 307]. Наиболее пострадавшими от проходивших боев оказались северные и северо-западные районы области, представлявшие зерновое земледелие.

Необходимо отметить, что обращение к женщинам как к кадровому резерву в промышленности и сельском хозяйстве началось еще в 1930-е гг., в период индустриализации и коллективизации [15]. Однако массовость участия женщин в народном хозяйстве и широкое освоение ими профессий были достигнуты в годы Великой Отечественной войны и четвертой пятилетки.

В этот период особо важный характер приобрело максимальное привлечение населения к работе в промышленности и сельском хозяйстве. Значительную долю неработающего населения, являвшегося, таким образом, трудовым ресурсом, составляли женщины.



## Женская и гендерная история

Вновь была введена обязательная трудовая повинность. Согласно Указу Президиума Верховного Совета от 13.02.1942 г. мобилизации подлежали женщины в возрасте от 16 до 45 лет; освобождение получали матери, имевшие детей до восьмилетнего возраста. Однако позже на работу в строительство и производство были привлечены и женщины с детьми в возрасте от 4 лет, а также те, кто мог оставить своих детей у родственников [14, с. 16].

Данная мера мобилизации действовала с 1942 г. по 1946 г. Поэтому после завершения Сталинградской битвы она позволила набрать рабочие руки для быстрого восстановления оборонных предприятий Сталинграда. Однако, несмотря на то что женщины в области представляли 90 % неработающего трудоспособного населения, использование их в народном хозяйстве затруднялось отсутствием на предприятиях детских дошкольных учреждений, где бы матери могли оставить своих детей на время работы.

Поступающим на работу женщинам приходилось осваивать новые специальности. В промышленном и аграрном секторах обучение происходило в разнообразных формах — как на предприятиях без отрыва от производства, так и в системе трудовых резервов: в ремесленных и железнодорожных училищах, школах фабрично-заводского обучения.

В результате программы мобилизации неработающего трудового населения доля женского труда в народном хозяйстве области увеличилась после войны до 60 %. За годы четвертой пятилетки доля женщин в народном хозяйстве несколько снизилась и составила в 1950 г. 45,9 % [10, с. 203]. Такое снижение происходило на фоне всеобщей демобилизации, возвращения мужчин — рабочих и служащих — на производство, а также общего роста рабочего класса.

Динамика распределения женщин по отраслям народного хозяйства отражена в табл. 3.

Таблица 3

### Женщины в народном хозяйстве Сталинградской области, %<sup>3</sup>

Отрасли народного хозяйства	Распределение по отраслям		Доля в общем количестве работающих	
	1945 г.	1950 г.	1945 г.	1950 г.
Промышленность и строительство	29,5	44,1	38,8	42,2
Сельское хозяйство (без колхозов)	15,4	11,1	52	36,2
Транспорт и связь	11,3	7,6	45,8	35,6
Торговля, общественное питание, заготовка, материально-техническое снабжение	14	8,6	65,5	58,4
Здравоохранение и просвещение	18	18,6	81,8	79,5
Наука и научное обслуживание	0,2	1,1	55,4	37,1
Органы государственного и хозяйственного управления	8,3	4,6	61	46,7

<sup>3</sup> Сост. по: [10, с. 203].

<b>Народное хозяйство области в целом</b>	<b>100</b>	<b>100</b>	<b>51,7</b>	<b>45,9</b>
---	------------	------------	-------------	-------------

Анализ представленных данных показывает, что наибольшей численностью женщин на производстве отличались такие отрасли, как промышленность и строительство. Второе и третье места распределили между собой сельское хозяйство и торговля.

Тем не менее, данные о доли женщин в общем количестве рабочих и служащих по отраслям хозяйства показывают противоположную картину. Несмотря на то что в промышленности и строительстве было задействовано большее количество женщин, их доля в общем количестве работающих была в 1945 и 1950 гг. 38,8 и 42,1 % соответственно [10, с. 203], в то время как в сельском хозяйстве женщины составляли более половины. Наибольшие показатели были в здравоохранении и просвещении: здесь доля женщин составляла в 1945 и 1950 гг. соответственно 81,8 и 79,5 % [там же]. Далее по мере убывания располагались торговля и общественное питание, органы государственного и хозяйственного управления, научные учреждения, транспорт и связь [там же]. Кроме того, в общем числе рабочих-специалистов доля женщин-рабочих с высшим и средним специальным образованием достигала 35 %.

Распределение женщин по направлениям сельского хозяйства было следующим: животноводческие кадры формировались преимущественно из женщин, а полеводческие — из мужчин, поскольку здесь был высок объем механизированных работ. Доля женщин там в годы войны была достаточно высока, ведь им пришлось заменить ушедших на войну мужчин-комбайнеров и трактористов, однако с процессом демобилизации она уменьшилась за период послевоенной пятилетки до 5 % [7, с. 351]. Тем не менее, женщины в колхозах составляли больше половины населения и выполняли практически все виды работ.

Особенности женского труда были предусмотрены трудовым законодательством. Кодекс законов о труде 1922 г. установил льготы и ограничения для женщин, работающих в промышленности и сельском хозяйстве. Так, в 1932 г. был определен список особо тяжелых и вредных работ и профессий, к которым не допускались женщины. Кроме того, кодекс определял ограничения по переносу тяжестей женщинами, отпуска и пособия по беременности и уходу за ребенком. Для работающих матерей с грудными детьми устанавливались дополнительные перерывы для кормления ребенка. Кроме этого, предприятия были обязаны обеспечить детей работниц детскими дошкольными учреждениями.

Данный кодекс просуществовал с некоторыми поправками вплоть до 1971 г.

Таким образом, анализ демографического и социально-экономического развития Сталинградской области в послевоенном десятилетии позволил определить место и роль женщин в восстановлении народного хозяйства региона.

Исторические реалии сами обусловили обращение государства к женскому населению как трудовому резерву, призванному заменить мужчин, ушедших на фронт и не вернувшихся с фронта, во время войны и в годы реконструкции экономики.

К основным факторам мобилизации женщин на работу в промышленности и сельском хозяйстве в период послевоенного восстановления относились:

— демографические перекосы половозрастной структуры, характеризующиеся значительным количественным преобладанием женского населения над мужским в наиболее трудоспособных и детородных возрастах;

— необходимость скорейшего восстановления предприятий оборонной промышленности и сельского хозяйства после окончания Сталинградской битвы для обеспечения фронта боеприпасами и продовольствием;

— восстановление Сталинграда и создание оптимальных жилищных условий для рабочих и служащих города;

— острая нехватка рабочих рук, как на промышленных предприятиях, так и в сельском хозяйстве, особенно на этапах сева и уборки урожая.

В связи с этим доля женского труда в народном хозяйстве области возрастает. В сельском хозяйстве она составляла около 60 %. В промышленном производстве численность женщин не была постоянной: если после окончания войны она составляла чуть выше 50 %, то к концу четвертой пятилетки сократилась до 45 %.

Таким образом, женский труд приобретает широкое распространение практически во всех отраслях народного хозяйства. Невозможно было представить предприятие или колхоз, где бы не работали женщины.

Обязательное использование труда женщин стало в послевоенный период нормой мышления руководителей. Так, при посещении в 1950 г. в Чехословакии трех заводов (по производству легковых автомобилей, прокатке тонколистового железа, пошиву головных уборов) сталинградская делегация в качестве одного из главных недостатков отмечала, что здесь «слабо применяется женский труд» [11].

Это очередной раз доказывает важность женского труда в СССР и серьезность отношения к нему со стороны руководства.

### *Библиографический список*

1. Естественное движение населения Сталинградской области за 1941 г. // Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-686. Оп. 5. Д. 77. Л. 118—119.
2. Естественное движение населения Сталинградской области за 1945 г. // Там же. Д. 166. Л. 4, 12, 15, 39.
3. Естественное движение населения Сталинградской области за 1948 г. // Там же. Оп. 20. Д. 289. Л. 82—84.
4. Естественное движение населения Сталинградской области за 1949 г. // Там же. Л. 104—106.
5. Естественное движение населения Сталинградской области за 1950 г. // Там же. Л. 123—125.
6. Естественное движение населения Сталинградской области за 1951 г. // Там же. Л. 47—49.
7. История советского крестьянства. Т. 3 : Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938—1945 гг. М. : Наука, 1986. 447 с.

8. Кузнецова Н. В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1943—1953). Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002. 292 с.
9. Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М. : Мысль, 1974. 272 с.
10. Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет : стат. сб. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 262 с.
11. Отчет сталинградской делегации о поездке в Чехословакию 27 апреля — 14 мая 1950 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 113. Оп. 33. Д. 72. Л. 9—24.
12. Сведения о численности населения, о численности родившихся и умерших в Сталинградской области за 1943—1944 гг. // ГАВО. Ф. Р-686. Оп. 20. Д. 48. Л. 23—24.
13. Сталинградская область : (физ.-геогр. и экон.-геогр. обзор) / редкол.: С. М. Дроздов (пред.), А. Г. Ляхов, И. И. Панин, И. И. Самойленко. Сталинград : Кн. изд-во, 1958. 422 с.
14. Указ Президиума Верховного Совета СССР во изменение Указа от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» // Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М. : Мысль, 1974.
15. Фролова Г. И. Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по вовлечению женщин в социалистическое строительство в годы первых пятилеток (1928—1937 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1978. 186 с.
16. Численность избирателей Сталинградской области по выборам в Верховный Совет СССР на 12.03.1950 г. // ГАВО. Ф. Р-686. Оп. 20. Д. 183. Л. 78—79.

ББК 76.125.2

*В. В. Смеюха*

## **ЖЕНСКИЕ ЖУРНАЛЫ СССР В 1945—1991 гг.: ТИПОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМАТИКА, ОБРАЗНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Историко-типологический анализ советской женской прессы показывает, что система тоталитарного общества создает собственный тип женского журнала, поддерживающий ее и служащий ее интересам. Массовый женский общественно-политический журнал при определенных политических и экономических условиях является эффективным средством изменения психологии, поведения женских масс, их объединения в производственные коллективы, координации труда и бытовой деятельности, замены личных интересов общегосударственными. Изучение советских женских журналов представляет научную значимость, т. к. не только позволяет выявить тематические и типологические особенности прессы данного периода, но и помогает обозначить принципы ее воздействия на аудиторию, технологию формирования и распространения женских

образов. Функционирование женских журналов в период 1945—1991 гг. остается явлением малоизученным. Деятельность журнала «Работница» освещена в сборнике «Всегда с вами» [5], работе Е. В. Гамелько [7], тематический аспект издания «Крестьянка» проанализирован в статье М. С. Петрова [20]. Отличительная особенность указанных публикаций — исследование тематических характеристик изданий в различные периоды их существования.

Целью данной статьи является определение условий и факторов изменения деятельности отечественной женской прессы, ее типологических особенностей в 1945—1991 гг., а также изучение характера влияния журналов на женскую аудиторию, форм общения редакций изданий с читательскими группами в процессе сотрудничества с институтом власти и общественными структурами.

После окончания Великой Отечественной войны в стране началось интенсивное восстановление промышленного комплекса. Центральными вопросами в работе агитационно-пропагандистского аппарата стали темы мобилизации трудовых ресурсов в целях скорейшего перехода к мирному строительству, досрочному выполнению послевоенной пятилетки, улучшению положения в сельскохозяйственной отрасли, развитию науки. Для обеспечения максимального идеологического воздействия на аудиторию требовалось проведение восстановительных мер в области средств массовой информации.

В 1945 г. при содействии Антифашистского комитета советских женщин и Всесоюзного центрального совета профсоюзов появился журнал «Советская женщина». Его основными задачами стали формирование идеологии трудящейся женщины СССР и пропаганда ее образа жизни среди иностранных читательниц. Авторами журнала выступали как советские, так и зарубежные корреспонденты.

По структуре он повторял модель общественно-политического журнала для женщин. Отличительной чертой нового иллюстрированного издания стало появление отдела «Женское движение», куда первоначально входили рубрики «В Антифашистском комитете советских женщин» и «Хроника международного женского движения», в которых помещались информационные подборки. В дальнейшем освещение деятельности женских организаций социалистического характера расширилось.

Открывались женские периодические издания союзных республик: в 1946 г. — украинская «Советская женщина», белорусская «Работница и крестьянка», в 1950 г. — казахский «Сталинский путь», «Женщина Узбекистана», в 1951 г. — «Женщина Азербайджана», «Женщина Киргизии», «Женщина Молдавии», в 1952 г. — «Женщина Советской Латвии», литовская «Советская женщина» и др.

К началу 60-х гг. в СССР сложилась система женской периодической печати, которая представляла собой совокупность женских журналов, выходивших на центральном, республиканском уровнях и уровне автономий. Верхнее звено структурной иерархии составляли три центральных женских журнала: «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина». Первые два, выразившие единую идеологию и программу, адресовались аудитории советских читательниц. Несколько отличалось от них издание «Советская женщина». Его программа основывалась на проведении отечественной и зарубежной пропаганды, но в целом для него были характерны те же типологические особенности.

Центральная женская пресса выступала примером для периодики следующих структурных звеньев, своей деятельностью она определяла основные параметры их функциональной направленности, тематики, внутреннего деления, оформления. В изданиях не предусматривалось деления аудитории на читательские группы, т. е. не издавалась пресса отдельно для работниц и отдельно для крестьянок. Журналы адресовались широкой аудитории и выражали единое идейно-пропагандистское направление.

«Работница» и «Крестьянка» основное внимание уделяли производственным темам, они информировали свою аудиторию о событиях политического, экономического характера, имевших широкомасштабное значение (например, писали об изменениях в политическом руководстве страны, введении новых сельскохозяйственных планов, полете человека в космос и т. д.). Наряду с постоянным авторским составом продолжало практиковаться участие в журналах непрофессиональных авторов — работниц и крестьянок, ученых, партийных работников и руководителей.

В 1964 г. журнал «Работница» был награжден орденом Ленина «за большую работу по идейно-политическому воспитанию советской женщины и привлечение ее к активному участию в строительстве коммунизма» [17]. Издание превратилось в наиболее массовый женский журнал СССР. Так, тираж «Работницы» в 1961 г. составил 2,5 млн экз., в 1970 г. — более 11 млн, в 1981 г. — более 13 млн и в 1990 г. — более 23 млн экз. Тираж «Крестьянки» в эти же периоды соответствовал 2 млн, 6 млн 500 тыс., 21 млн 800 тыс. экз.

Низкий уровень развития сельского хозяйства (в начале 50-х гг. производительность колхозно-совхозных объединений достигала показателей конца 20-х гг.) вынуждал правительство прибегнуть к более эффективным приемам ведения сельскохозяйственного производства. В 1953 г. была провозглашена новая программа его роста. В числе первоочередных мер по выведению сельскохозяйственной отрасли из кризиса были обозначены повышение закупочных цен, увеличение капиталовложений в сельскохозяйственное машиностроение, освоение целинных и залежных земель.

Учитывая огромную роль женщин в колхозном и совхозном производстве, ЦК КПСС обязал партийные органы «усилить массово-политическую и культурно-просветительскую работу среди колхозниц, работниц МПС и совхозов» [11, с. 309]. Незамедлительно в женской прессе возросло внимание к проблемам села и его жителей, на страницах регулярно стали появляться передовые статьи, посвященные основным задачам переориентации сельского хозяйства, отчеты о проделанной работе в совхозах и колхозах, очерки о руководителях и рядовых работниках сельского хозяйства, об энтузиастах-целинниках. В журнале «Крестьянка» стали действовать рубрики «Слово целинницам», «Говорят агрономы», одновременно в «Работнице» и «Крестьянке» открылась рубрика «Участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки», где регулярно публиковались материалы о развитии новых технологий.

Период второй половины 50-х — начала 60-х гг., вошедший в историю под названием «оттепели», внес значительную долю свободы в мышление и инициативность населения, что отразилось в культуре, литературе и искусстве. В стране возникло большое количество общественных организаций, пытав-

шихся собственными усилиями решить накопившиеся проблемы. Определенные изменения произошли и в средствах массовой информации, чьи редакционные коллегии стали проявлять больше инициативности и самостоятельности при определении форм работы.

Журнал «Работница» взялся за возрождение некогда популярного движения общественниц (с 1957 г.). Авторы издания, а вслед за ними и сами читатели определяли целые отрасли быта и производства, нуждавшиеся в контроле и общественной поддержке. Здесь появилась «Страница общественницы» с сообщениями и письмами домохозяек, членов женсоветов: «Жены шахтеров», «Дел у нас много», «Контроль за стройками», «Будни одного женсовета» и др. Открывавшиеся в различных регионах страны женские советы, уличные комитеты на собраниях, конференциях, съездах вырабатывали собственные программы переустройства быта «на коммунистических началах».

В 1968 г. редакция «Работницы» совместно с Комитетом советских женщин и комиссией по работе среди женщин ВЦСПС учредили Клуб общественниц. Перечень работ, требовавших немедленного выполнения, был весьма широким. Авторы журнала проводили выездные заседания редакции на предприятиях, участвовали в комиссиях по контролю, приглашали в редакцию представителей управленческих структур, знакомили читательскую аудиторию с результатами проделанной работы в отчетах, репортажах, интервью, которые помещались под рубриками «Заседание Клуба общественниц» и «Круглый стол “Работницы”». Те же проблемы обсуждались и на страницах «Крестьянки», где действовали специальные рубрики «За круглым столом “Крестьянки”», «Пост эффективности качества». Редколлегия издания неоднократно выступала в роли инициатора таких конкурсов, как смотры дошкольных учреждений, сельскохозяйственных предприятий общественного питания, сельских поваров и др. (рубрика «Идет смотр»).

В середине 80-х гг. советское государство оказалось в предкризисном состоянии. Наблюдался спад производства. СССР все более отставал от развитых капиталистических стран. В 1985 г. было объявлено о начале перестройки: на предприятиях вводилась система хозрасчета и самофинансирования. Денежная эмиссия на фоне увеличивавшегося дефицита промышленных и продовольственных товаров вела к дальнейшей дестабилизации экономических отношений.

Женские периодические издания довольно оперативно реагировали на изменение экономической ситуации и политику правительственных реформ. В начале 60-х гг. «Крестьянка» открыла рубрику «Вести хозяйство интенсивно», в начале следующего десятилетия — «Школа экономических знаний», затем — «Пост эффективности и качества», где авторы знакомили аудиторию с методами «работы передовиков... добившихся высокой эффективности труда и выпуска продукции... хорошего и отличного качества» [14, с. 5]. Для более глубокого освещения выполнения задач, поставленных партией, в начале 80-х гг. в этом журнале появились рубрики «Намеченное выполним!», «Хозяйствовать — экономно, расходовать — бережливо», вопросы рационального ведения домашнего хозяйства в складывавшихся условиях обсуждались под рубрикой «Домашняя экономика».

Ухудшение производственных отношений, закрытие предприятий из-за нерентабельности привели к появлению безработицы. Вследствие этого «Крестьянка» в 1986 г. открыла рубрику «Служба надежды», где путем публикации объявлений о вакантных местах в колхозах и совхозах помогала в некоторой степени возродить село и одновременно сократить возраставшее количество безработных.

Проблеме уменьшения численности сельского населения журнал посвятил рубрику «Жить молодым в селе».

Аналогичные структурно-тематические изменения происходили и в «Работнице». В 60-х гг. здесь вводятся рубрики «Беседы экономиста» и «Беседы об экономике». В 1984 г. появилась «Азбука экономики», цель новой рубрики ее авторы обозначили как оказание помощи читательницам в «освоении азов экономики, формировании нового типа экономического мышления»; в данном разделе помимо бесед с экономистами, юристами, социологами помещались деловые игры, тесты. Позже возникли рубрики «Диплом “Работницы” — лучшим товарам», «Экономические письма», «Блокнот деловой женщины», «Перестройка: банк идей», «Перестройка: энергия ускорения», «Экономия и бережливость».

В послевоенные годы отечественная женская пресса стала формировать новый образ советской женщины и к уже сложившимся ранее женским типам (женщина-работница, женщина-крестьянка, женщина — политическая активистка) добавился образ женщины — борца за мир. Стремление женщин к миротворчеству в послевоенные годы формировалось и поддерживалось за счет деятельности женских комитетов, главной целью которых стала реализация антивоенных программ. При участии Комитета советских женщин прошли Всемирный конгресс женщин в Берлине (1975 г.), Международный семинар «Женщины за разоружение» в Вене (1978 г.), Всемирная конференция «За мирное и счастливое будущее всех детей» в Москве (1979 г.) и др. Комитет выступал организатором гуманитарных поставок женским обществам Анголы, Кампучии, Никарагуа и др. В советской прессе комитет был представлен как лидер среди некапиталистических объединений женщин, а советские женщины изображались активными сторонницами мирного существования.

Автор журнала «Работница» Е. Кононенко, вспоминая Международный женский конгресс 1945 г., в материале «Клятва матерей» процитировала выступление вице-председателя Международной демократической федерации женщин Н. В. Поповой: «Мы сделаем все, чтобы женщины Советского Союза стали мощным отрядом международного объединения женщин в борьбе за демократию, за мир и безопасность народов!» [12, с. 8]. Г. Шергова в статье «Дороги в мир» определила миссию соотечественниц так: «...мы должны уметь сражаться за мир и будущее, и тогда никто не сможет одолеть нас...» [25, с. 11].

Тема антивоенной деятельности стала постоянной в журнале «Советская женщина» и в открывшемся в 1958 г. журнале Международной демократической федерации женщин (МДФЖ) «Женщины мира».

Ежемесячное общественно-политическое иллюстрированное издание было основано МДФЖ в Берлине с целью освещения деятельности федерации и борьбы женщин разных стран. Журнал обращался к женщинам-активисткам, агита-



торам и пропагандистам международного женского движения. Издание выходило на русском, французском, испанском, английском и немецком языках.

Оба издания освещали жизнь советских женщин, их участие в антивоенных кампаниях. Помимо статей, очерков журналистов, участников женского отечественного и зарубежного движения, журналы публиковали отчеты о проведившихся женских конференциях, их программы, выступления.

Достижение контраста в показе действительности социалистических и капиталистических стран обеспечивалось за счет выявления «недостатков» и «преимуществ» в условиях жизни, деятельности женщин, защиты материнства и детства. Данная тематика находила отражение в путевых очерках, письмах отечественных и зарубежных авторов.

В отечественных женских журналах обозначилось изменение ролевых функций женщины. В ней, как и раньше, ценились в первую очередь профессиональные качества, издания сообщали о росте женских производственных кадров: в 1950 г. в стране насчитывалось 300 тыс. женщин — инженеров, техников и мастеров, свыше 100 тыс. трактористов, комбайнеров и механизаторов, более миллиона медицинских работников и 900 тыс. педагогов [24].

Одним из последствий военных событий явилось изменение демографической ситуации. Были разрушены миллионы семей, резко возросла численность матерей-одиночек. Обозначилось превалирование женского населения над мужским, что привело к росту женской занятости как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Данные процессы повлекли за собой снижение рождаемости, вследствие чего правительством была организована дополнительная программа помощи многодетным и одиноким матерям.

Свои задачи в складывавшейся ситуации женские журналы видели в формировании образа счастливой советской женщины, оказании ей поддержки посредством серии публикаций, посвященных заботе о матери и ребенке, советам по педагогике и медицине. В рубриках «Беседа с матерью» («Крестьянка») и «Ответы на письма матерей» («Работница») помещались статьи о здоровье детей, воспитании в школе и семье. Насколько востребованными являлись данные темы для аудитории, наглядно показано в материале автора «Работницы» А. Ашмариной «Что требуют читательницы от журнала»: «Давайте... больше советов молодым матерям, учите мать правильно ухаживать за ребенком и воспитывать его... Воспитание детей, работа с подростками, борьба с детской беспризорностью — все эти вопросы близко волнуют матерей. Внимания к себе ждет мать-одиночка» [1].

Популярной темой в женской прессе стал вопрос о нравственности. Задача по «формированию нового человека с коммунистическими чертами характера, привычками и моралью» [19, с. 491] в периодических изданиях превратилась в пропаганду нравственных норм, «правил хорошего тона». Женскими журналами тема была интерпретирована в свете возрождения и воспитания личных женских интересов, связанных с духовным и чувственным миром, некогда утраченных и замененных на чувство общественного патриотизма.

Внимание прессы к личному миру соотечественницы было неслучайным. В стране снижалась рождаемость: если в 1960 г. на 1000 человек приходилось 25 новорожденных, то в 1970 г. эта цифра снизилась до 17 [22]. Уве-

личилось количество разводов, росло число бездетных семей и матерей-одиночек. Подобные «издержки» социалистической системы не подлежали публичному обсуждению, но их наличие провоцировало появление в женской периодике новых тем.

Средства массовой информации регулировали и координировали поведение и сознание аудитории. От политики ориентирования читателей на выполнение производственных, политических задач журналы перешли к программе регулирования общественной ситуации посредством создания морального облика женщины. Принимая во внимание нежелательные факты женской эмансипации, пресса по-своему пыталась их нейтрализовать. В женских журналах появились беседы о духовном мире женщины. Однако говорить о ней как о свободной личности по-прежнему мешали ограничения тоталитарной системы. Потому беседы о любви, верности, взаимоотношениях в семье чередовались с размышлениями о чувстве патриотизма, коллективизма, долге перед обществом, производственных обязанностях, т. е. происходило утверждение стереотипного поведения женщины.

Редактор «Работницы» В. Е. Вавилина в облике современницы выделила обязательные характеристики: «...высокая гражданственность, нравственная состоятельность, человеческое достоинство, талант сопереживания... и интерес к жизни... понятие “женственность” предполагало все названные качества плюс материнскую доброту, тонкость чувств, нежность и заботливость... Одним из слагаемых идеала современной женщины является ее трудовая деятельность» [4, с. 164].

Материалы о любви, дружбе, счастье в «Работнице» стали появляться еще в начале 50-х гг. Затем начали действовать постоянные рубрики «На моральные темы» и «На темы семейного воспитания».

Стремясь помочь аудитории наладить внутрисемейные отношения, а также приблизить ее к обозначенному идеалу, женская периодика определила несколько направлений в работе с читателями. Первое — оказание психологической помощи. В «Работнице» открылась специальная рубрика «Беседы психолога», в «Советской женщине» — «Уроки психолога». В статьях, очерках, беседах специалистов раскрывались причины личных конфликтов, представлялись варианты их решения.

Второе направление нормализации морально-нравственного климата аудитории — убеждение женщин в самостоятельном предотвращении конфликтов. Например, автор «Крестьянки» Е. Кононенко в статье «Разговор о семейном счастье» добивается данной цели путем постановки риторического вопроса: «...почему некоторые из вас не дают отпора отсталым настроениям мужа и с первых дней замужества принимают всю тяжесть забот о домашнем быте на свои плечи?» [13, с. 8].

Третий вариант выражался в непосредственном влиянии на моральные характеристики аудитории. Особое внимание уделялось духовному воспитанию юных читательниц. Были открыты специальные рубрики: в «Работнице» — «Подружка», в «Крестьянке» — «Девичник “Крестьянки”». Авторы (журналисты, психологи, педагоги, писатели) старались совмещать темы личного мира с социально-общественными вопросами. Потому тематика рубрик была до-

вольно широкой: любовь, дружба, здоровье, выбор профессии, чувство собственного достоинства, взаимоотношения в коллективе, воспитание характера, этика поведения и т. д.

Четвертый — замена личных проблем производственными. Авторы представляли формулу счастья советской женщины в соответствии с принципами теории об общественном благе: «В нашей стране женщина не замыкается в кругу семейных забот, она, как правило, работает, чувствует себя полноценным человеком» [6, с. 28], следовательно, ее счастье складывается из «вдохновенной работы».

Синтезирование социально значимых составляющих облика индивидуума коммунистического общества в условиях проведения экономических реформ, введения новых принципов работы обеспечивало рост инициативности и энтузиазма в профессиональной среде. В прессе продолжалось формирование образа героя труда, пропагандировались трудолюбие, патриотизм.

СМИ по-прежнему освещали положительные стороны советской действительности. Убедительность описания, глубина воздействия на аудиторию достигались за счет конкретизации, обращения к примерам, описания трудовых будней и подвигов. В 70-х гг. «Крестьянка» на своих страницах открыла «Клуб женщин-механизаторов имени Паши Ангелиной», где регулярно освещалась деятельность женщин-трактористов: «Человек нашел призвание» С. Штейнберг, «Капитаны в косынках» Т. Каратыгиной, «Фамильная профессия» В. Соколовой (1972, № 1, 3; 1974, № 3) и др.

В журналах для женщин действовал ряд рубрик, посвященных «человеку труда». В «Работнице» — «О хороших наших людях», «Письма о товарищах», в «Крестьянке» — «Твой вклад в пятилетку», «Человек славен трудом», «Коммунист и его дело», «Коллектив и личность». Периодические издания предлагали читателям «открывать» героев не только с помощью прессы, но и самостоятельно, обращая внимание на своих коллег. Данный прием также способствовал «духовному обогащению и нравственному росту». «Работница» неоднократно организовывала конкурсы писем, очерков. Например, в 1972 г. с целью представить многообразие людских судеб и поступков был объявлен конкурс «Землячка», в 1976 г. — «Ключ мастерства», конкурс материалов о женщинах разных профессий, в 1977 г. — «На капитанском мостике» — о женщинах-руководителях, в 1983 г. — «Поступок» и др.

В конце 70-х гг. стали появляться публикации, раскрывавшие отдельные стороны нерешенности женского вопроса в СССР. Допущенная в СМИ определенная доля свободомыслия позволила заявить о некоторых проблемах советской женщины. В частности, женская пресса показывала, что совмещение функций работницы, жены и матери увеличивало физические нагрузки на организм женщины, негативно отражалось на психологическом состоянии. В 1979 г. «Работница» поместила материал М. Ганиной, которая заметила, что «...не так-то легко отыскать женщину, которая сумела бы полноценно сочетать... личное с общественным. Потому большинство... лишено личного счастья» [8, с. 1].

В стране оставался открытым доступ к специальностям, опасным для здоровья женщин. Был пересмотрен список «опасных» работ, утвержденный

еще в 1932 г., и, как сообщила «Работница», в него вошли еще 460 профессий [23]. Большинство специальностей оставались немеханизированными, последствия ручного труда для женщины были обсуждены авторами круглого стола «Крестьянки» в материале «Женские руки и поле» [10]. Из-за двойной нагрузки женщине было трудно приблизиться к созданному пропагандой эталону женщины-работницы, жены, «умной, образованной, целеустремленной... гармонически сочетающей внешнюю красоту с красотой души», матери с научным мировоззрением, с широким кругозором [16, с. 24].

Целая серия публикаций «о нелегкой женской судьбе» вышла в женских изданиях только после начала перестройки. Миф об эмансипированности советской женщины был разрушен в середине 80-х гг.

Женщины Западной Европы и Америки начали выражать недовольство своим положением еще в 60-е гг., благодаря чему возникло новое идеологическое движение — неофеминизм. Его центральными задачами стали обеспечение уважения прав и интересов личности вне зависимости от пола, переоценка социальных и культурных ценностей, отдающих главенствующие позиции мужчине. Ограничение поступления в СССР информации о жизни зарубежных современниц препятствовало распространению неофеминистской идеологии среди советских женщин. Практически безучастными они остались и в период 1976—1985 гг., объявленный ООН десятилетием женщины. В 1975 г., названном Международным годом женщины, советские труженицы демонстрировали свои профессиональные качества — в стране развернулось движение за овладение сельскими техническими профессиями, были проведены конкурсы профессионального мастерства [3].

В перестроечный период женские журналы продолжили обсуждение женского вопроса. В «Работнице» были подняты проблемы ночного труда соотечественниц («Тысяча и одна ночь» А. Левиной), сокращения рабочего дня («Неполный рабочий день: блажь или необходимость?» О. Лапутиной), слабой экономической базы семьи («Семья: от зарплаты до зарплаты или три вопроса без ответа» Л. Ершовой) (1988, № 4, 10, 12). Для освещения проблемы задействованности женщин в тяжелых и вредных сферах производства в 1988 г. была введена рубрика «Неженская работа», где вышли материалы о женщинах-монтерах («О чем сигналият оранжевые жилеты?» В. Барышева), о несоблюдении норм предельно допустимых нагрузок для женщин («Тонька-семитонка» А. Левиной), о женщинах-шахтерах («Нас приглашают в клеть» О. Лапутиной) (1988, № 7, 8; 1989, № 1) и др.

Образ женщины, созданный советской пропагандой, исчез со страниц женских периодических изданий. Над выдвижением нового идеала стали размышлять писатели, журналисты, социологи. Например, заведующий сектором социального прогнозирования Института социологических исследований И. В. Бестужев-Лада вывел три типа современной женщины, с которыми познакомил читателей «Работницы»: женщина, посвятившая себя делу и отказавшаяся от традиционных женских обязанностей; женщина, «совмещающая работу и дом, что подрывает семью, приводит женщину на грань нервного перенапряжения»; женщина работающая, но мечтающая посвятить себя семье [2, с. 26].

Кандидат филологических наук Г. Якушева в статье «Женщина в эпоху застоя и после», опубликованной в журнале «Работница», определила появление нового типа современной женщины «с достойными свободной личности установками», а Р. Елагина нарисовала саркастический портрет современницы: «вьючно-сумчато-ломовое существо... предназначенное для героических трудовых свершений... вполне пригодное для производства детей» [9, с. 26—27]. Иными словами, пресса не могла представить положительного идеала женщины с точными характеристиками.

В 1987 г. в Москве прошла всесоюзная конференция женщин, а в 1988 г. — пленум Комитета советских женщин, участники которого обратились к Совету министров СССР с просьбой о введении программы оказания помощи женщине. В следующем году уже сам Президент СССР передал Верховному Совету предложение принять постановление «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи» [21]. Между тем обозначилось ухудшение духовной атмосферы в женской среде. Как констатировала в «Работнице» Г. Силласте, у 40 % женщин преобладающими являлись чувства неуверенности и разочарования (1990, № 11).

Требовалось немедленное принятие ряда мер, направленных на улучшение положения женщины и семьи. На страницах женских журналов было обозначено несколько вариантов решения проблем. Первый был связан с конкретной помощью государственных структур. Инициаторами подобных предложений выступали Комитет советских женщин и городские женсоветы, женщины — партийные деятели. Но ухудшавшаяся экономическая ситуация не позволяла ввести проблемы женщины и семьи в состав первоочередных вопросов, требовавших немедленного решения.

Второй вариант представлял программу действий, противоположных тем, что вела советская власть после 1917 г. Предлагалось ограничить трудовую деятельность женщины и вернуть ее в семью. Например, в «Советской женщине» вышла публикация Д. Рувекампа «Работать или сидеть дома? Краткие заметки об эмансипации...» (1990, № 7). Но с учетом количества задействованных в отечественном производстве женщин данное предложение являлось трудноосуществимым.

Третий вариант включал создание негосударственных женских объединений, способных самостоятельно координировать и контролировать ситуацию посредством организации массовых выступлений, обращений к правительству, основания финансовых фондов и др. В частности, подобную идею предложила редактор «Работницы» З. Крылова: «...самый главный урок, который нам, женщинам, стоит вынести из нашей истории, — не верить, что кто-то другой, более умный, более мудрый, лучше знает твои проблемы и за тебя их решит» [15, с. 5]. Но движение, аналогичное западному неофеминизму, в стране не зародилось по причине политической индифферентности женского населения. Женщин перестали интересовать массовые организации и коллективные выступления, являвшиеся атрибутом советской эпохи. Для большинства (58 %) наиболее важным стал вопрос о повышении уровня жизни (Работница. 1990. № 11). Предложение же об организации фонда получило поддержку. В 1989 г. с целью облегчения труда сельских женщин и охраны их здоровья был открыт

фонд «Крестьянка», одним из учредителей которого выступила редакция журнала «Крестьянка».

Следующий предложенный вариант связывался с теорией эгалитарного пути развития общества. Он упомянут в интервью В. Познера журналу «Работница»: «Я не могу согласиться с тем, что дом — исконное место женщины... общество должно быть устроено таким образом, чтобы существовало право выбора» [18, с. 22]. В данном случае указывалось на совершенствование культурной формации и планомерное изменение культуры, психологии масс.

Желая оказать поддержку читательской аудитории, женские журналы перешли к реорганизации программ своей деятельности. Исходя из того, что в тяжелой ситуации оказались не только женщины, но и их семьи, издания перешли к защите интересов семьи на своих страницах. Редакция «Работницы» поставила задачу способствовать нормализации психологического климата между супругами. В начале 80-х гг. здесь появилась рубрика «Совет да любовь». В 1987 г. впервые в женском журнале возникает рубрика для мужчин — «Мужской разговор». Открытие рубрики, посвященной культуре интимных отношений, «Разговор для двоих» (1988 г.), вызвало разноречивые отклики аудитории, что объяснялось нехарактерностью темы для советской прессы. Детям авторы журнала посвятили рубрику «Детский клуб “Филиппок”». Издание приступило к разработке развлекательного направления — открылись рубрики «Беседы о кино», «Театральные встречи», «Школа Глобы», «Клуб трех “Н”» (незнакомое, непонятное, невероятное).

С целью оказания помощи женщинам в быту редакция начала выпуск приложения «Домашний калейдоскоп» (по типу «журнал в журнале») с рубриками «Мы и мода», «Тем, кто вяжет», «Модель», «А я делаю так» (кулинарные рецепты, советы садоводам и огородникам), «Мамины почему».

Похожие изменения проводились в «Крестьянке», «Советской женщине». В первой появилась рубрика «По вашей просьбе» (интервью с известными актерами, певцами, композиторами и др.), началась публикация материалов под общим заголовком «Астрология без мистики и тайн». Журнал открыл приложение «Хозяюшка» с рубриками «Красота и здоровье», «Шьем, вяжем, вышиваем», «Зеленый уголок», «Домоводство», «Календарь-месяцеслов». Значительно расширились рубрики по домоводству и в «Советской женщине», для детей начала выходить страничка «Катюша». Женские журналы стали помещать кроссворды и гороскопы.

Редакции женских журналов пересматривали концепции изданий и отношение к читателям. Однако изменить традиции советской прессы, складывавшиеся на протяжении десятилетий, было не просто. Модель советского женского журнала постепенно трансформировалась в издание для женщины и ее семьи, процесс типологической модификации требовал определенного времени и практических навыков.

В 1987 г. в Советском Союзе появился журнал «Бурда-моден». Советско-германское предприятие «Бурда-моден», основанное Внешторгиздатом, издательством «Энне Бурда» и концерном «Ферросталь», познакомило отечественную аудиторию с журналом немецких домохозяек. Сегодня «Бурда-моден» выпускается на 19 языках в 100 странах мира, однако наиболее популярным это

издание стало в перестроечной России. Красочный иллюстрированный журнал не только знакомил советских женщин с «красивой жизнью», но и наглядно объяснял, как ее можно сделать своими руками.

Пресса отмечала оглушительный успех «Бурды» и анализировала его причины. В других странах журнал не был настолько популярным — зарубежные рынки женской прессы были насыщены изданиями подобного типа. Советским читательницам редакции «Работницы», «Крестьянки», «Советской женщины» не могли предложить выкроек эксклюзивных моделей одежды, программ эффективного ухода за внешностью, дизайнерских разработок оформления интерьера, изготовления предметов домашнего обихода. Издание в СССР журнала «Бурда-моден» показало, насколько отечественная женская пресса была отдалена от мировых тенденций производства качественной журнальной продукции. Развитие рынка прессы в 90-х гг. обозначит появление новых типов женской периодики, формирование которых будет происходить под влиянием зарубежного медиабизнеса; старейшие отечественные женские журналы перестанут удерживать лидерство в сфере женских СМИ.

Итак, основными вопросами женской прессы в период 1945—1991 гг. стали экономическое реформирование, антивоенная кампания, духовный мир женщины. Попытки правительства реформировать экономику страны отразились как в появлении новых тем, так в открытии новых рубрик, посвященных освоению целины, введению научных технологий в сельское хозяйство, опыту передовиков производства, обучению основам экономики. К теме духовного мира женские журналы обратились в 50-х гг., чему способствовало ослабление производственной пропаганды. В прессе началась публикация бесед о духовных качествах женщины, открылись специальные рубрики для юных читательниц, основными вопросами являлось воспитание морали и нравственности. С середины 80-х гг., после начала перестройки, в женских журналах происходит разрушение стереотипа равноправной советской женщины, выходят публикации о перегруженности женщин, снижении авторитета семьи. Одновременно меняются функции изданий — расширяется консультативное направление, с помощью советов, рецептов коллективы редакций пытаются усовершенствовать домашний быт женщины, расширяются разделы и рубрики по домоводству, рукоделию, моде, открываются специальные приложения. Таким образом, журналы трансформировались в издания для женщины и ее семьи.

### *Библиографический список*

1. *Ашмарина А.* Что требуют читательницы от журнала // *Работница*. 1947. № 5. С. 10—11.
2. *Бестужев-Лада И. В.* Степень внимания // Там же. 1986. № 5. С. 26.
3. В рамках Международного года женщины // *Крестьянка*. 1976. № 3. С. 11.
4. *Вавилина В. Е.* Об идеале современной женщины // *Роль СМИ и пропаганды в нравственном воспитании*. М. : Мысль, 1979. С. 162—171.
5. *Всегда с вами* : сб., посвящ. 50-летию журн. «Работница». М. : Правда, 1964. 542 с.
6. *Всё зависит от тебя самой* // *Работница*. 1961. № 6. С. 28.
7. *Гамелько Е. В.* Образ советской женщины на страницах журнала «Работница» // *Молодой ученый*. 2009. № 7. С. 174—177.

8. Ганина М. Еще о женщине // *Работница*. 1979. № 3. С. 1—2.
9. Елагина Р. Вьючно-сумчато-ломовое // Там же. 1990. № 7. С. 26—27.
10. Женские руки и поле // *Крестьянка*. 1978. № 8. С. 10—11.
11. Информационное сообщение пленума ЦК КПСС, 1953 г. // *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов*. М. : Политиздат, 1985. Т. 8. С. 309—317.
12. Кононенко Е. Клятва матерей // *Работница*. 1955. № 12. С. 8.
13. Кононенко Е. Разговор о семейном счастье // *Крестьянка*. 1953. № 3. С. 8.
14. *Крестьянка*. 1976. № 4. С. 5.
15. Крылова З. Нельзя останавливаться // *Работница*. 1989. № 3. С. 5.
16. Мартынова Э. И. Формирование духовного мира советской женщины. Красноярск : Кн. изд-во, 1983. 181 с.
17. Наша родословная. История «Работницы» в лицах и цифрах // *Работница*. 1989. № 3. С. 12.
18. Не надо ждать милостей от... мужчин! // Там же. С. 22.
19. О задачах партийной пропаганды в современных условиях : постановление ЦК КПСС 1960 г. // *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов*. Т. 9. С. 491—508.
20. Петров М. С. Эволюция образа работающей женщины в отечественной журналистике : (по материалам журнала «Крестьянка») // *Труд и социальные отношения*. 2010. № 5. С. 135—140.
21. Послание Президента СССР Верховному Совету СССР // Там же. 1990. № 5. С. 2.
22. Пушкарева Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X—XX вв.: этапы истории // *Этногр. обозрение*. 1994. № 5. С. 3—17.
23. С заботой о работницах // *Работница*. 1979. № 1. С. 1.
24. Сталинская забота // *Крестьянка*. 1950. № 8. С. 2.
25. Шергова Г. Дороги в мир // *Работница*. 1958. № 5. С. 11.

ББК 60.542.2

*М. В. Штылева*

## **РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ**

Гендерное равноправие связано с основополагающими понятиями качества социальной справедливости, прав человека и природы демократии. Поэтому гендерный баланс в Европейском Союзе рассматривается как неперемutable условие современной демократии. Успешной моделью в достижении гендерного равенства являются страны Северной Европы, несмотря на то что в последние годы эта модель активно критикуется. Изучение опыта стран Северной Европы в достижении гендерного равенства чрезвычайно важно, потому что Российская Федерация является социальным государством, которое имеет общие границы с этими странами и вместе с ними образует Баренцев Евро-Арктический регион.



Российские территории (Республика Карелия и Мурманская область), входящие в Баренцево сотрудничество, в большей степени подвержены влиянию идей о равенстве мужчин и женщин, о правах человека.

Успешная политика гендерного равенства северных стран является результатом значительных перемен в жизни общества данного региона, сопровождавшихся формированием общественного сознания и государственной политики в отношении равноправия полов. Принцип равенства реализуется посредством создания национальных механизмов: законодательства по гендерному равенству, специальных государственных институтов и назначения должностных лиц, занимающихся обеспечением гендерного равенства. Наша статья сосредоточена на выделении и рассмотрении основных составляющих достижения гендерного равенства в странах Северной Европы.

В деятельности пяти государств региона (Дании, Норвегии, Финляндии, Исландии, Швеции) по обеспечению политики гендерного равенства можно отметить как общие, так и отличительные черты. Лидерами реализации политики гендерного равенства в странах Северной Европы являются Швеция, Норвегия, Финляндия. Э. Кимберли говорит о совокупности факторов реализации данной политики в рассматриваемых странах, но наиболее успешной в этом стала Швеция, которая задала тон другим странам региона [22]. Мы выделили шесть факторов, повлиявших на развитие политики гендерного равенства в Северной Европе.

1. Социал-демократическая ориентация государственной политики и создание государства всеобщего благосостояния.
2. Доступ женщин к трудовой деятельности и профессиональному развитию.
3. Представительство женщин в органах власти стран Северной Европы.
4. Создание антидискриминационной законодательной базы.
5. Создание национальных механизмов по обеспечению гендерного равенства.
6. Развитие женского движения в рассматриваемом регионе.

Рассмотрим подробнее эти факторы.

**1. Социал-демократическая ориентация государственной политики и создание государства всеобщего благосостояния.** Гендерное равенство в странах Северной Европы связано с моделью государства всеобщего благосостояния (welfare state). Северные страны в соответствии с классификацией режимов государств благосостояния Эспинг-Андерсена относятся к социально-демократическому (скандинавскому) [23, p. 162—163]. Это государственное устройство характеризуется социальным равенством за счет обеспечения граждан социальными правами, гарантом которых выступает государство. Обеспечение граждан социальными правами позволяет преодолеть гендерное неравенство. Скандинавская модель благосостояния зародилась в Швеции; характеризуется она тем, что принцип равных возможностей институализирован, система социальной поддержки развита, хорошо финансируется и охватывает широкие слои населения, гарантируется обеспечение занятости населения [25, p. 231].

Строительство шведского государства благосостояния началось в 30—40-е гг. XX в. В 1928 г. лидер социал-демократической партии Пер Албин

Ханссон предложил концепцию «Народный дом» («Folkhem»), которая воплощала идеалы социал-демократии, включая социальное равенство, полную занятость, упразднение классовых различий, развитие социального обеспечения. Все шведы, независимо от их социального или экономического статуса, должны были чувствовать себя членами семьи [ibid.]. В 1932 г. шведская социал-демократическая партия, придя к власти, стала движущей силой социальных реформ. На 30-е гг. приходится демографический кризис в Швеции. Падение рождаемости оказалось в центре внимания правительства социал-демократов. К его работе были привлечены исследователи, в частности социологи — супружеская пара Альва и Гуннар Мюрдали. В ноябре 1934 г. они публикуют книгу «Кризис в вопросе народонаселения», в которой показывают проблему падения рождаемости, требующую перемен в социальной политике и междисциплинарного подхода в ее решении [7, с. 116]. Падение рождаемости ученые связывали с низким уровнем жизни шведских семей, которые не могут себе позволить рождение ребенка из-за бедности. Программа Мюрдалей была ориентирована на реформы в сфере половых отношений, которые требовали полового просвещения взрослых и детей, широкого распространения информации о противозачаточных методах, доступности контрацептивов, а также социально-экономических изменений, которые должны были освободить семью от расходов на детей посредством создания общественных услуг. Они показали, что предоставление общественных услуг по уходу за ребенком обойдется значительно дешевле, чем выплата пособий, компенсаций на ребенка.

Феминистская составляющая программы Мюрдалей была выражена в идее эмансипации женщин. Женщины и мужчины должны делить работу и заботы о доме равным образом. Программа отстаивала право женщин трудиться в различных сферах занятости и сохранять за собой место работы после рождения ребенка. Суть социальных реформ должна состоять в том, чтобы женщины могли сочетать трудовую занятость и семью без отрицательных последствий [7, с. 128—130]. Книга породила мощную общественную дискуссию, и ее идеи нашли широкую поддержку в обществе. Данная работа заложила основы шведской социальной политики. В 1935 г. были созданы комиссия по народонаселению в Риксдаге, в которую вошел Гуннар Мюрдаль, и Комитет по делам работающих женщин, его секретарем была назначена Альва Мюрдаль. Находясь на этой должности, Альва смогла влиять на формирование политики народонаселения. Идеи супругов Мюрдаль были воплощены социал-демократической рабочей партией Швеции. В 1938 г. парламент принял закон, который разрешал аборт с некоторыми оговорками. В 1939 г. был принят закон по поддержке работающих матерей: запрещалось увольнять беременных женщин и женщины получали право на отпуск по беременности и родам [8]. Таким образом, идеи ученых оказали существенное влияние на развитие шведской социальной политики.

Угроза войны в 40-х гг. заставила сократить финансирование социальных программ и увеличить военные расходы. В 50-х гг. влияние идей Мюрдалей снижается и происходит откат к традиционным ролям в семье. Однако появление новых институтов и профессий, в которые были вовлечены женщины, стало защитой от навязывания традиционных моделей поведения. 1960-е гг. знаменуются перестройкой общества под натиском второй волны

феминизма, возобновляются общественные дебаты о независимости женщины и равенстве полов. Рабочая группа по равенству в 1969 г. подготовила документ «К равенству: доклад Альвы Мюрдаль Шведской социал-демократической партии», в котором отражена главная идея — экономической независимости партнеров по браку [7, с. 259]. В 1970-е гг. шведское правительство было озабочено занятостью женщин.

Концепция справедливого общества «народного дома» и идеи Мюрдалей активно распространялись и в других северных странах, провоцируя общественные дебаты и создание комитетов, комиссий по народонаселению и положению женщин. Работа Мюрдалей дала научное обоснование государству благосостояния и его жизнеспособности. Использование скандинавской модели государства всеобщего благосостояния другими странами региона относится к послевоенному периоду.

**2. Доступ женщин к трудовой деятельности и профессиональному развитию.** Этот фактор служит основополагающим условием для преодоления барьеров на пути к гендерному равенству.

Можно выделить общие черты для скандинавских стран и Финляндии в процессе вхождения женщин на рынок труда.

В первую очередь, общей для всех была социально-экономическая ситуация послевоенного времени. Известно, что в период Второй мировой войны мужчины были заняты на воинской службе, поэтому женщинам приходилось выполнять работу, которую ранее выполняли мужчины. Несмотря на то что Швеция сохраняла нейтралитет, она вооружалась, модернизировала свою армию и проводила мобилизацию мужского населения на случай фашистского вторжения [6, с. 218—219]. Когда война закончилась, женщины покинули рабочие места и вернулись к традиционным домашним обязанностям, но вскоре возникла потребность в дополнительной рабочей силе из-за стремительного экономического развития. Финские женщины пришли на производство вместо мужчин, ушедших на войну, как и в других странах. Но в отличие от шведских женщин финки остались на своих рабочих местах и после войны, что было связано с военными репарациями, которые страна должна была выплатить Советскому Союзу. Сложившаяся ситуация способствовала индустриализации страны и ее экономическому росту. Женский труд был необходим. Как мы видим, в послевоенный период женщины стран Северной Европы были вовлечены в трудовую деятельность и стали активным субъектом на рынке труда наравне с мужчинами. Открытие месторождений нефти в море в Норвегии и Швеции способствовало экономическому развитию и стимулировало рост занятости женщин в 1960—1970-х гг.

Общей тенденцией для всех северных стран в 40-е гг. после войны было увеличение числа браков и рост рождаемости. Замужние женщины с детьми стали занимать рабочие места, и появилась потребность в государственных услугах: уходе за детьми и больными членами семьи. Сложившаяся ситуация способствовала появлению детских садов. Проведение в 70-е гг. реформ, направленных на поддержку семьи и развитие государственных социальных услуг, освободило женщин от неоплачиваемой работы по дому, т. к. функции заботы и ухода за детьми взяло на себя государство.

Развитие системы ухода за детьми в муниципальных или частных детских садах предоставляет матерям и отцам возможность на равных правах получать образование и участвовать в трудовой жизни. Размер платы за детский сад зависит от доходов семьи. Для семей с низкими доходами посещение детьми детского сада является бесплатным [12, с. 9]. В Норвегии в 1998 г. были введены выплаты родителям, которые не пользуются услугами государственных детских садов. В Исландии детские сады и центры дневного пребывания для детей в 1999 г. посещали 91 % детей в возрасте от 3 до 6 лет, 43 % детей родители оставляли там на целый день [30, р. 302]. В Дании большинство детей в возрасте до 6 лет (55 %) посещает дошкольные учреждения за счет организации, в которой работает мать (или отец) ребенка [18]. Такая поддержка матерей создает женщинам условия для карьерного роста.

Повсеместно во всех северных странах работающие женщины получили право на оплачиваемый отпуск при рождении ребенка до 52 недель с компенсацией зарплаты от 80 до 100 % [28]. Впервые отпуск для отцов по уходу за новорожденным ребенком был введен в 1978 г. в Финляндии. В Норвегии в 1993 г. была установлена «квота для пап» — отпуск на четыре недели по уходу за ребенком; в Исландии двухнедельный отпуск для пап был введен в 1998 г. Реформа оказалась успешной — в Норвегии в 1996 г. этим правом воспользовалось почти 80 % мужчин [28]. На сегодняшний день 69 % мужчин-отцов в Швеции используют отпуск по уходу за новорожденным ребенком, в то время как в странах ЕС этим правом в среднем пользуются лишь 33 % отцов [4].

Экономическим преимуществом для замужних работающих женщин в 1971 г. в Швеции стало введение индивидуального подоходного налога, который ранее приходилось уплачивать семейной паре совместно. С принятием закона о раздельном налогообложении супругов в шведском обществе утвердилось мнение о семье, где оба индивида должны быть экономически независимы.

Самые высокие показатели занятости женщин — на рынке труда в Исландии и Дании. В Дании это 72,1 % от общей численности женского населения, а в Исландии — 79 %, тогда как доля мужчин, занятых на рынке труда, составляет около 88 % [18; 30, р. 299]. В данный период большинство служащих государственного сектора экономики этих двух стран — женщины, а частного — мужчины. В Исландии основная экономическая отрасль — рыболовство, но главами крупнейших компаний рыболовной отрасли являются мужчины: ни одна из них не имеет в лице директора и председателя правления женщин [17, с. 160]. Это означает, что женщины отстранены от добычи важнейшего ресурса, его распределения и контроля над ним. Соотношение более равномерно среди высококвалифицированных рабочих и специалистов, однако среди менеджеров и правительственных чиновников в Исландии женщины по-прежнему образуют немногочисленную группу.

Страны применяют специальные механизмы для выравнивания оплаты труда мужчин и женщин. В Дании еще в 1976 г. был принят Закон о равной оплате труда мужчин и женщин, а в середине 90-х гг. в него были внесены дополнительные статьи, направленные на достижение равенства оплаты труда и в частном секторе. Последняя редакция закона, в которой окончательно был сформулирован принцип равной оплаты мужского и женского труда, имеюще-

го равнозначную ценность, относится к 1992 г. В результате показатель соотношения заработной платы мужчин и женщин остается стабильно высоким.

В Швеции был применен другой механизм: в 1974 г. правительственная система поддержки регионального развития ввела специальное правило квоты пола. Это означало, что 40 % рабочих мест, создаваемых этой системой, должно быть зарезервировано для каждого пола. Введение квоты, безусловно, увеличило численность занятых женщин, но придерживаться ее на практике трудно.

Результатом большей занятости на работе женщин является сокращение разницы в оплате труда женщин и мужчин. Для преодоления разницы в зарплате между мужчинами и женщинами в Швеции с 1994 г. ежегодно работодатель, имеющий десять и более работников, должен предоставлять сведения о разнице в зарплате своих сотрудников с целью выявления неоправданных различий в оплате труда. В Финляндии работник имеет право на компенсацию, если он в труде подвергался дискриминации по признаку пола. Компенсация должна выплачиваться независимо от того, вызвала дискриминация экономический ущерб или нет, т. к. она носит характер возмещения морального ущерба.

Несмотря на определенные сложности в достижении гендерного равенства на рынке труда, основное условие равенства женщин и мужчин соблюдено: возможность самостоятельно работать и зарабатывать деньги, а следовательно, быть экономически независимыми. Северные страны — государства всеобщего благоденствия — засвидетельствовали массовый вход женщин на рынок труда, но гендерная сегрегация в сфере занятости была усилена. Примером этого является то, что женщины преимущественно представлены в общественном секторе, связанном с социальным обслуживанием, а мужчины — в сфере частного предпринимательства [20].

Доступ к трудовой оплачиваемой деятельности стал положительным результатом для женщин в рассматриваемых странах. Оплачиваемая работа — это основной путь, на котором женщины стремились увеличить свою независимость от мужей и отцов в семьях, таким образом подрывая семейную форму кормильца и домохозяйки, и добиться полного статуса как независимые граждане [27]. Кроме того, возможность формировать независимое домохозяйство и обладать им освобождает женщину от необходимости вступать в брак, чтобы получить доступ к доходу мужа-кормильца для обеспечения благосостояния своих детей. Сегодня рассматриваемые страны представляют гендерную модель, основанную на модели двойного кормильца, когда мужчина и женщина оба заняты на рынке труда и в равной степени обеспечивают семейные нужды.

Социальная политика северных стран — государств всеобщего благосостояния была направлена на развитие социальных услуг по уходу за детьми и стала важной составляющей гражданства [26]. Благодаря социальной поддержке, дающей женщинам экономическую независимость и возможность профессионального и личностного развития, скандинавские государства можно расценивать как «государства, благоприятно относящиеся к женщинам» («a women-friendly state») [24].

Шведский историк Ивонн Хирдман отмечает, что проведенные реформы были важным шагом, но важнее всего оказалась взаимосвязь между наемным трудом и гражданской активностью. Участие женщин в политике возросло

вместе с их доступом к наемному труду [1, с. 80]. С этим связан третий фактор политики гендерного равенства.

**3. Представительство женщин в органах власти стран Северной Европы.** Целью политики гендерного равноправия является равное распределение власти и влияния между мужчинами и женщинами. Оба пола должны быть представлены во всех сферах общества и на всех уровнях, где принимаются решения, чтобы иметь возможность обеспечить социальное развитие на равных условиях.

Исследователи отмечают, что эффективным механизмом решения проблемы представительства женщин во властных структурах в западноевропейских странах являются гендерные квоты [14, с. 186; 21]. Задача системы квот состоит в том, чтобы женщины как недопредставленная часть общества занимали от 30 до 40 % в представительном государственном органе, например в национальном парламенте. В таблице показано процентное соотношение женщин и мужчин в парламентах стран Северной Европы [29].

**Представительство женщин в национальных парламентах, %**

Страна	Год		
	1995	2000	2004
Дания	33,0	37,4	38,0
Исландия	25,4	34,9	30,2
Норвегия	39,4	36,4	36,4
Финляндия	33,5	36,5	37,5
Швеция	40,4	42,7	45,3

Как мы видим из статистических данных, в Исландии и в Норвегии произошло небольшое понижение численности женщин в местных парламентах, в Дании и Финляндии наблюдается постепенное увеличение, Швеция заметно лидирует в этом процессе. Прогресс Швеции в разделении и распределении власти между женщинами и мужчинами обусловлен несколькими условиями: с одной стороны, инициаторами гендерного квотирования в политических процедурах выступили социал-демократы Швеции в конце 1960-х гг.; с другой стороны, важную роль в принятии и осуществлении соответствующих партийных решений сыграли нажим и контроль со стороны самих женщин. Развитие второй волны феминизма в 1970—1980-е гг. подняло вопрос о необходимости полноправного участия женщин в партийных руководящих органах и во властных структурах.

Швеция и Норвегия относятся к странам, где социал-демократами принята рекомендательная установка о том, что представительство каждого пола в государственных органах власти должно составлять 40 %. Выборы в парламент в 1998 г. продемонстрировали, что идея гендерного равенства поддерживается шведским обществом.

По мнению норвежцев, благосостояние их страны во многом зависит от того, насколько полноценно женщины вовлечены в управление страной. Основные норвежские партии используют систему гендерных квот на выборах и при назначении на посты в руководстве партиями. Примечательно, что в 1986 г. премьер-министр Гру Харлем Брунтланд утвердила состав правитель-

ства, в который вошло рекордное количество женщин: 44,4 %. С 1989 по 1992 г. женщины занимали 36 % мест в парламенте, 39 % — в различных государственных советах и 28 % — в муниципальных советах [3, с. 156].

В правительстве Финляндии в 1991 г. женщины заняли 41 % министерских постов. Они получили посты министров обороны, культуры, окружающей среды, социальных проблем и здравоохранения, юстиции, образования и жилищных вопросов, а в феврале 2000 г. президентом Финляндии была избрана Тарья Халонен, представительница социал-демократической партии.

По мнению исследователей, введение квот привлекает мужчин в сферы, в которых ранее доминировали женщины: семья, дети, здравоохранение, образование. Таким образом, система квот влияет на ломку стереотипов о традиционных ролях мужчин и женщин в обществе [13, с. 311].

**4. Создание широкой антидискриминационной законодательной базы, касающейся равенства мужчин и женщин.** В пяти странах в период с середины 70-х до первой половины 90-х гг. были приняты законы о равноправии и внесены в них поправки (Исландия и Дания — 1976 г.; Норвегия — 1978 г.; Швеция — 1980 г.; Финляндия — 1987 г.).

Принятые законы о равноправии провозглашают равенство мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности. Пристальное внимание уделяется гендерному равенству в сфере занятости. По закону следует обеспечить там, где это представляется возможным, приблизительно равное количество женщин и мужчин, назначенных на должности в комиссиях, комитетах и советах, действующих под руководством правительства, в местных органах власти и различных организациях [11, с. 115]. В законах о равенстве мужчин и женщин предусматривается запрет на все виды дискриминации, как прямой, так и косвенной, по признаку пола\*. Специальные временные меры по улучшению положения женщин или мужчин, принимаемые в целях обеспечения равенства и равного положения женщин и мужчин, не рассматриваются как нарушение закона. В поправке 1992 г. финского закона о равноправии были уточнены запреты косвенной дискриминации, а также запрет дискриминации на основании беременности и родов. В поправку 1995 г. были введены положения о квотах и об обязательстве планирования мер по достижению равноправия на рабочих местах и в учебных заведениях.

Закон норвежского парламента 1978 г., по мнению Н. М. Степановой, не был гендерно нейтральным, потому что он был «призван содействовать равноправию полов и особенно улучшению положения женщин» [14, 5]. В Норвегии акцент в реализации гендерного равенства сделан на особом женском опыте и специфических женских ценностях и знании, тогда как шведская модель заключается в реализации равных возможностей и прав мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности [3, с. 142—143]. Закон допускает для ликвидации неравенства между полами принятие особых мер, которые давали бы пре-

---

\* Прямая дискриминация определяется как действия, ставящие женщин и мужчин в неравное положение на основании гендерного признака. Дискриминацией считаются также действия, ставящие женщин в неравное положение по причине беременности или родов.

имущества женщинам перед численно превосходящими их на руководящих позициях мужчинами, таким образом признавая законность позитивной дискриминации [14, с. 87] Формирование политики равенства полов определяется постановкой вопроса о гендерных различиях. На взгляд Яннеке Ван де Рос, норвежский закон опирается на два базовых идеологических положения: «во-первых, женщины и мужчины отличаются друг от друга, что в целом положительно для общества до тех пор, пока подобные различия не приводят к гендерному неравенству. Во-вторых, политика равенства должна в одинаковой степени учитывать интересы как женщин, так и мужчин» [2, с. 204].

Дания имеет обширную юридическую базу реализации гендерной политики, которая состоит из комплекса законодательных актов. В 1976 г. был принят первый законодательный акт о равной заработной плате для женщин и мужчин, направленный на ликвидацию любых форм половой дискриминации. В 1978 г. было принято еще два закона: акт о равных возможностях для мужчин и женщин, который провозглашал принцип гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности общества; акт о равном подходе к мужчинам и женщинам при их приеме на работу и об отпуске по беременности, который гарантировал и регулировал равноправное положение полов на рынке труда [17, с. 67].

В 1985 г. был принят закон о равенстве мужчин и женщин при назначении их членами общественных комитетов, а в 1990 г. — закон о равных возможностях мужчин и женщин при получении исполнительных должностей в органах общественного правления. Основная цель обоих документов заключалась в достижении сбалансированного количества мужчин и женщин в органах власти [там же]. Таким образом, гендерное равенство является одновременно общим принципом и целью политики Дании.

Контроль за исполнением закона во всех странах возложен на специальные институты, которые мы рассмотрим в качестве пятого фактора.

**5. Национальные механизмы по обеспечению гендерного равенства: создание советов, департаментов по равноправию, института омбудсменов (уполномоченных) по вопросам равноправия.** Важную роль в продвижении равноправия играет национальный механизм обеспечения равноправия женщин и мужчин, который подразумевает наличие структур в составе правительства, решающих вопросы равноправия полов на государственном уровне. Показательным примером национального механизма по обеспечению равноправия женщин и мужчин является Швеция, в которой он состоит из министра по делам равноправия, Совета по делам равноправия, омбудсмена и Комиссии по равным возможностям. Политика по обеспечению равноправия женщин и мужчин пронизывает все части общества.

В Швеции, Дании и Исландии существуют министры по вопросам интеграции и равноправия полов, которые являются ответственными за реализацию политики равноправия правительством. В Швеции министру подчиняется отдел по вопросам равноправия полов. В его обязанности входит контроль всей работы правительства в области гендерной политики. Основные полномочия отдела — координирование гендерной политики правительства, разработка теоретической базы, организация разнообразных мероприятий и проектов, формирование бюджета и выделение ассигнований на программы уполномо-



ченного по вопросам равноправия и Комиссии по равным возможностям, а также ввод в действие специальных образовательных программ по проблемам равноправия для официальных лиц правительства и других государственных служащих, взаимодействие со Скандинавскими странами, ЕС и международными организациями по проблемам равноправия [10, с. 44—45].

Совет по равноправию в рассматриваемых странах носит консультативный и рекомендательный характер, он консультирует и контролирует деятельность по продвижению гендерного равенства, не имея решающей правовой силы. В функции Совета по обеспечению равного статуса входит координация действий между государственными организациями и общественностью.

Другой государственный механизм — это Комиссия по равным возможностям, которая состоит из юристов, представителей общественных движений и экспертов по рынку труда и вопросам равноправия. В ее компетенции приказывать работодателю выполнять зафиксированные в Законе о равных возможностях требования, касающиеся его деятельности [10, с. 46].

В 1980 г. была создана государственная структура омбудсменов по вопросам равноправия полов. В Швеции и Финляндии контроль над соблюдением положений закона о равноправии возлагается на уполномоченного по вопросам равноправия. Основная функция финского уполномоченного заключается в надзоре за соблюдением положений закона о гендерном равноправии, и в частности запрета гендерной дискриминации и дискриминирующих объявлений [15, с. 184]. Шведский уполномоченный обязан информировать общественность о том, как решаются проблемы равноправия на рабочих местах. Он проводит консультации, предоставляет информацию, ведет переговоры с работниками, работодателями и их организациями. Он помогает в разрешении спорных вопросов, связанных с нарушением закона о дискриминации по признаку пола, и может привлечь и другие юридические документы. Деятельность уполномоченных имеет важное значение в правовом отношении, т. к. они наделены полномочиями не только контролировать и консультировать, но и запрещать и наказывать за неправомерные действия.

Специальный механизм, осуществляющий территориальный контроль за реализацией государственной гендерной программы на местах, — это региональные эксперты по вопросам равноправия. Должность эксперта была введена в штат губернских правлений Швеции в 1995 г. во всех административных советах округов. Региональный эксперт должен также обеспечивать дальнейшую интеграцию гендерных перспектив в различные сферы политической деятельности региона [10, с. 47]. В каждой из 19 губерний Норвегии аналогичные функции выполняют координаторы по женским вопросам. Координаторы назначаются на пятилетний срок и финансируются через управление регионального развития министерства по делам муниципалитетов и рынка труда. Если в Швеции работа региональных экспертов направлена на поддержание и развитие равных прав и возможностей во всех сферах жизни людей, то в Норвегии — на поддержку женщин. В задачи норвежских координаторов входит стимулирование женского предпринимательства в регионах, повышение самооценки женщин посредством программ самопомощи, поддержка местных

властей по включению «женской составляющей» в местную политику развития.

Наравне с государственными механизмами в Швеции и Дании существуют общественные механизмы. В Швеции создан специальный общественный механизм — Совет профсоюзных объединений и представителей общественных движений по вопросам равноправия. Совет состоит из представителей политических партий, женских политических ассоциаций, других женских организаций, профсоюзов и объединений работодателей, а также представителей общественных движений. Собирается он четыре раза в год для обмена мнениями и проведения дискуссий по текущим проблемам равноправия. Другой уникальный пример — Датский информационный центр по женской и гендерной проблематике (KVINFO), который является национальным информационно-справочным и культурным центром и информирует широкую общественность о результатах исследований по женской и гендерной проблематике. KVINFO создал экспертную базу данных, в которой содержатся сведения о более 1100 экспертах-женщинах. Эта база данных является средством поиска высококвалифицированных женщин во всех научных кругах датского общества.

Таким образом, при реализации политики гендерного равенства в Швеции, Дании и Исландии акцент ставится на том, что все равны в правах и возможностях. Государство должно создать такие условия, чтобы женщины и мужчины любого возраста и социального статуса могли реализовать свои потребности. В Норвегии политика направлена на интересы женщин и достижение равенства мужчин и женщин, на поднятие статуса женщин в обществе. По мнению исследователей, финская гендерная система строится на сходстве женщин и мужчин, а не на различии, как в Норвегии [13, с. 311].

Беспокойство финских исследователей вызывает тот факт, что в современной Финляндии равенство мужчин и женщин принимается как данность и что такая «гендерная нейтральность» способствует распространению скрытых конфликтов между полами. Это означает, что порой замалчиваются нарушения прав одного из полов, воспроизводится гендерная иерархия в обществе и поощряются дискриминационные практики.

**6. Наличие женского движения в рассматриваемом регионе.** Начало 1960-х гг. было ознаменовано дебатами о социальной роли женщины-работницы и ее конфликте между работой на производстве и трудом во благо семьи. Открыло дебаты в 1961 г. эссе Эвы Моберг «Условное освобождение женщин», в котором она отстаивала равенство женщин и мужчин [7, с. 258]. Являясь членом Шведской народной партии, Эва Моберг определила цель женского движения как обретение женщиной таких же возможностей для личного развития, какие есть у мужчины: возможности сочетать труд и семейные обязанности. Она ввела в обращение и пропагандировала термин «равноправие полов», который подразумевал равенство возможностей и прав мужчин и женщин в равной степени. В книге «Женщины и люди» Эва Моберг употребила другой термин: «эмансипация мужчин», который означал предоставление возможности мужчине взять на себя половину домашних обязанностей по уходу за домом и ребенком. Конфликт между трудом вне дома и материнством решался по линии общественный сервис — частный сервис: детские сады — введение пособия по уходу за ребен-

ком. Дебаты по этому вопросу продолжались на протяжении 1960—1970-х гг. [9]. В 1969 г. в Швеции образовалась радикальная социалистическая феминистская организация «Группа 8». Группа работала как дискуссионная площадка, на заседания которой собирались заинтересованные вопросы роли полов участницы, вместе изучавшие и обсуждавшие литературу и анализировавшие общественные проблемы с точки зрения женского вопроса [9].

Социал-демократическая партия приняла и начала реализовывать долгосрочную программу по достижению равноправия в 1971 г. Государственный интерес к равноправию полов и развитая практика публичного обсуждения этого вопроса являются особенностью шведского общества. Активная позиция шведского сообщества дает возможность говорить о том, что государство отнеслось с пониманием к появлению кризисных центров для женщин, пострадавших от домашнего насилия, в 1970-е гг. и их институализации в 1990-е. Кризисные центры получили большую финансовую и идеологическую поддержку со стороны государства. Это означает, что государство принимает и разделяет позицию и ценности в области защиты прав женщин.

В Исландии женское движение представляет Ассоциация женских прав, которая была основана в 1907 г. в Рейкьявике. Главным направлением работы ассоциации является гендерное равенство в парламенте Исландии и муниципалитетах, в государственных и частных компаниях. Ассоциация борется с неравенством в оплате труда женщин, с насилием над женщинами, проституцией, торговлей людьми.

Наиболее выдающимися женскими организациями в Финляндии на сегодняшний день являются, к примеру, Союз женщин, основанный в 1892 г., и Национальный совет женщин Финляндии. Союз женщин — феминистская организация, которая функционирует как объединение множества независимых женских групп. Суви Салменниemi очень точно определила роль женского движения в Северной Европе: «Женские движения исполняют функцию медиатора-посредника, выводя потребности и желания индивидуальных женщин на государственный уровень принятия решений» [13, с. 308].

Развитие в 60—70-е гг. модели государства благосостояния и экономическое развитие региона в послевоенный период способствовали тому, что женщины были вовлечены в трудовую деятельность и стали активным субъектом на рынке труда наравне с мужчинами. Формирование социально справедливого общества способствовало постановке вопроса о равных экономических и социальных правах женщин. Развитие политики равных возможностей в рассматриваемых странах дало женщинам возможность занять свое место на рынке труда на равных с мужчинами условиях посредством создания системы по уходу за детьми. Эти мероприятия благоприятно сказались на уровне занятости мужчин и женщин, который по-прежнему является одним из высоких показателей среди других стран. Благоприятным результатом стало и то, что все большее количество мужчин вовлекается в уход за детьми, они стали работать в сферах, которые ранее считались преимущественно женскими. Но по-прежнему существуют значительные различия между мужчинами и женщинами в этой области. Рынок труда имеет жесткое разделение: женщины и мужчины в большой степени работают в разных секторах. Соответственно это ведет к неравным

условиям оплаты труда. Однако разница в оплате труда мужчин и женщин в целом по региону незначительна по сравнению с другими странами.

Опыт рассматриваемых стран показывает, что для развития и удержания достигнутого высокого уровня участия женщин во власти и его дальнейшего повышения ключевым фактором является активная роль женского движения.

#### **Библиографический список**

1. *Ажгихина Н.* Правнучки викингов у себя дома. М. : Эслан, 1999. 112 с.
2. *Ван дер Рос Я.* Реализация политики равенства полов на местном уровне // Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / под ред. Ф. Гардинер ; пер. с англ. под ред. Е. Мезенцевой. М. : Идея-пресс, 2000. С. 204—225.
3. *Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство. М. : Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
4. Гендерная политика Швеции. URL: <http://norse.ru/society/sweden/gendernajapolitika.html> (дата обращения: 10.08.2011).
5. Закон о равноправии от 09.06.1978, № 45 : пер. с норв. М. : Междунар. ин-т рекламы, 2001.
6. *Кан А. С.* История скандинавских стран : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1980. 311 с.
7. *Карлсон А.* Шведский эксперимент в демографической политике: Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения / пер. с англ. Б. Пинскера. М. : ИРИСЭН : Мысль, 2009. 312 с. (Социология).
8. *Оконешникова С.* Феминизм и семейно-демографическая политика Швеции 1930-х гг. // Демогр. исслед. 2010. № 7. URL: [http://www.demographia.ru/articles\\_N/index.html?idR=5&idArt=1086](http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=1086) (дата обращения: 25.03.2012).
9. *Павлова А. Н.* Формирование политики равноправия полов в Швеции в 1960—70-е годы : дис. канд. ... ист. наук. М., 2005. 210 с.
10. Проблемы равноправия : документы и материалы : (на примере ЕС, Швеции, Финляндии и Германии). М. : ЧеРо, 2000. 104 с.
11. Равенство между женщинами и мужчинами: права человека и демократия : основные недавно опубликованные документы Совета Европы. Council of Europe, 2004.
12. Равноправие в Финляндии : информация для иммигранток и иммигрантов / Мин-во внутр. дел Финляндии, Уполномоченный по делам меньшинств, Бюро уполномоченного по вопросам равноправия. Хельсинки, 2010.
13. *Салменниemi С.* Гендерное равенство в Скандинавских странах: случай Финляндии // Женщины. История. Общество : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. И. Успенской. Тверь : Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 2002. Вып. 2. С. 302—315.
14. *Степанова Н. М.* Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы // Обществ. науки и современность. 1999. № 4. С. 185—196.
15. Финляндия: V периодический доклад о выполнении КЛЮДЖ (2003) // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О. А. Воронина. М. : МАКС Пресс, 2008.
16. Шестой периодический доклад государств-участников. Исландия. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. CEDAW/C/ICE/6. 2007. December, 4.
17. *Школьников И. А.* Скандинавская модель гендерного равенства // Женские миры — 99: VII Всемир. жен. междисциплинар. конгр. в Тромсо и гендер. исслед. в России. Иваново, 1999. С. 56—76.

18. Шмидт В. Р. Обеспечение трудовых прав женщин: сравнительный анализ международного и национального законодательств // Труд за рубежом. 2003. № 4. С. 119—147.
19. Якобсон Р., Альфредсон К. Равноценные : положение мужчин и женщин в Швеции / Швед. ин-т, Упр. по делам равноправия Министерства труда. Стокгольм, 1997. 96 с.
20. Borchorst A. Scandinavian gender equality: competing discourses and paradoxes // Gender and Well-Being: the Role of Institutions from Past to Present, Madrid, 25<sup>th</sup>—27<sup>th</sup> June 2008. URL: <http://freia.ihis.aau.dk/Publikationer+og+skriftserie/Skriftserie0907-2179> (дата обращения: 14.05.2011).
21. Dahlerup D. Quotas — A Jump to Equality? The Need for International Comparisons of the Use of Electoral Quotas to Obtain Equal Political Citizenship for Women : paper prepared for workshop hosted by International Institute for Democracy and Electoral Assistance (IDEA) on 25 September 2002 in Jakarta, Indonesia.
22. Earles K. Women in the Swedish «People's Home»: Gender and the Social Democratic Welfare State : paper presented at the 2008 annual conference of the Canadian Political Science Association, Vancouver, Canada (June 4, 5 & 6). URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2008/Earles.pdf> (дата обращения: 28.03.2012).
23. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1990.
24. Hernes H. M. Welfare State and Woman Power : Essays in State Feminism. Oslo, 1987.
25. Kvist J. Welfare reform in the Nordic Countries in the 1990s: using Fuzzy-set theory to assess conformity to ideal types // Journal of European Policy. 1999. Vol. 9, № 3. P. 231.
26. Lewis J. Gender and welfare regimes: further thoughts // Social Politics. 1997. Vol. 4, № 2. P. 160—177.
27. Orloff A. S. Gender in the welfare state // Annual Review of Sociology. 1996. P. 51—78.
28. Ronsen M. Fertility and family policy in Norway — a reflection on trends and possible connections // Demographic Research. Vol. 10, art. 10. URL: <http://www.demographic-research.org/volumes/vol10/10/> (дата обращения: 17.07.2011).
29. Statistical Database United Nations Economic Commission for Europe. URL: <http://w3.unece.org/pdxweb/dialog/Saveshow.asp?lang=14> (дата обращения: 06.08.2011).
30. The Greenwood Encyclopedia of Women's Issues Worldwide: Europe / L. Walter, editor-in-chief, volume editor. Westport (CT) ; London, 2003.

---

---

# ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

---

---

ББК 60.542.21:86.38

*Р. Вента*

## ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА МУСУЛЬМАНКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ XX—XXI вв.

Мусульманка — одно из самых интересных, необычных и непредсказуемых действующих лиц истории и современной жизни. Поэтому литература, посвященная представлениям о ней, многообразна, противоречива и порождает множество интересных дискуссий.

Во второй половине XX в. появляются исследования образа мусульманки философско-критической направленности. Их авторы, сторонники эмансипации, выступали за необходимость освобождения мусульманской женщины из-под многовекового гнета. К таким исследователям можно отнести М. В. Вагабова, автора книг «Ислам и женщина» [12] и «Ислам и семья» [13]. В то время советский народ участвовал в строительстве коммунизма и одним из важнейших элементов формирования научного мировоззрения было освобождение людей от религиозных предрассудков и суеверий. «Воспитание мусульманки с самого рождения под гнетом догматических предписаний и этических норм ислама привело, в конечном счете, к тому, что сознание собственного бесправия постепенно вошло в ее плоть и кровь. Ислам, как и всякая религия, обещая золотые горы, молочные реки... выступает с довольно тонкой и законченной системой экономического и духовного порабощения женщин. Установления ислама о социальной неполноценности женщины, затворничестве и ношении ритуальных покрывал, о многоженстве, браке и разводе и т. д. закрепляли в догматике, законодечестве и этике существовавшее в феодальном обществе мусульманского Востока социально-экономическое неравенство женщины» [12, с. 7].

В 70-х гг. XX в. была написана книга Л. И. Шайдуллиной «Арабская женщина и современность». В данном исследовании представлен фундаментальный анализ истории, эволюции и перспектив развития женщины в исламской цивилизации [28].

Многие исследования посвящены изучению положения женщин в республиках советского Востока. Среди обширной научной литературы по жен-

скому вопросу наилучшим образом представлен опыт его решения в Средней Азии и Казахстане в монографических исследованиях К. Г. Алиевой [3], Р. Х. Аминовой [6], К. А. Гафуровой [14], Р. А. Набиевой [19], Б. П. Пальвановой [21], Ж. С. Татыбековой [25], Х. С. Шукуровой [29].

Во всех вышеперечисленных исследованиях говорится о бесправном положении мусульманки до прихода советской власти. К примеру, в своей работе «Эмансипация мусульманки: опыт раскрепощения женщин Советского Востока» Б. П. Пальванова пишет: «Томила в домашнем заточении женщина-мусульманка... и донесли до нее весть... о новых советских законах, предоставляющих женщинам равные права с мужчинами, права в обществе и семье» [21, с. 61]. Мусульманки действительно были в бесправном положении в семье и в обществе, не имели права голоса, находились в состоянии постоянной покорности и унижения. Но утверждать, что мужья, унижавшие своих супругов, опирались исключительно на основы мусульманской религии, неверно, так как в исламских первоисточниках — Коране и Сунне — заложена специфика гендерного равенства между полами, а также подчеркивается уважительное отношение к женщине в любом статусе<sup>1</sup>. Мужчины скорее опирались на *адат*, который чаще всего не дополняет исламские законы, закрепленные в мусульманских первоисточниках, а расходится с ними. Это особенно ярко видно на примерах Северного Кавказа и Средней Азии.

Советская власть вырвала мусульманку из семьи, взвалив на ее хрупкие плечи не только заботу о доме, но и интенсивную деятельность на производстве: «За работу, женщины-мусульманки, те женщины, которые поняли, сколь велики обязанности, возлагаемые на них ходом событий... Необходимо, чтобы женщина-мусульманка примкнула к общественному движению» [22, с. 716]. На наш взгляд, подобное раскрепощение довольно противоречиво, ибо в первую очередь жертвой последовавшего феминизма оказалась семья. Несомненно, вмешаться в процесс закабаления было необходимо, но нельзя было вовлекать женщин в тяжелый физический труд на производстве.

Хочется еще раз отметить, что в период советской власти почти все исследования образа мусульманки носили критический характер, описывая тяжелую жизнь женщины под сенью жестокого религиозного гнета. «Униженная», «оскорбленная», «забитая», «бесправная», «несчастливая», «замученная», «обезличенная» — наиболее часто употребляющиеся эпитеты в адрес мусульманки в литературе первой половины XX в. «В эксплуататорском обществе женщина-мусульманка находилась в тонко сплетенных сетях мусульманской религии. В ужасных условиях мусульманка влачила свою жизнь...» [12, с. 73].

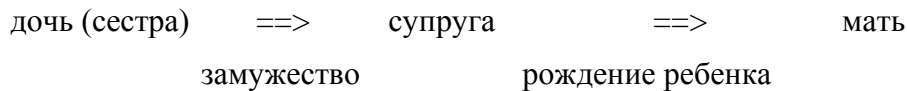
---

<sup>1</sup> Мужчина и женщина равны, но различны. У них разные жизненные функции, но одинаковая цель — *ибада*, служение Богу. Гендерная проблематика в исламе является одной из самых противоречивых тем для дискуссий. Одни и те же аяты о положении мусульманской женщины трактуются по-разному. Автор статьи вслед за известными исламоведами, такими как Хайдар Башем, Г. Р. Балтанова, М. Мутаххари и др., склоняется к трактовке в пользу уважительного отношения к мусульманке и ее особому положению в семье и в обществе.

Лишь во второй половине XX в. пришло понимание того, что мусульманская женщина — не только придаток мужчины, но и самостоятельная личность со своими интересами, взглядами, желаниями.

Сегодня многие молодые ученые по-новому, иначе рассматривают мусульманку в свете ислама. В XXI в. в самых разных уголках бывшего Советского Союза специалисты по исламу приходят к объединяющей их точке зрения в отношении мусульманки и ее статуса в семье и обществе. Чаще всего научные статьи начинаются со слов: «В современном общественном сознании доминирует, к сожалению, искаженный образ “закрепощенной” оковами ислама мусульманской женщины. Несмотря на довольно высокий уровень исламоведения, в российском обществе явно не хватает объективных знаний об исламе и достижениях исламской культуры» [26, с. 148]; «На протяжении веков стоял вопрос об отношении ислама к женщине. Казалось бы, очевидная истина относительно *равнозначности и равноценности* перед Единым Творцом мужчины и женщины по своим правам и обязанностям постоянно нуждается в повторении и уточнении» [2, с. 924]; «Многие исследователи неверно понимают положение женщины в исламском обществе» [1, с. 569].

Далее авторы раскрывают специфику исламского равенства, говоря об особом статусе женщины в исламе, о ее истинном предназначении. Автор статьи «Правовое положение женщины в исламе» М. А. Абдуллаева говорит о высоком положении женщины в исламе, подходящем ее женской природе [1]. Л. В. Фролова в статье «Статус женщины в исламе» схематично показала горизонтальную мобильность мусульманской женщины [26]:



Автор отмечает, что при исследовании любой проблемы, которая затрагивает ислам, следует иметь в виду, что «социальное объективно организуется по законам, имеющим “трансцендентное” происхождение. Выполнение статусно-ролевых указаний, разработанных шариатом и подкрепленных санкциями, имеет силу при условии искренней религиозной мотивации» [26, с. 153].

Вышеперечисленные специалисты говорят о специфической статусно-ролевой модели мусульманской женщины, которая формируется из принципа дифференциации двух полов. Такой же точки зрения придерживается современная исследовательница ислама Г. Р. Балтанова, профессор, доктор философских наук, автор книг «Мусульманка» [8] и «Руководство молодой мусульманки» [9].

Ярко, образно, с широким привлечением новых научных данных и конкретных фактов показано положение женщины в традиционном исламском обществе с момента его возникновения в эпоху раннего Средневековья до наших дней. Г. Р. Балтанова отмечает, что практически в любой религиозной концепции мир предстает как двоичное, биполярное единство мужского и женского начал, которые равны и взаимозависимы. Но постепенно произошло низведение равноценного женского начала в подчиненное положение относительно



но мужского. И исламская концепция не стала исключением. Чрезвычайно велика роль женщины как создательницы семьи, хранительницы семейного мира, комфорта и благополучия. Именно поэтому в мусульманской традиции ответственность за семейные конфликты целиком возлагается на женский пол. Все люди на земле несут равную ответственность перед Богом, выполняя свои обязанности. Каждый приходит в этот мир «чистым» (в состоянии *фитры*) и своими земными поступками старается заслужить право жить в райской обители — *джанне*. Итак, *мужчина и женщина равны, но различны*. У них общие цели, но разные функции, так как они различаются анатомически, физиологически, психологически [12, 13].

Аналогичные взгляды на гендерную проблематику в исламе у З. М. Бараевой. В своей диссертации «Женщина в мусульманском обществе (проблемы трансформации социального и правового статуса)» она говорит о равенстве мужчины и женщины и о различии полов, которое «ни в коем случае не должно привести к неравенству и неравноправию» [10]. Автор раскрывает причины, из-за которых тормозится переосмысление статуса мусульманки в современном обществе. Мусульманскими правоведами чаще всего являются мужчины, которые в свою пользу трактуют религиозные первоисточники: «В результате отсутствия женского голоса в исламском правовом дискурсе можно говорить о настоящем эпистемологическом кризисе в мусульманской юриспруденции в области женских проблем» [10, с. 165]. Далее З. М. Бараева говорит о существенном отличии концепции прав в шариате от Декларации всеобщих прав человека, т. к. «шариат рассматривает мужчину и женщину не как имеющих “равные” права, а, скорее, как “дополняющих” друг друга» [10, с. 168]. В данном вопросе З. М. Бараева и Г. Р. Балтанова расходятся во взглядах. По мнению автора «Мусульманки», нет никакого противоречия между современной западной правовой концепцией и шариатом. Бараева, подтверждая свою позицию, указывает на то, что «существующий на практике статус мусульманки находится в конфликте со многими аспектами Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 г., и других международных документов по правам человека, принятых ООН. Поэтому некоторые права и свободы в исламе вступают в противоречие с правами и свободами, закрепленными в международном Билле и в иных международных документах по правам человека» [10, с. 169]. Например, право на жизнь и положение о смертной казни; право человека на свободу убеждений и на свободу их выражения; право человека на свободу мысли, совести и религии; равенство мужчин и женщин, а также равное для мужчин и женщин право пользования всеми правами; рабство и работорговля [4].

Муртаза Мутаххари в своей книге «Правовой статус женщины в исламе» рассматривает такие вопросы, как сватовство, временный брак, женщина и социальная независимость, Коран о положении женщины, человеческое достоинство и право, естественные основы семейного права, различия между мужчиной и женщиной, махр и иждивение, наследство, развод, многоженство [18]. М. Мутаххари указывает на то, что ислам заранее изложил свой взгляд относительно женщины. Автор призывает обратиться к вопросу о сотворении обоих полов. И приходит к выводу, что раз мужчина и женщина созданы из одной и

той же субстанции, из одного и того же естества, то они равноценны и равны. М. Мутаххари говорит о том, что «равенство отличается от аналогичности, ибо равенство означает паритет, а аналогичность — полное совпадение» [18, с. 84]. У мужчины и женщины разная природа и разные функции, поэтому они не могут быть идентичны друг другу. М. Мутаххари заявляет о необходимости пересмотреть положение женщин и вернуть им позабытые в ходе истории права, которыми наделил их ислам, а не стремиться к тому, чтобы машинально следовать западным стандартам [18, с. 91].

Похожих взглядов придерживается Хайдар Баш, написавший работу «Права женщины в исламе» [11]. Профессор отмечает, что сравнивать мужчину и женщину — это все равно, что сравнивать грушу и яблоко [11, с. 17]. Как два пола различны по своей природе, так они отличаются и по своим обязанностям. «Когда под равенством понимается переход женщины из семейной жизни в трудовую, тогда забвению предается самое главное качество женщины — материнство; это качество отрицается, отодвигается на второй план и даже представляется оковами, унижающими человеческое достоинство женщины» [11, с. 17—18].

Также хочется выделить исследование А. С. Антиповой «Ценности ислама и светского государства в социологическом измерении» [7]. В своей работе А. С. Антипова обобщила результаты социологического исследования, проведенного в вузах Дагестана и направленного на выявление ценностных представлений опрашиваемых об исламе, религиозной нравственности, мусульманском одеянии богобоязненных, многоженстве.

Отметим статью Ж. Б. Логашевой «Ислам и коранический идеал женщины» [16]. Опираясь на текст Корана, поучений богословов и фольклорные произведения, автор воспроизводит представления мусульман Средневековья об идеальной женщине.

Что касается западных исследований, то среди них особое место занимает книга Азгара Али Инженера «Права женщин в исламе» [31]. По мнению автора, религиозные тексты всегда являются объектом интерпретации и адаптации их к определенным социальным и экономическим условиям. Коран и Сунна в условиях патриархального устройства были интерпретированы в соответствии с духом мужского господства и поэтому утратили присущий им изначально демократический дух. Также в ряду посвященных исламской женщине работ можно отметить книгу американской исследовательницы С. Мурата «Дао ислама» [32].

Особого внимания заслуживают глубокие научные работы, принадлежащие перу западных ученых-женщин, которые поставили своей целью объективное рассмотрение роли женщины в исламском обществе, развенчание стереотипов, превалирующих в западной научной литературе и публицистике. В качестве примера можно обратить внимание на две книги. Одна из них — «Семейная жизнь в исламе: традиции, конфликты, предрассудки» вышла в Вене в 1998 г., ее автором является Рита Брейер [30]. Вторая работа, вышедшая в 1995 г. в Германии, написана женщинами-социологами И. Пинн и М. Вехнер. Книга называется «Евроимиджи: мусульманская женщина с западной точки

зрения» [33]. Ее авторы более четырех лет проводили социологические опросы в среде мусульманок. И. Пинн и М. Вехнер решили сделать критический анализ предрассудков, превалирующих в западных СМИ и так называемых научных публикациях. Выражая феминистский взгляд на проблему, авторы данной книги говорят о том, что существует огромная разница между отношением к домашней занятости в западном и мусульманском обществах. Для западной женщины домашний труд не является равноценным общественной работе, тогда как в исламском обществе он котируется гораздо выше [8].

Вообще, в России за последние годы вышло немало литературы, посвященной мусульманской женщине и гендерным вопросам, но данные книги вряд ли можно назвать научными трудами, скорее они выступают в качестве житейских пособий для самих мусульман. Авторы намеренно упрощают стиль изложения, чтобы материал был понятен и доступен широкому кругу читателей [20, 23, 27].

Ответы на многие вопросы самих мусульман и людей, интересующихся гендерной спецификой в исламе, можно найти в сборнике статей «Любовь и секс в исламе» [17]. Авторами сборника являются теологи-правоведы прошлого и настоящего. В книге затронуты важные вопросы. Помимо основной информации, касающейся брака, любви, секса с точки зрения шариата, рассматриваются злободневные проблемы, вызванные разного рода извращениями и сексуальной революцией. В части «Муж и жена», в главе «О равноправии» Набиль Хайрун пишет: «Мы должны понимать, что равенство прав и обязанностей вовсе не означает, будто эти права и обязанности должны быть одинаковыми, к чему призывают западные феминистки. Равенство надо понимать скорее как справедливость. Ведь мужчина и женщина различаются в физическом, а также в эмоциональном плане. Аллах создал их разными и с этим нельзя не считаться» [17, с. 201]. В главе «Отношение мужа к жене» Курамуххаммад Рамазанов говорит о необходимости соизмерять свои действия с шариатом. Прежде всего автор пишет следующее: «Муж обязан хорошо относиться к жене, быть терпеливым к ее недостаткам» [17, с. 206].

\*\*\*

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в современных научных исследованиях подчеркивается *высокий статус женщины* согласно канонам мусульманской религии. Однако признается неисполнение в нужной степени религиозных предписаний и, как следствие, *дискриминация женщин* в семье и в обществе. Многие авторы рассуждают о причинах, повлекших за собой унижение мусульманок и их закрепощение: во-первых, чаще всего толкователями выступают мужчины, которые интерпретируют священные писания в свою пользу, тем самым нарушая основы ислама. Некоторые исследователи отмечают противоречивые толкования одних и тех же аятов, а также говорят о многоплановости арабского языка. Местные многовековые традиции — адаты — в том или ином социуме часто смешиваются с основами религии и противоречат основам ислама. Однако люди, придерживающиеся таких традиций, считают,

что живут согласно религиозным предписаниям, и таким образом дискредитируют своими поступками истинных мусульман. Часто *сами женщины не знают о своих правах*. Мусульманка может потребовать выполнения своих законных прав или же обратиться непосредственно в соответствующие компетентные инстанции. В случае нарушения своих прав женщина может подавать иски в судебные инстанции или же давать показания в суде. Однако необразованные либо запуганные мусульманки зачастую не реализуют свои права. Родился даже термин «исламский феминизм», который во многих случаях выражает требования соблюдения и обеспечения прав женщин в соответствии с нормами ислама, что дает мусульманкам возможность защищать и расширять свои права в патриархальном обществе, противопоставляя шариат и этнические обычаи, зачастую уходящие корнями в пережитки доисламского периода.

Как же преодолеть дискриминацию женщин? Необходимо правильное понимание *специфики гендерного равенства в исламе*. Важно помнить, что мусульманская женщина от рождения наделена всеми общечеловеческими правами и никто не имеет права лишать ее их. Но даже если эти положения будут соблюдаться внутри мусульманской общины, останется нерешенным вопрос: будет ли реализовано равенство с точки зрения западного общества? Ведь целью гендерного равенства на Западе является интеграция принципа равенства полов во все сферы, чтобы равенство продвигалось всеми слоями общества и не существовало никакой дискриминации.

До конца XX в. большинство специалистов по исламу имели критические взгляды при исследовании образа мусульманки и лишь немногие начинали говорить об истинном статусе мусульманки, осторожно намекая на высокое положение женщины в исламе. В XXI в. у подавляющего большинства авторов работ на данную тему не остается сомнений в том, что необходимо обратиться к истокам ислама и вернуть женщине-мусульманке права, данные свыше.

#### **Библиографический список**

1. *Абдуллаева М. А.* Правовое положение женщины в исламе // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 569—575.
2. *Агзамова Л. М.* Роль и место женщины-матери в исламе // Вестн. Башк. ун-та. 2009. Т. 14, № 3. С. 924—927.
3. *Алиева К. Г.* Женщины Советского Туркменистана. Ашхабад : Туркменгосиздат, 1950. 71 с.
4. *Аль-Али Насер, Абдель Рахим.* Универсализм и исламская концепция прав и свобод человека. М., 2000. 200 с.
5. *Аляутдинов Ш.* Женщины и ислам. СПб. : Диля, 2011. 320 с.
6. *Аминова Р. Х.* Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент : Фан, 1975. 335 с.
7. *Антипова А. С.* Ценности ислама и светского государства в социологическом измерении // Социол. исслед. 2007. № 3. С. 111—118.
8. *Балтанова Г. Р.* Мусульманка. М. : Логос, 2005. 373 с.
9. *Балтанова Г. Р.* Руководство молодой мусульманки. СПб. : Диля, 2010. 224 с.
10. *Бараева З. М.* Женщина в мусульманском обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Даг. гос. ун-т. Махачкала, 2003. 17 с.

11. *Баиш Х.* Права женщины в исламе / пер. с тур. под ред. А. Хайдара. Казань : Мастер-Лайн, 2003.
12. *Вагабов М. В.* Ислам и женщина. М. : Мысль, 1968. 230 с.
13. *Вагабов М. В.* Ислам и семья. М. : Наука, 1980. 172 с.
14. *Гафурова К. А.* Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана в первые годы Советской власти (1917—1924 гг.). М. : Наука, 1972.
15. Дочери Советского Востока. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961.
16. *Логашева Ж. Б.* Ислам и коранический идеал женщины // Ислам и политика : (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М. : ИВ РАН : Крафт +, 2001. С. 319—326.
17. Любовь и секс в исламе : сб. ст. и фетв. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Ансар, 2005. 304 с.
18. *Мутаххари М.* Правовой статус женщины в исламе / пер. с перс., примеч. М. Махшулова. СПб. : Петерб. востоковедение, 2010. 288 с.
19. *Набиева Р. А.* Женщины Таджикистана в борьбе за социализм. Душанбе : Ирфон, 1973. 276 с.
20. *Нуруллина Г.* Женщина в исламе. М. : Умма, 2003. 384 с.
21. *Пальванова Б. П.* Эмансипация мусульманки : опыт раскрепощения женщины Советского Востока. М. : Наука, 1982.
22. *Полетаев В. Е.* Революционное движение в России в апреле 1917 г.: апрельский кризис. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 933 с.
23. *Сакр А.* Семейные ценности в исламе : пер. с англ. СПб. : Диля, 2007. 192 с.
24. *Сукдео Р.* Тайны за паранджой. Обычаи доисламской Аравии. СПб. : Варнава, 2005. 116 с.
25. *Татыбекова Ж. С.* Раскрепощение женщины-киргизки Великой Октябрьской социалистической революцией, 1917—1936 гг. Фрунзе : Изд-во АН Кирг.ССР, 1963. 137 с.
26. *Фролова Л. В.* Статус женщины в исламе // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер.: Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2. С. 148—154.
27. *Худа Хаттаб.* Справочник мусульманской женщины : пер. с англ. М. : Умма, 2002. 137 с.
28. *Шайдуллина Л. И.* Арабская женщина и современность. М. : Наука, 1978. 200 с.
29. *Шукурова Х. С.* Социализм и женщина Узбекистана : (исторический опыт Коммунистической партии Советского Союза в раскрепощении женщин Советского Востока на примере Узбекистана 1917—1937 гг.). Ташкент : Узбекистан, 1970.
30. *Breur R.* Familien leben im Islam: traditionen-konflikte-vorurteile. Freiburg : Herder Spectrum, 1998.
31. *Engineer A. A.* The Rights of Women in Islam. London : C. Hurst, 1992.
32. *Murata S.* The Tao of Islam : a Sourcebook on Gender Relationships in Islamic Thought. Albany : Suny Press, 1992.
33. *Pinn I., Wehner M.* Europhantasien: die islamische Frau aus westlicher Sicht. Amherst : DISS, 1995. 36 с.

ББК 60.56

*И. А. Исакова*

## **ТРАНСПОРТНАЯ РЕКЛАМА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Реклама — это неотъемлемая часть культуры общества потребления, сложившегося в настоящее время в большинстве развитых и развивающихся стран. По мнению большинства исследователей роли рекламы в современной культуре, визуальное представление рекламы отражает культурный облик народа. Это ставит перед разработчиками рекламных кампаний все более сложные цели — связанные как с решением собственно маркетинговых задач продвижения товаров и услуг, создания позитивного имиджа, так и с определением места рекламных продуктов в современном обществе и культуре. Речь идет и о художественных достоинствах рекламы, и о социальной ответственности, ценностях, которые воспринимаются публикой при знакомстве с явным и латентным содержанием того или иного рекламного текста. Функции рекламы разнятся от информирования о полезных свойствах продуктов и услуг до декларирования культурных ценностей, установления с потребителем доверительного, эмоционально насыщенного диалога.

Среди всех разновидностей рекламной коммуникации, безусловно, одной из самых актуальных является транспортная реклама, использующая небывалые средства выражения [3, с. 71].

Возрастание ее роли и включенность в разнообразные сферы функционирования социума требуют анализа и оценки этого феномена с точки зрения его влияния на социальное поведение, социальные отношения и социальные процессы.

Транспортная реклама — это экономичный и легко узнаваемый атрибут городских дорог. Она не примелькалась целевой аудитории, поскольку появилась не так давно — в 80-х годах XX века, поэтому пока вызывает большой интерес, что также повышает ее эффективность. К специфическим свойствам транспортной рекламы относятся: наружное размещение, нестационарность, массовость, удобство и экономичность для рекламодателя, относительная дешевизна, платежеспособная аудитория.

Целевая аудитория транспортной рекламы — социально активные люди в возрасте от раннего до пенсионного, то есть это канал зрителей, которым свойственны внушаемость, доверие рекламе, приверженность к визуальным средствам получения информации, а также эгалитарные установки, в том числе вера в равенство полов.

Таким образом, транспортная реклама — это специфическая область социальных массовых коммуникаций между рекламодателями и аудиториями рекламных обращений с целью активного коммуникационного воздействия на

эти аудитории, которое должно способствовать решению определенных маркетинговых задач рекламодателя, где каналом выступает транспорт.

Исходя из положения теории систем, любая реклама является совокупностью универсальных элементов символической природы, посредством которых индивиды вступают в коммуникацию и сообщают друг другу свой опыт. В рамках символической традиции определение можно уточнить: реклама — это особая система культурных значений [6].

Если переводить понятие транспортной рекламы в терминологию символистов, а именно Клиффорда Гирца, то к ней подходит его определение культуры как «стратифицированной иерархии значимых структур, состоящей из действий, символов и знаков» [1]. Это определение может быть взято в качестве основы для выявления структуры транспортного рекламного сообщения, без которого невозможна полноценная передача информации.

Все научные теории рассматривают транспортную рекламу как систему информации. С точки зрения функциональной теории, это совокупность функциональных знаковых элементов. Согласно когнитивистской теории, такая реклама определяется как символически закодированная и культурно передаваемая, «как состоящая из выученных систем значений, сообщающихся посредством естественного языка и других символических систем» [6]. Представители символической традиции указывают, что информация в окружающей среде передается не только с помощью текста, но и с помощью изображения, то есть содержится и в тексте, и в картинке, поэтому неотъемлемыми частями рекламы должны быть текстовый компонент, изобразительный или они оба. Выбор компонента зависит от решения рекламозаказчика и желаемого результата. Так, приглашение на какое-либо мероприятие, например на театральную постановку, обязательно должно содержать дату и место проведения, то есть основываться на текстовом компоненте. А другая транспортная реклама, нацеленная на длительное возбуждение и поддержание интереса, например при продвижении нового сериала, должна основываться на сильном эмоциональном воздействии, для которого иногда не требуется пояснения или достаточно всего одного-двух слов с названием товара. Такие примеры будут основываться на изобразительном компоненте.

Легко запоминается та информация, в которой прослеживается внутренняя связь между потребностями человека и тем, что демонстрируется в сообщении. Чем больше обнаруживает человек этих смысловых связей в рекламном изображении, тем легче запоминает он его содержание, смысл. То есть любая реклама — это своеобразный идеологический конструкт, код, выстраивающий систему символических ценностей: социальных, моральных, гендерных, семейных. По мнению И. В. Грошева, «последние, как правило, не только стереотипизированы, идио- и видеоадаптированы, но и упрощены, сведены до уровня “ритуальных идиом”. Иными словами, непосредственные предложения о товарах и услугах обычно представляются в рекламе в контексте других образов, рассказывающих об устройстве общества, его культурных конструкциях и о взаимоотношениях в нем (мужчин и женщин)» [4, с. 172].

Гендерный показатель важен, потому что в настоящее время поведение полов нередко размыто. Оно, в частности, навязывается людям посредством

рекламы, газет, фильмов и др., что дает возможность говорить о роли СМИ в формировании гендерной идентичности человека. Исследование изображений женщин и мужчин, например в рекламе, позволяет проанализировать стереотипы, внедряемые в сознание потребителей, навязываемые модели поведения и социальные роли, которые могут ограничивать представления о возможностях выбора жизненного пути для мужчин и женщин. Особенно это характерно для транспортной рекламы: ее потребители — представители среднего класса, по причине своих финансовых возможностей они несколько ограничены в выборе жизненного пути, а по причине не самого высокого уровня образования достаточно ограничены во взглядах и конформны. Именно эти категории населения склонны доверять рекламе и наиболее восприимчивы к стереотипам, в ней продвигаемым, в том числе и гендерным. Эти стереотипы достаточно изменчивы и связаны с конкретным историческим периодом, не существует единой для всех обществ модели гендерных стереотипов.

В качестве объекта анализа была выбрана транспортная реклама. Современные данные сопоставляются с результатами И. В. Грошева, М. А. Кашиной и Д. В. Осиповой [3, 4, 7]. В качестве инструментария применялся контент-анализ образцов транспортной рекламы, собранной в Нижнем Новгороде (в основном это бортовая реклама).

Итак, в Нижнем Новгороде нами были проведены наблюдения с 15 октября по 15 декабря 2010 года и в тот же период в 2011 году.

В 2010 году нами было составлено 185 листов наблюдения в автобусах и 125 — в маршрутных такси: в автобусах обнаружено 31 объявление с изображением людей (то есть около 17 % от всей описанной нами рекламы), в маршрутках — 32 сообщения (примерно 26 %).

В 2011 году нами было составлено 70 листов наблюдения в автобусах и 40 — в маршрутных такси: в автобусах обнаружено 15 объявлений с изображением людей (то есть около 21 % от всей описанной нами рекламы), в маршрутках — 11 сообщений (27,5 %).

В 2011 году по сравнению с 2010 годом сильных изменений не произошло, реклама с изображением людей составляет примерно пятую часть от всей транспортной, что, несомненно, меньше, чем в телевизионной и печатно-газетной рекламе.

Изображения отдельно женщин и мужчин в транспортной рекламе с использованием образов людей встречаются в половине случаев: для автобусов этот показатель — 29 % с изображением женщин и 36 % с мужчинами, для маршрутных такси — 50 % с женщинами и 19 % с мужчинами (2010 год). Доли примерно равные, но женщины изображаются чуть чаще.

И. Грошев пишет, что львиная доля телевизионной рекламируемой продукции демонстрируется на фоне красивых женщин, частей женского тела или женских тел в целом [4, с. 175]. Данные исследования транспортной рекламы этот вывод не подтверждают, что позволяет констатировать значительную разницу в гендерной структуре рекламных сообщений на телевидении и в транспорте.

Следующий тезис, который мы проверяли: современные рекламные ролики по-прежнему в большинстве своем несут зрителю традиционные гендер-



ные представления о женщине-домохозяйке и мужчине-кормильце. И это также не нашло у нас полного подтверждения.

Можно выделить несколько основных гендерных образов-стереотипов, использующихся в рекламной индустрии: для женщин — образ «городской кокетки», «домохозяйки», «деловой женщины», «соблазнительницы»; для мужчин — образ «авантюриста», «соблазнителя», «делового человека», «спортивного человека» и «семьянина» [9].

Первая разновидность, которая встречается в транспортной рекламе, — мужчина — «деловой человек». Мужской образ чаще воплощает собой активное, деятельностное начало, выражаемое в первую очередь в форме одежды. В большинстве роликов мужчина одет в деловой костюм, показан в активном движении, за рулем автомобиля или за работой в офисе. В рекламе восточного клуба «Амира» на стекле в маршрутном такси изображена женщина в восточном наряде и двое мужчин в офисных костюмах, здесь продвигается классическое соотношение гендерных ролей — деловой мужчина и зависимая, развлекающая его женщина.

В классическом представлении мужчине свойственна сила, которая, с одной стороны, показывает его агрессивность, стремление воевать, а с другой — романтизируется, ведь мужчина — защитник и должен быть смелым.

Второй представленный в транспортной рекламе образ — «авантюрист». Романтизация мужской силы встречается в рекламе таблеток темпалгина, где изображен мужчина, идущий в море под парусом, в рекламе магазина компьютеров — мужчина в костюме охотника, в рекламе денежных переводов — мужчина в форме парашютиста. Получается, что в сфере бизнеса мужчина кажется более профессиональным. А в рекламе «Работа для молодежи» изображен только парень, словно женщинам карьера не нужна. В роли «эксперта» в вопросах, касающихся медицины, представлен мужчина, как, например, в рекламе медицинских центров «Персона». Это некоторая дискриминация женщин в профессиональной среде.

Мужчина-«семьянин» тоже встречается в транспортной рекламе. Хотя семьи здесь изображаются редко: 0,5 % от всей исследованной рекламы в автобусах и 1,6 % от всей исследованной маршрутной рекламы. Это реклама услуг банка и оптического магазина линз «Облик». Это не магазины семейных товаров, но и противоречия в этом нет. Важно, что есть примеры транспортной рекламы магазинов с изображением отцовской семьи — мужчина и сын. По нашему мнению, нужно чаще изображать в транспортной рекламе счастливые семьи, но только при рекламе соответствующих товаров.

Мужчины в образе «соблазнителя» мы не встретили. Мы считаем, что это не случайно и является специфической чертой транспортной рекламы. С одной стороны, это может объясняться требованиями безопасности на дороге, с другой — пассажиры общественного транспорта часто используют автобусы для перемещения с работы на работу, то есть с деловыми целями.

Мужчин в образе «спортивного человека» в Нижнем Новгороде мы тоже не нашли. Даже в рекламе фитнес-центра хотя и изображен мужчина с мячом, но он в деловом костюме и соответствует «деловому образу». Однако в обще-

российском опыте есть такие примеры — на борту с рекламой магазина «Спортландия» изображен фигурист Алексей Ягудин.

Изображение мужчины, которого, по нашему мнению, нет в классификации, — мужчина-«профессионал». Его отличие от образа бизнесмена — это отсутствие соответствующего костюма, что придает рекламе несколько иной характер: акцент не на успешности, а на уважении к профессиональным талантам. В рекламе пиццерии поваром изображен мужчина. В рекламе «Работа для молодежи» — парень, желающий построить карьеру. На рекламе медицинских центров «Персона» изображен доктор — мужчина старшего возраста.

В телевизионной рекламе перед зрителем, как правило, предстает молодая, стройная, привлекательная женщина, облаченная в легкую, полупрозрачную одежду, которая подчеркивает ее привлекательность и сексуальность. По нашему мнению, это образ «городской кокетки». Например, в рекламе школы танцев — женщина в балетной позе, на носочках, в шортах и коротком топе, практически нагая.

Женский образ часто дополняется элементами насыщенно красного или бордового цвета. По словам И. Грошева, в дозированном объеме красный цвет используется как возбуждающий элемент «секс-призыва» и сексуального раздражения [4, с. 176].

На рекламе в транспорте даже молодые девушки чаще всего полностью одеты, как в рекламе женского парфюма или как актриса Анастасия Заворотнюк в вечернем платье в сериале «Аманда О».

Примеров женщин-«соблазнительниц» в транспортной рекламе практически нет, что мы уже пытались объяснить выше на примере мужчин. Это свидетельствует о некотором изменении социального статуса женщины, акцент «на повсеместной сексуализации и эротизации образа женщины» встречается, но чаще в телевизионной и печатной рекламе [8].

Еще один образ — женщины-домохозяйки — эксплуатируется в современной отечественной рекламе. Но в транспортной рекламе этот образ используется очень редко. В этих роликах нет выраженной сексуальности, женщина здесь предстает профессионалом в области домашнего хозяйства — в приготовлении первых и вторых блюд, которыми она с наслаждением кормит своих домочадцев, мытье посуды, избавлении всего и вся от въевшейся грязи, чистке ковров. Например, реклама «Практичная печка» содержит картинку с изображением немолодой женщины в виде печки, а рядом сама печка на фоне красивой осени; печка — это символ дома.

Не стоит, однако, рассматривать транспортную рекламу как дискурс, воспроизводящий только гендерные стереотипы, которые отражают патриархальные взаимоотношения. В настоящее время образ женщины трансформируется под влиянием перемен, происходящих в их общественном и профессиональном положении, — женщина становится активной, занимает маскулинизированные позиции, уходит от привычной роли жены, матери, пытается реализовать себя как личность. Квинтэссенцией произошедшего статусного сдвига в немецкоговорящих странах стала «замена трех традиционных “К” в имидже женщины — “Kinder, Küche, Kirche” (дети, кухня, церковь) — на новые — “Kenntnis, Konnen, Kompetenz” (знание, умение, компетентность)» [10, с. 352].

транспортной рекламе изображены женщины в деловых костюмах: актриса Мария Кожевникова в рекламе телефонной связи НСС, женщина в деловом костюме за столом в рекламе книжного магазина и др.

Подводя итог, отметим, что в транспортной рекламе Нижнего Новгорода мужчина чаще всего представлен в роли бизнесмена и профессионала, реже — романтического авантюриста и семьянина. Это может объясняться использованием самой транспортной рекламы — водители, которые потребляют бортовую рекламу, относят себя к классу деловых мужчин и, таким образом, ощущают свою сопричастность с товаром. Для женщин мужчина-бизнесмен также является очень привлекательным, поскольку достаточно обеспечен для семейной жизни и при этом очень симпатичен. Однако, по нашему мнению, не стоит абсолютизировать профессиональный успех. Транспортная реклама акцентирует внимание на роли мужчины лишь как добытчика средств, необходимо «очеловечить» мужчин, например чаще изображая их с семьей, что позволит и преодолеть культ денег, и напомнить о ценности семьи.

Как и в ситуации с мужчинами, женщина чаще представлена в роли «бизнес-леди», хотя вообще в рекламе первый по популярности образ — «городская кокетка». Мы не считаем, что это явление негативное. Важнее, на наш взгляд, чаще обращаться к образу «домохозяйки», показывая значимость и важность этой роли, особенно на фоне снижения рождаемости и ценности брака.

Тот факт, что транспортная реклама практически не содержит изображений «соблазнитель», по нашему мнению, следует считать специфической особенностью данного носителя. И это необходимо сохранять, потому что опыт мировой рекламы не раз доказывал — откровенная реклама на дороге часто провоцирует дорожно-транспортные происшествия, чего, без сомнения, нужно избегать.

Классический пример стереотипности представлен на маршрутном такси: в рекламе, которая предлагает купить журнал, изображены мужчина, одетый в офисном стиле, рядом с ним женщина, одетая повседневно, как среднестатистическая домохозяйка, то есть в деловой и профессиональной сфере они не равны, но что касается развлечений — различий нет, поэтому на соседнем фото — мужчина и женщина в купальных костюмах.

Нельзя говорить, что в рекламе есть только стереотипы. М. А. Кашина и Д. В. Осипова пишут, что «в современных рекламных сообщениях мы по-прежнему наблюдаем женщину, захваченную телефонным разговором настолько, что она перестает замечать окружающую действительность, некоторые компании выстраивают свою ценовую политику и систему скидок с учетом этого нормативного качества женщины — безмерной любви к разговорам, — закрепляющегося в сознании с помощью рекламных роликов» [7, с. 386]. Однако в Нижнем Новгороде мы встретили в транспорте рекламу сотового оператора «Мегафон», где мужчина в костюме и белой рубашке сидит за столом и пьет чай, так увлеченно разговаривая по телефону, что мешает ложечкой чай, хотя сахар просыпал мимо чашки.

Женщины и мужчины в основном изображены стоя, изображение сидя (пример описан выше) и лежа (американская актриса Скарлетт Йохансон лежит, откинув руку за голову, в рекламе магазина одежды «Mango») — скорее исключения. Положение лежа — одно из тех, в котором физическая самозащита менее удобна, а следовательно, данное положение свидетельствует о том, что находящийся в нем человек весьма зависим от великодушия окружающих.

В рекламе сети гипермаркетов товаров для строительства и ремонта «Максидом» показаны трое мужчин и женщина. Ремонт дома — это скорее обязанность мужчин, и в рекламе часто продвигается этот стереотип (в роликах про магазины строительных товаров покупки осуществляют мужчины, строителями тоже чаще представляют их). В транспортной рекламе этот стереотип не поддерживается, хотя количество мужчин преобладает, но в группу включены и женщины.

Нейтрализация гендерного фактора в рекламной коммуникации достигается, например, путем использования технологий парного изображения мужчины и женщины [5, с. 111]. В транспортной рекламе встречаются изображения пар, причем все они молоды: в автобусной рекламе — 3,2 % от общего числа исследованных в 2010 году примеров, в маршрутках — 1,6 %. Следует отметить, что пары демонстрируют влюбленность и редко производят впечатление семейных, то есть это нельзя отнести к пропаганде семейных отношений. Например, улыбающиеся мужчина и женщина возле елки в рекламе сумок или молодая пара, показывающая большие пальцы вверх, которая продвигает оплату услуг на почте. Но и сексуального контекста не отмечено: даже если пара целуется, всё достаточно скромно, как в рекламе мобильных знакомств или в рекламе «Победа над одиночеством».

Проведенные нами практические исследования показывают, что гендерный фон по-прежнему используется в рекламе, но в транспортной рекламе он значим гораздо меньше, чем, например, в телевизионной. Транспортные образцы в большинстве своем несут зрителю традиционные гендерные представления о мужчинах-кормильцах в деловых костюмах. Однако в транспортной рекламе женщины не изображаются домохозяйками, они тоже показаны деловыми личностями или так, что ни к сфере бизнеса, ни к домохозяйкам их причислить нельзя («городская кокетка»). Новые приоритеты предполагают психологический женский портрет, включающий черты, традиционно приписываемые мужчине, — высокий интеллект, целеустремленность, интерес к разным сторонам общественной жизни, успешность карьеры [2, с. 39—40]. В отличие от телевизионной рекламы акцент переносится с сексуальности на более скромную женскую привлекательность. Мужчина в рекламе по-прежнему строит будущее в прямом и переносном смысле, отдыхает с друзьями, решает судьбы мира и успешно покоряет женщин. В образе «семейного человека» встречаются и мужчины и женщины.

#### **Библиографический список**

1. Гирц К. Г. Интерпретация культур : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с. (Культурология. XX век). URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/girc/01.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/01.php) (дата обращения: 12.12.2011).

2. *Городникова М. Д.* Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе : (на материале брачных объявлений) // Гендерный фактор в языке и коммуникации : сб. науч. тр. М., 1999. С. 39—40. (Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. 446).
3. *Грошев И. В.* Гендерная невербальная коммуникация в рекламе // Социол. исслед. 1999. № 4. С. 71—77.
4. *Грошев И. В.* Рекламные технологии гендера // Обществ. науки и современность. 2000. № 4. С. 172—187.
5. *Гусейнова И. А.* Проблема гендерной асимметрии в видеоряде коммерческих дескриптивных РТ : (на материале русскоязычной прессы) // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. Второй Междунар. конф. М., 2002. С. 107—112.
6. *Д'Андрад Р.* Культурные значимые системы. URL: <http://ethnopsychology.narod.ru/study/contemporary/dandrade.htm> (дата обращения: 29.03.2012).
7. *Кашина М. А., Осипова Д. В.* Реклама как механизм воспроизводства гендерной стратификации : (по материалам анализа телевизионных рекламных роликов) // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10, вып. 5/6 (44/45). С. 376—387.
8. *Кирилина А. В.* Гендерные аспекты массовой коммуникации. URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/kirilina.htm> (дата обращения 20.03.2012).
9. *Паренькова Е.* Гендерные стереотипы в рекламе. URL: [http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT\\_ID=5461&SECTION\\_ID=107](http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=5461&SECTION_ID=107) (дата обращения: 11.01.2012).
10. *Федотова М. Е.* Роль феминистской субкультуры в становлении системы наименований женщин по профессии в современном немецком языке // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. Первой Междунар. конф. М., 2001.

---

---

## Аннотации

---

---

***Шпаковская Л. Л.* Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса**

Статья посвящена анализу гендерного уклада современных российских незарегистрированных союзов. На основании эмпирического исследования реконструируется феноменология «гражданского брака» в среде молодых представителей городского среднего класса, выделяются те смыслы, которые приписываются этому явлению обыденным сознанием в данной социальной группе. Предлагается типология партнерских союзов, анализируется отношение к зарегистрированному браку в партнерствах, интерпретируются изменения в организации интимности, характерные для современного российского общества.

**Ключевые слова:** партнерство, брак, семья, городской средний класс, гендерное разделение труда, трансформация гендерного порядка, интервью.

***Шишелякина А. Л.* Добрачные стратегии татарок в условиях трансформации российского общества (На примере татарского сообщества Тюменской области)**

С позиции концепции социетальной трансформации Т. И. Заславской, теории П. Бурдьё и гендерного подхода анализируются добрачные стратегии татарок: предлагается их типологизация, выявляются факторы, влияющие на выбор той или иной стратегии.

**Ключевые слова:** гендер, добрачные стратегии, татарское сообщество.

***Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматанова Г. Л.* Исторические традиции женской благотворительности в России (На примере семей губернаторов Верхнего Поволжья)**

Исследуется женская благотворительность в российской провинции на примере семей российских губернаторов в последней четверти XVIII — начале XX века, выявляются модели и методы социальной поддержки населения и оценка значимости данного опыта в современных условиях.

**Ключевые слова:** благотворительность, супруги губернаторов, приют, богадельня, сбор средств.

***Соловьев А. А.* Чтение женщин-крестьянок Владимирской губернии в конце XIX — начале XX в.**

Рассматриваются малоисследованные вопросы, касающиеся чтения крестьянок в конце XIX — начале XX в. На примере Владимирской губернии исследуются пути проникновения книгопечатных изданий на село, выявляются основные литературные предпочтения женщин-крестьянок. Показана степень необходимости для них печатного слова, раскрывается образ типичной крестьянки — любительницы книг.

**Ключевые слова:** книга, крестьянка, чтение, женщина-читатель, библиотека, Владимирская губерния.

**Такташева Ф. А. Роль женщин в восстановлении народного хозяйства Сталинградской области (1943 — начало 1950-х гг.)**

Показана обусловленность привлечения женщин в промышленное и сельскохозяйственное производство демографическим и экономическим развитием региона после окончания Сталинградской битвы. Анализируется доля женского труда в отраслях народного хозяйства Сталинградской области в 1943 — начале 1950-х гг.

**Ключевые слова:** женский труд, восстановление народного хозяйства, демографическое развитие.

**Смеюха В. В. Женские журналы СССР в 1945—1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация**

Исследуется советская женская пресса периода 1945—1991 гг. Выявляются тематические и типологические особенности и принципы воздействия на аудиторию. Анализируются изменения изданий, причины их модификации, делаются выводы о роли, значении женских журналов в информационно-коммуникативном процессе.

**Ключевые слова:** женский журнал, общественно-политический журнал, советская пресса, женская аудитория, типология, тематика, типологические особенности.

**Штылева М. В. Реализация политики гендерного равенства в странах Северной Европы**

Статья посвящена рассмотрению реализации политики гендерного равенства в странах Северной Европы, признанных мировыми лидерами в этой области. Гендерное равенство в северных странах тесно связано с моделью государства всеобщего благосостояния (welfare state). В связи с этим выделены характерные черты государства всеобщего благосостояния и их связь с гендерной политикой равноправия.

**Ключевые слова:** государства всеобщего благосостояния, гендер, гендерное равенство.

**Вента Р. Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX—XXI вв.**

На основе современных исследований анализируется эволюция образа мусульманки, а также ее социально-правового положения.

**Ключевые слова:** мусульманка, положение женщин, социальное неравенство, правовое неравенство.

**Исакова И. А. Транспортная реклама: гендерный аспект**

Исследуется место транспортной рекламы в формировании и поддержании гендерных представлений в современном российском городе. Проанализированы материалы наблюдений, проводившихся в Нижнем Новгороде с 15 октября по 15 декабря в 2010 и 2011 гг.

**Ключевые слова:** женские образы, гендерные представления, реклама, транспортная реклама, рекламный образ.

---

---

# Summaries

---

---

***Shpakovskaya L. L. Cohabitation: marriage strategies of urban middle class young representatives***

The article deals with the analysis of gender arrangements of contemporary Russian cohabitations. Using the interviews collected in the frames of an empirical research in St Petersburg, the author reconstructs the phenomenology of «civil marriage» in a milieu of young urban middle class people, identifies the meanings of «civil marriage» in the everyday consciousness, interpretes the changes in the organization of intimacy and family life which are typical for contemporary Russian urban society.

**Key words:** partnership, marriage, family, urban middle class, gender division of labor, transformations of the gender order, interviews.

***Shishelyakina A. L. Tatar premarital strategies in the context of transformation of Russian society (By the example of Tatar community in Tyumen' region)***

In this article premarital strategies of Tatars from positions of the concept of societal transformation of T. I. Zaslavskoy, the theory of P. Burd'e and gender approach are analyzed: their typology is offered, factors influencing the choice one or another premarital strategy are revealed.

**Key words:** gender, premarital strategies, tatar group.

***Marasanova V. M., Albegova I. F., Shamatonova G. L. Historical traditions of female charity in Russia (By the example of families of governors of the Top Volga region)***

Female charity in the Russian province on an example of families of the Russian governors in last quarter XVIII — the XX-th century beginning is investigated; models and methods of social support of the population and an estimation of the importance of the given experience in modern conditions come to light.

**Key words:** Charity, spouses of governors, a shelter, an almshouse, fund raising

***Soloviev A. A. Reading of women-peasants of the Vladimir province at the end of the XIX — beginning of the XX century***

Issues, concerning the reading of peasants at the end of the XIX — the beginning of the XX-th century which are studied not deeply by the moment are considered in the article. On the example of the Vladimir province ways of penetration of printing editions into a village are investigated; the basic literary preferences of women-peasants are come to light; the degree of necessity of a printing word for them is shown; the image of a typical peasant — lovers of books revealed.

**Key words:** book, peasant, reading, woman-reader, library, Vladimir province.



***Taktasheva F. A. Women's role in reconstruction of national economy in Stalingrad region (1943 — beginning of the 1950th)***

As it's shown in the article women's involvement in industrial and agricultural manufacture depended on demographic and economic development of the region after the end of the Stalingrad battle. The portion of female labor in the branches of national economy in Stalingrad region in 1943 — the beginning of 1950 is analyzed.

**Key words:** female labor, reconstruction of national economy, demographic and economic development.

***Smeyukha V. V. Women's magazines in USSR in 1945—1991: typology, problematics, figurative transformation***

In the article the Soviet female press of the period 1945—1991 is investigated. Its thematic and typological peculiarities and ways to influence the auditory are studied. Changes of periodicals, reasons for their modification are analyzed. The author draws conclusions about the role and significance of women's magazines in information-communicative process.

**Key words:** female magazine, political magazine, the Soviet press, female audience, typology, subjects, typological features.

***Shtyleva M. V. Realization of the policy of gender equality in countries of Northern Europe***

This article is considering realization of a policy of gender equality in countries of Northern Europe because they are leaders of the world in this area. Gender equality in northern countries is closely connected with the project of realization the welfare state model. We allocate characteristic features of the welfare state and their connection with a gender policy of equality.

**Key words:** welfare state, gender, gender equality.

***Venta R. Image evolution of a Moslem woman in researches of XX—XXI c.***

On the base of contemporary scientific works the image evolution of Muslim woman and her social and low status are analyzed.

**Key words:** muslim, status of women, social inequality, legal inequality.

***Isakova I. A. Transport advertizing: gender aspect***

The article is devoted to the research of transport advertisement's place in formation and support of gender vision of a modern Russian city. The analysis is made on materials of observation held on Nizhnij Novgorod from October, 15 to December, 15 in 2010 and 2011.

**Key words:** women images, gender visions, advertisement, transport advertisement, advertising image.

---

---

## Авторы номера

- АЛБЕГОВА**  
**Ирина Федоровна** доктор социологических наук, профессор,  
заведующая кафедрой социальных технологий,  
Ярославский государственный университет  
им. П. Г. Демидова.  
alba50@yandex.ru
- ВЕНТА**  
**Рената** аспирантка философского факультета,  
Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова.  
ventarenata@yandex.ru
- ИСАКОВА**  
**Инна Александровна** аспирантка кафедры общей социологии  
и социальной работы факультета социальных наук,  
Нижегородский государственный университет  
им. Н. И. Лобачевского.  
inna\_isakova@mail.ru
- МАРАСАНОВА**  
**Виктория Михайловна** доктор исторических наук, профессор,  
заведующая кафедрой музеологии и краеведения,  
Ярославский государственный университет  
им. П. Г. Демидова.  
alba50@yandex.ru
- СМЕЮХА**  
**Виктория Вячеславовна** кандидат филологических наук, старший преподаватель  
кафедры средств массовых коммуникаций,  
Южный федеральный университет.  
smeyha@yandex.ru
- СОЛОВЬЕВ**  
**Алексей Александрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры гумани-  
тарных и социальных дисциплин,  
Ивановская государственная сельскохозяйственная  
академия им. Д. К. Беляева.  
aleksey.s37@yandex.ru
- ТАКТАШЕВА**  
**Флюра Анваровна** аспирантка кафедры истории России,  
Волгоградский государственный  
социально-экономический университет.  
flyura34@mail.ru
- ШАМАТОНОВА**  
**Галина Леонидовна** кандидат политических наук,  
старший преподаватель кафедры  
социально-политических теорий,  
Ярославский государственный университет  
им. П. Г. Демидова.  
gshamatonova@mail.ru

## Авторы номера

---

---

**ШИШЕЛЯКИНА**  
Алена Леонидовна

аспирантка Института проблем освоения Севера  
СО РАН (Тюмень).  
Shishelyakina@mail.ru

**ШПАКОВСКАЯ**  
Лариса Леонидовна

кандидат социологических наук,  
доцент факультета социологии,  
НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).  
lara@eu.spb.ru

**ШТЫЛЕВА**  
Мария Владимировна

соискательница кафедры Новой, Новейшей истории  
и международных отношений,  
Ивановский государственный университет.  
ma-masha@yandex.ru

---

---

# Содержание

## СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

<b>Шпаковская Л. Л.</b> Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса .....	3
<b>Шишелякина А. Л.</b> Добрачные стратегии татарок в условиях трансформации российского общества (На примере татарского сообщества Тюменской области) .....	17

## ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

<b>Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л.</b> Исторические традиции женской благотворительности в России (На примере семей губернаторов Верхнего Поволжья) .....	26
<b>Соловьев А. А.</b> Чтение женщин-крестьянок Владимирской губернии в конце XIX— начале XX в. ....	38
<b>Такташева Ф. А.</b> Роль женщин в восстановлении народного хозяйства Сталинградской области (1943 — начало 1950-х гг.) .....	49
<b>Смеюха В. В.</b> Женские журналы СССР в 1945—1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация .....	55
<b>Штылева М. В.</b> Реализация политики гендерного равенства в странах Северной Европы .....	67

## ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<b>Вента Р.</b> Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX—XXI вв. ....	81
<b>Исакова И. А.</b> Транспортная реклама: гендерный аспект .....	89
<i>Аннотации</i> .....	97
<i>Авторы номера</i> .....	101

---

---

# Contents

## SOCIOLOGY OF FAMILY

- Shpakovskaya L. L.** Cohabitation: marriage strategies of urban middle class young representatives ..... 3
- Shishelyakina A. L.** Tatar premarital strategies in the context of transformation of Russian society (By the example of Tatar community in Tyumen' region) ..... 17

## WOMEN'S AND GENDER HISTORY

- Marasanova V. M., Albegova I. F., Shamatonova G. L.** Historical traditions of female charity in Russia (By the example of families of governors of the Top Volga region) ..... 26
- Soloviev A. A.** Reading of women-peasants of the Vladimir province at the end of the XIX — beginning of the XX century ..... 38
- Taktasheva F.A.** Women's role in reconstruction of national economy in Stalingrad region (1943 — beginning of the 1950-th) ..... 49
- Smeyukha V.V.** Women's magazines in USSR in 1945—1991: typology, problematic, figurative transformation ..... 55
- Shtyleva M. V.** Realization of the policy of gender equality in countries of Northern Europe ..... 67

## GENDER SOCIOLOGY

- Venta R.** Image evolution of a Moslem woman in researches of XX—XXI c. .... 81
- Isakova I. A.** Transport advertizing: gender aspect ..... 89
- Summaries* ..... 99
- Authors of the issue* ..... 101

---

---

## УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала ([www.womaninrussia.ru](http://www.womaninrussia.ru)), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: [gafizovanb@mail.ru](mailto:gafizovanb@mail.ru), [inna\\_kodina@mail.ru](mailto:inna_kodina@mail.ru), [riabova2001@inbox.ru](mailto:riabova2001@inbox.ru)

*С уважением*

*главный редактор журнала*

*«Женщина в российском обществе»,*

*доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова*

---

---

## ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

**ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**Российский научный журнал**

**№ 1 (62) — 2012**

Директор издательства *Л. В. Михеева*  
Редактор *О. Я. Литвак*  
Корректоры *М. Б. Балябина, О. В. Батова,*  
*О. В. Боронина, О. А. Кручинина*  
Технический редактор *И. С. Сибирева*  
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 21.03.2012 г. Формат 70x108 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 9,45. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»  
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47



# Авторы номера

**АЛБЕГОВА**  
**Ирина Федоровна**

доктор социологических наук, профессор,  
заведующая кафедрой социальных технологий,  
Ярославский государственный университет  
им. П. Г. Демидова.  
alba50@yandex.ru

**ВЕНТА**  
**Рената**

аспирантка философского факультета,  
Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова.  
ventarenata@yandex.ru

**ИСАКОВА**  
**Инна Александровна**

аспирантка кафедры общей социологии  
и социальной работы факультета социальных наук,  
Нижегородский государственный университет  
им. Н. И. Лобачевского.  
inna\_isakova@mail.ru

**МАРАСАНОВА**  
**Виктория Михайловна**

доктор исторических наук, профессор,  
заведующая кафедрой музеологии и краеведения,  
Ярославский государственный университет  
им. П. Г. Демидова.  
alba50@yandex.ru

**СМЕЮХА**  
**Виктория Вячеславовна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель  
кафедры средств массовых коммуникаций,  
Южный федеральный университет.  
smeyha@yandex.ru

**СОЛОВЬЕВ**  
**Алексей Александрович**

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и  
социальных дисциплин,  
Ивановская государственная сельскохозяйственная  
академия им. Д. К. Беляева.  
aleksey.s37@yandex.ru

**ТАКТАШЕВА**  
**Флюра Анваровна**

аспирантка кафедры истории России,  
Волгоградский государственный  
социально-экономический университет.  
flyura34@mail.ru

**ШАМАТОНОВА**  
**Галина Леонидовна**

кандидат политических наук,  
старший преподаватель кафедры  
социально-политических теорий,  
Ярославский государственный университет  
им. П. Г. Демидова.  
gshamatonova@mail.ru

**ШИШЕЛЯКИНА**  
**Алена Леонидовна**

аспирантка Института проблем освоения Севера  
СО РАН (Тюмень).  
Shishelyakina@mail.ru

**ШПАКОВСКАЯ**  
**Лариса Леонидовна**

кандидат социологических наук,  
доцент факультета социологии,  
НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).  
lara@eu.spb.ru

**ШТЫЛЕВА**  
Мария Владимировна

соискательница кафедры Новой, Новейшей истории  
и международных отношений,  
Ивановский государственный университет.  
ma-masha@yandex.ru